

А. В. КОНСТАНТИНОВ
М. В. КОНСТАНТИНОВ

АРХЕОЛОГИЯ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Забайкальский государственный университет
Забайкальское отделение Русского географического общества

А. В. Константинов
М. В. Константинов

Археология Забайкалья

Учебное пособие

Чита
ЗабГУ
2020

УДК 902(571.55)(075)
ББК 63.4(2Рос-4Чит)я73
ББК Т4(2Рос-4Чит)я73
К 65

Рекомендовано к изданию учебно-методическим советом
Забайкальского государственного университета

Рецензенты

А. Д. Цыбиктаров – д-р ист. наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории, Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ
А. В. Харинский – д-р ист. наук, профессор кафедры истории и философии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск

Константинов, Александр Васильевич

К 65 Археология Забайкалья : учебное пособие / А. В. Константинов, М. В. Константинов ; Забайкальский государственный университет. – Чита : ЗабГУ, 2020. – 179 с. [ил.].
ISBN 978-5-9293-2577-9

Учебное пособие посвящено археологии Забайкалья и охватывает временной промежуток от эпохи камня до средневековья и нового времени. В книге значительное внимание уделено истории археологических открытий, персоналии исследователей дополняют выдержки из их научных сочинений.

Учебное издание предназначено для студентов, обучающихся по направлениям: 44.03.01, 44.04.01 *Педагогическое образование* (Историческое образование), аспирантов, учителей, учащихся старших классов, а также всех интересующихся древнейшим прошлым Забайкалья.

УДК 902(571.55)(075)
ББК 63.4(2Рос-4Чит)я73
ББК Т4(2Рос-4Чит)я73

Оглавление

Предисловие	5
Введение	6
1. Историческое наследие в археологических открытиях	8
1.1. История археологических исследований	8
1.2. Эпоха камня	15
1.3. Эпоха металла	35
1.4. Эпоха средневековья и новое время	50
2. Хрестоматия	67
2.1. Исследователи	67
2.2. Научные сочинения	81
Программа учебного курса	110
Рекомендуемая литература к курсу «Археология»	118
Рефераты	127
Заключение	129
Библиографический список	130
Приложение	139

Предисловие

Система изучения археологии на историческом факультете Забайкальского государственного университета включает учебный и научный компоненты.

Базовым является учебный курс «Археология». Его программа построена преимущественно на материалах по археологии России с привлечением данных по зарубежной археологии, что совершенно необходимо, особенно в связи с вопросами происхождения человечества. «Археология» с 2020 г. вновь преподаётся на первом курсе, во втором семестре. По учебной программе на археологию отводится 144 ч. Из них 64 ч являются аудиторными (лекции, семинары). Остальные часы отводятся на самостоятельную работу. Изучение курса завершается экзаменом.

На втором курсе изучается курс «Археология Забайкалья». На занятия в течение семестра отводится по одной учебной паре в неделю. Занятия проводятся в факультетском «Музее археологии Забайкалья имени И. И. Кириллова». Студенты работают над рефератами по теме «Археология родного района» и защищают реферат на семинаре. Для них проводятся следующие экскурсии: 1) археологические памятники Сухотино; 2) археологические памятники Титовской сопки; 3) археологическая экспозиция Забайкальского краевого краеведческого музея имени А. К. Кузнецова. По результатам экскурсий студенты составляют творческие отчёты; участвуют в камеральной обработке археологического материала, изучают экспозицию археологического музея и учатся проводить обзорную экскурсию для школьников по всему музею и тематическую экскурсию по одному из стендов. Изучение курса завершается зачётом.

В летнее время для студентов второго курса проводится археологическая практика в течение 28 дней. Практика проходит в полевых условиях в рамках деятельности двух вузовских экспедиций: Верхнеамурской и Чикойской. Места проведения практик выбираются руководителями экспедиций. Они связаны с изучением опорных археологических памятников, таких как Толбага, Студёное, Усть-Менза, Хирхириновское городище, Кондуйский городок и др. Во время практики студенты ведут дневники и составляют реферат. По результатам практики и представления документации им выставляются оценки.

Студенты, желающие заниматься археологией углублённо, работают в исследовательских группах и экспедициях (после третьего и последующих курсов), пишут курсовые работы, бакалаврскую и магистерскую диссертации, выступают с докладами на вузовских и межвузовских конференциях, публикуют материалы в научных сборниках. Учащиеся, проявившие себя в научной сфере, имеют возможность для поступления в аспирантуру по специальности «Археология» с дальнейшей защитой на степень кандидата исторических наук.

Введение

Учебные пособия по археологии Забайкалья имеют свою историографию. К 1917 г. в среде забайкальской интеллигенции зародилась идея создания «Забайкальской энциклопедии» – своеобразного комплексного учебного пособия по краеведению. Известно, что один из разделов предполагаемого издания назывался «Археология»; ответственным за него являлся директор Читинского музея Географического общества А. К. Кузнецов. Социальные потрясения и политические перемены не позволили осуществить задуманное.

В 1920 – 30-х гг., когда краеведение стало одним из принципов обучения, началось формирование школьной археологии. Благодаря министру просвещения ДВР, профессору А. А. Половинкину, в 1922 г. вышла в свет брошюра «Что было на Чертовом бугре (из истории первобытной культуры с рисунками автора)», предназначенная для школьников. Учитель Е. И. Титов организовывал с участием детей археологические разведки на Титовской сопке. Разгром краеведения в 1930-х гг. прервал развитие данного направления. Многие известные краеведы и педагоги в этот период были репрессированы.

Новая литература стала появляться в послевоенное время. Сначала это были большие статьи в читинских газетах об археологических открытиях А. П. Окладникова, В. Е. Ларичева, С. В. Киселёва и др. Студенты изучали рукописное пособие М. И. Рижского «Древнее Забайкалье». В 1966 г. издана научно-популярная книжка М. И. Рижского «Из глубины веков. Рассказы археолога о древнем Забайкалье». Сейчас она стала библиографической редкостью.

В 1970–80-е гг. появилась серия учебных изданий, в том числе «Очерки древней истории Забайкалья» (И. И. Кириллов, М. И. Рижский, 1973), «Восточное Забайкалье в древности и средневековье» (И. И. Кириллов, 1979), «История Забайкалья (I – середина II тыс. н. э.)» (Е. В. Ковычев, 1984), «Бурятия в древности. История (с древнейших времён до XVII в.)» (А. Д. Цыбиктаров, 1999). Данные издания, подготовленные как учебные пособия для студентов, использовались и учителями.

В 2000-е гг. опубликованы научно-популярные книги «Оракулы веков. Этюды об исследователях Сибири» (М. В. Константинов, 2002), «Провинциальная археология» (М. В. Константинов, 2008).

В 2012 г. издано учебное пособие для аспирантов «Археология Забайкалья: история, теория и методы исследования» (авторы: М. В. Константинов, А. В. Константинов, И. И. Разгильдеева, С. Б. Верещагин, А. Ю. Мороз, П. В. Мороз, Н. Г. Дятчина, О. А. Яремчук, Е. В. Ковычев, А. А. Номоконов, В. В. Нестеренко).

В 1992 г. Законом «Об образовании», наряду с федеральным компонентом, в содержание образования был введён региональный (национально-региональный) компонент, что укрепило позиции краеведения в учебном процессе и потребовало подготовки новой учебной и методической литературы. К работе по её созданию подключились учителя, преподаватели вузов, музейные работники. Появилась работа учителя истории И. Ю. Портнягиной «Страницы древней истории Забайкалья» (2000, 2002, 2019).

Опубликованы «История Восточного Забайкалья. Читинская область» (2001) (редакторы: И. И. Кириллов, Н. В. Гордеев; авторы глав по археологии: И. И. Кириллов, Е. В. Ковычев, О. И. Кириллов) и «История Забайкалья (с древнейших времён до 1917 года)» (2002, 2009, 2017) (А. В. Константинов, Н. Н. Константинова).

Сведения по древнейшей истории края вошли в учебные пособия по географии. Главу «Забайкалье в панораме тысячелетий» для учебного пособия «География Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа» (2001) подготовили А. В. Константинов, Н. Н. Константинова. В 2009 г. учебное пособие переиздано под названием «География Забайкальского края».

В 1997 г. вышло учебное картографическое пособие «Атлас Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа» (под ред. В. С. Кулакова). В него включена «Археологическая карта» И. И. Кириллова, Е. В. Ковычева. В 2010 г. пособие переиздано под названием «Атлас Забайкальского края», а сведения по археологическим памятникам дополнены. В 1988 г. появилась физико-краеведческая карта «Читинская область, Агинский Бурятский автономный округ», предназначенная для средних общеобразовательных учебных заведений. На ней обозначены археологические памятники. Она приобрела широкую популярность среди населения и переиздана в 1998 г.

С 1996 г. началась работа по созданию «Энциклопедии Забайкалья». В первом томе энциклопедии опубликован раздел «Древность и средневековье» (2000, 2002), в последующих томах – многочисленные алфавитные статьи по региональной археологии. В серии «Малая энциклопедия Забайкалья» вышел отдельный том «Археология» (2011). Накопленный за эти годы материал позволил подготовить данное учебное пособие. Оно предназначено для студентов-историков, аспирантов, учителей, учащихся старших классов, а также всех интересующихся древнейшим прошлым Забайкалья.

В пособии отражена смена исторических эпох – камня, металла, средневековья, нового времени и соответствующих им археологических культур, этносов. В книге представлены биографии крупных исследователей и фрагменты из важнейших научных публикаций. В данном учебном издании дана программа курса «Археология Забайкалья», а также раздел «Рефераты» с указанием тем рефератов и методики работы при их подготовке и оформлении.

Список рекомендуемой литературы по археологии Забайкалья включает диссертации, монографии, пособия, сборники, путеводители, статьи. Он предназначен для углублённого изучения материала, подготовки рефератов, курсовых, выпускных квалификационных работ, магистерских и кандидатских диссертаций.

При оформлении работы использованы фотографии из фондов Музея археологии Забайкалья им. И. И. Кириллова ЗабГУ, Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова. Автор портретов и рисунков на исторические темы – художник Н. М. Полянский.

1. ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЯХ

1.1. История археологических исследований

История археологических исследований в Забайкальском крае до последнего времени не имела достойного освещения. Историки науки уделяли больше внимание западным районам Забайкалья, приходящимся на Бурятию, или рассматривали этот вопрос применительно к отдельным эпохам. Работа над томом «Археология» в серии «Малая энциклопедия Забайкалья» (2011) заставила разработать вопросы истории археологических исследований на уровне персоналий, всех значимых памятников и сквозной хронологии – от палеолита до новейшего времени. При этом обращалось внимание на все территории внутри края, от южной границы с Китаем и Монголией до северного Кодара, и независимо от того, какие научные силы и в какое время эти исследования проводили.

Первые научные наблюдения археологического и этнографического характера применительно к просторам Забайкалья принадлежат русским послам, направлявшимся в Китай в последней четверти XVII в. Так, Николай Спафарий в 1675–1676 гг. пересёк Забайкалье от Байкала до Нерчинска и далее – на юг к Аргуни. В его дневнике, опубликованном в 1882 г., представлены наблюдения о даурской земле и её населении, его быте и нравах. Он заметил большие каменные жернова на р. Жернокопке – притоке Ингоды.

В 1693 г. тем же маршрутом прошли Э. И. Идес и А. Бранд. В путевых дневниках, оформленных затем в единую книгу (1709), они подробно характеризовали внешний вид, одежду, жилища, занятия и погребения конных тунгусов, а также их взаимодействие с русскими, обитавшими в острогах и Читинском плотбище. Ими отмечаются сотни развалившихся укреплений из обломков скал, хотя, скорее всего, они встречали древние плиточные погребения.

Первым исследователем археологических памятников стал учёный петровской эпохи, доктор медицины Д. Г. Мессершмидт, который в рамках комплексных исследований изучал древности. Когда он путешествовал (1724–1725) по юго-восточному Забайкалью, то обратил внимание на многочисленные степные маяки-погребения, древнюю крепостицу на р. Урулюнгуи и многоверстный земляной вал в Приаргунье, уходящий в Китай. Двумя годами ранее он приобрёл опыт поисков и раскопок древних памятников в Хакасии, на Енисее и Томи, и потому уверенно определял типы древних объектов в Забайкалье.

Десятилетие спустя примерно такой же маршрут по Сибири проложил академик Петербургской академии Г. Ф. Миллер. В 1735 г. он организовал раскопки 15 плиточных погребений в верховьях Шилки у Городищенской слободы. В общении с нерчинским воеводой Г. Ф. Деревниным действовал «именем её императорского величества». Немедленно откликнувшись на эти требования, воевода направил на раскопки крестьян с лопатами и кирками, о чём свидетельствуют документы, сохранившиеся в Госархиве Забайкальского края. Раскопками руководил студент университета Петербургской академии наук А. П. Горланов.

Г. Ф. Миллер обследовал в Приаргунье земляной вал и пять сопровождающих его городков, видя в них лагерные стоянки древних властителей этих стран. Он пытался узнать у местных тунгусов и монголов предания об истории этих укреплений и вала. В созданной им «Истории Сибири» Г. Ф. Миллер отнёс забайкальские древности к эпохе Чингисхана. В академическом отряде Г. Ф. Миллера работал студент С. П. Крашенинников, будущий академик, составивший глубокие наблюдения о хозяйстве как коренного, так и русского населения и тем самым положивший начало научной этнографии Забайкалья.

В этом же научном отряде состоял академик, доктор медицины И. Г. Гмелин, написавший очерк истории горного дела, в котором он указал на наличие древних рудных разработок на Ононе, Газимуре и в Нерчинском Заводе, называемых в народе чудскими копами. В таких местах И. Г. Гмелиным и многими другими в дальнейшем находились каменные молоты, следы выплавленного металла, груды отождествлённой породы и др. [Хабаков, 1950]. В обобщённом виде результаты разносторонних исследований И. Г. Гмелин изложил в четырёхтомном труде «Путешествие через Сибирь в 1733–1743 гг.».

Первые исследователи проводили изучение древностей ради изъяснения истории, что неоднократно подчёркивали. В связи с этим вряд ли был прав московский археолог А. А. Формозов, который оценивал их как землеписателей [Формозов, 1986].

В 1772 г. исследование древностей продолжил академик П. С. Паллас. Он отмечал многочисленные древние погребения по таким рекам, как Чикой, Онон, Шилка, Ага, Тура, называя их чудскими или даурскими. В тот же год Забайкалье обследовал академик И. Г. Георги. Он встречал древние погребения на Шилке и Унде и указывал на наличие следов древних рудников близ Нерчинского Завода.

В XVIII в. правительством в Нерчинском Заводе создан центр промышленности. Помимо серебряно-свинцового производства с 1704 г., в нём с 1723 г. действовала горная школа, а с 1773 г. началось формирование Минерального кабинета, в котором были сосредоточены минералогические, палеонтологические коллекции, древние и старинные вещи. Они использовались в учебном процессе. Кабинет можно считать первым забайкальским музеем. Коллекции создавались усилиями горных инженеров Барбота де Марни, Я. И. Рычкова, лекаря П. Томилова. Их изучил и пополнил путешественник, горный советник, академик Э. Г. Лаксман.

В 1774–1779 гг. в Нерчинской горной школе преподавал и собирал коллекции для музея выпускник Московского университета А. М. Карамышев. В 1776 г. он защитил диссертацию «О необходимости естественной истории в России», а затем стал чле-

Г. Ф. Миллер

И. Г. Гмелин

П. С. Паллас

ном-корреспондентом двух академий: отечественной и шведской [Константинова, 2010]. Эти данные опровергают вывод Г. С. Лебедева, считавшего, что освоение Сибири царским правительством происходило только в виде «учёных путешествий» и носило краткосрочный характер [Лебедев, 1992].

Вклад в изучение забайкальских древностей внесли декабристы. В период нахождения в Читинском остроге (1827–1830) декабристы собирали коллекции каменных орудий и старинных монет. Остатки этой коллекции выявлены в жилом строении на территории тюремного острога во время археологических раскопок в 2009–2011 гг. Каменные орудия неолитического облика декабристы могли находить во время прокладки траншей прямо во дворе острога или во время топографических съёмок в окрестностях Читы, в том числе у с. Титовское. Их также весьма интересовали сибирские монеты, не имевшие хождения в европейской части России.

Составленную ими коллекцию можно рассматривать как материальный аналог письма из Ялуторовска, спрятанного в запечатанной бутылке в доме, где жил декабрист М. И. Муравьёв-Апостол. Письмо содержало сведения о жизни декабристов и заканчивалась словами: «Для пользы и удовольствия будущих археологов, которым желаю самого лучшего в мире, кладу эту записку 18 августа 1849 г.» [Букштынович, Сокольский, 1977]. Отметим, что одной из популярных книг в Читинском остроге были некие «Археологические путешествия» на французском языке [Завалишин, 2003, с. 346]. Всё это противоречит суждению о том, что «сибирской этнографией и историей декабристы интересовались мало» [Формозов, 1990].

В XIX в. продолжались исследования инженеров Нерчинского горного округа. В 1802 г. в музей Нерчинского Завода усилиями И. Черницина доставлена стела с выбитой надписью, вошедшая в науку как «Чингисов камень». Первоначально она располагалась в окрестностях Хирхирина городского городка. В 1832 г. стела доставлена в Петербург и ныне представлена в экспозиции Эрмитажа.

В 1818 г. Г. И. Спасский впервые упомянул о развалинах Кондуйского дворца. А. Н. Таскин привёз оттуда в музей два гранитных изваяния, которые в дальнейшем были перевезены в Петербург. Изучали кондуйские и другие древности поэт Ф. И. Бальдауф, врач П. Веслополов, химик Е. Б. Пранг. Инженер А. И. Павлуцкий провёл регистрацию древних погребений и некоторые из них раскопал, в том числе крупную плиточную могилу Кара-Баян и два кургана на горе Окошки, а сведения о них опубликовал в трудах ВСОИРГО.

Руководитель комиссии по оценке сырьёвых запасов А. Д. Озерский при обследовании Забайкалья в 1852–1853 гг. подтвердил наличие древних рудоразработок меди и олова и следов промывки золотосодержащих песков [Озерский, 1867]. Научные исследования горных инженеров полностью выпали из поля зрения авторов обобщающих трудов по истории российской археологии.

В 1848 г., продолжая традицию учёных путешествий, забайкальские просторы освоил финский учёный М. А. Кастрен. Вместе со студентом Бергедати он изучал плиточные могилы в Агинской степи, полагая, что они принадлежали бурятам шаманского толку. Археологические исследования были сопряжены с этнографическим изучением бурятской культуры. Результаты исследований изданы при поддержке ИРГО в Москве.

Создание отдела ИРГО в Иркутске в 1851 г. расширило направление исследований. В 1866 г. молодые путешественники П. А. Кропоткин, И. С. Поляков проложили маршрут от Бодайбо до Читы, собрав палеонтологический и археологический материал в карьерах золотоносных приисков. Эти открытия высоко оценил граф А. С. Уваров, полагавший, что они могли характеризовать палеолитическую эпоху [Уваров, 1881].

В этой экспедиции П. А. Кропоткин сделал первые наблюдения для обоснования теории материкового оледенения, ставшей базовой не только для четвертичной геологии,

но и первобытной археологии. В обобщённом виде она представлена в книге «Исследование о ледниковом периоде» (1876). В ней нашли отражение мысли автора о движении человечества от кремня к легкоплавким металлам, затем к бронзовым, железным и стальным орудиям [Кропоткин, 1876]. Однако эти важные для формирования палеолитоведения идеи и находки не нашли адекватного отражения в монографии Н. И. Платоновой «История археологической мысли в России (вторая половина XIX – первая треть XX века)» (2010).

В исследованиях древностей принимали участие польские ссыльные. В 1866 г. Б. И. Дыбовский, проживавший в селении близ минерального источника Дарасун, обследовал Агинские степи, нашёл во многих местах поверхностные погребения бурят, а также плиточные могилы у с. Бальзино. Выполненные художником Парвексом рисунки плиточных погребений он отослал в Варшаву ориенталисту профессору О. М. Ковалевскому. Под влиянием Б. И. Дыбовского в степной поиск включились его товарищи по ссылке А. И. Чекановский, В. А. Годлевский и др. [Эйльбарт, 2006].

С 1880-х гг. разведки древних памятников проводил ссыльнопоселенец А. К. Кузнецов. Сначала он жил в Нерчинске, затем в Чите, где принял активное участие в создании Читинского отделения ИРГО (1894). А. К. Кузнецов открыл 25 стоянок с каменным инвентарём и 20 лапидарных памятников, т. е. надписей, маяков, курганов на Нерче, Шилке, Ононе, Ингоде, Аргуни. Отдельные погребения он раскопал. Так, им вскрыто погребение недалеко от Нерчинского Завода, близ Буреинского караула. В нём оказалось нефритовое кольцо. А. К. Кузнецов исследовал развалины Кондуйского городка. Зарабатывая на жизнь фотографированием, он постоянно использовал фотокамеру в археологическом деле.

На XI Международном конгрессе по доисторической археологии и антропологии в Москве в 1892 г. был представлен его археологический атлас. А. К. Кузнецов упомянут в книге «Императорская археологическая комиссия (1859–1917)» как создатель Нерчинского и Читинского музеев и получатель открытого листа в 1900 г. на раскопки памятников вдоль строящейся Маньчжурской ветки.

В 1906 г. как один из руководителей революционной Читинской республикой он отправлен в Акатуйскую тюрьму, а затем на поселение в окрестности Якутска. В течение трёх лет в музее его заменил кяхтинский краевед П. С. Михно, принявший участие в обследовании Агинской степи. В 1913 г. А. К. Кузнецов возвращён в Читку, где восстановил сгоревший двумя годами раньше музей, привёл в порядок сохранившиеся коллекции [Кузнецов, 1925].

В западных районах современной территории Забайкальского края исследования проводились кяхтинскими краеведами. Так, в конце XIX – начале XX в. учитель А. П. Мостиц нашёл древние стоянки у с. Усть-Кякта, музейный работник П. С. Михно открыл стоянки у сёл Ямаровка и Урлук, врач Ю. Д. Талько-Грынцевич выявил группу керексуров около Урлука. В обобщённом виде селенгинские древности представлены Талько-Грынцевичем на XII Археологическом съезде в Харькове в 1902 г. На востоке Забайкалья, на Шилке были описаны городища горным инженером А. Н. Банщиковым и полковником П. П. Орловым [Алкин, 2011].

В 1921–1923 гг. А. К. Кузнецов, будучи директором Читинского музея, сотрудничал с Государственным институтом народного образования Дальневосточной республики, где преподавали историк В. И. Огородников, археолог В. Я. Толмачев, географ А. А. Половинкин. В те годы Читку неоднократно посещал иркутский профессор Б. Э. Петри, здесь он издал две книжки о сибирских древностях. Из Читы Б. Э. Петри отправился на забайкальский север, где занялся изучением жизни тунгусов. Забайкальские научные новости учёный сообщал кружку народоведения при Иркутском государственном

университете (ИГУ), членами которого являлись М. М. Герасимов, А. П. Окладников, Г. Ф. Дебеч и др., что во многом предопределило их научные интересы.

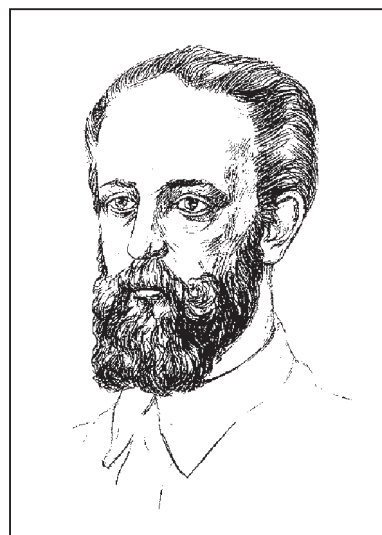
Благодаря консультациям Б. Э. Петри и А. К. Кузнецова, выпускник Иркутского университета (ИГУ) учитель Е. И. Титов вместе со школьниками в 1924 г. собрали по периметру Титовской сопки подъёмный материал, состоящий из каменных изделий. В том же году студент ИГУ Г. Ф. Дебеч провёл разведку от Верхнеудинска до Читы, а затем изучил коллекции в Читинском музее. Он выделил две неолитические культуры: селенгинскую (в районе Кяхты) и даурскую (от Байкала до Амура), сменяющие друг друга. Годом раньше (1923) на Ононе открыл ряд стоянок, в том числе с изделиями палеолитического облика (у с. Дурулгуй), зав. отделом Русского музея С. И. Руденко.

В 1927–1932 гг. сотрудники краеведческого музея А. И. Махалов, И. И. Михалкин проводили разведки в долине Ингоды и в окрестностях Читы, открыли 20 стоянок каменного века и погребение железного века в Сухой пади. В 1929 г. И. И. Михалкин совместно с П. П. Хороших составили указатель литературы по археологии Забайкалья. Яркой фигурой в науке того времени являлся востоковед Г. Ц. Цыбиков – агинский бурят, выпускник Читинской мужской гимназии, совершивший по заданию ИРГО путешествие в Тибет.

В 1930-х гг., в условиях тоталитарной власти, музейное дело и краеведение подверглись жёстким нападениям, а его деятели – репрессиям. Так, в 1937–1938 гг. оклеветаны и расстреляны Б. Э. Петри, Е. И. Титов, П. С. Михно, В. И. Огородников, реабилитированные в 1950-х гг. Благодаря содействию ветерана органов госбезопасности А. В. Соловьева, выявлены и изучены их арестантские дела, содержащие важные биографические и историографические сведения.

Возобновление исследований относится к послевоенному времени. С 1950 г. в Читинском пединституте преподавал М. И. Рижский, организовавший студенческий археологический клуб, действовавший под его руководством до 1962 г. Вместе со студентами он выезжал на раскопки в разные экспедиции. Он написал учебное пособие и научно-популярную книжку «Из глубины веков» (1965). Ему принадлежат главы о бронзовом веке и забайкальских гуннах в первом томе «Истории Сибири» (1968). М. И. Рижскому активно содействовал А. П. Окладников как представитель академической науки, сначала ленинградской, затем сибирской. С 1950 г. и в течение трёх десятилетий он исследовал Восточное Забайкалье, начиная с окрестностей Читы (приложение, с. 142).

Так, на Титовской сопке им обнаружена мастерская эпохи палеолита, отмеченная десятками тысяч артефактов в виде продуктов первичного расщепления камня. Здесь же, на двух скалах, найдены писаницы. В дальнейшем им зафиксированы в разных местах более десяти памятников с писаницами; они опубликованы в одном из томов книги «Петроглифы Забайкалья» (1970). А. П. Окладниковым раскопаны неолитические поселения Чиндант, Арын-Жага, а также Шилкинская пещера с богатым погребальным инвентарём того же времени. На Шилке им начато изучение средневековых городищ. В степных распадах Поононья А. П. Окладниковым изучены погребения выделенной им бурхотуйской культуры, отнесённой к II–VIII вв. н. э. Характер оленных камней отражён в его книге «Олень золотые рога» (1964). В одной из публикаций он представил триподы как яркое проявление культуры ранних номадов. Под Агинском вскрыл погребение гуннов, уже испытывавших влияние сяньби. В даурских экспедициях А. П. Окладникова продуктивно трудились его аспиранты и молодые сотрудники – Н. Н. Диков, В. Е. Ларичев, С. Н. Астахов,

Б. Э. Петри

Р. С. Васильевский, А. П. Деревянко и др. При поддержке А. П. Окладникова сформировалась читинская школа археологов (приложение, с. 144).

Особая страница в историю исследований вписана экспедициями Института археологии АН СССР. В 1956–1958 гг. С. В. Киселев, Л. А. Евтюхова раскапывали памятники монгольского времени – Кондуйский городок и Хирхириновское городище. Отдельный отряд этой экспедиции в течение 20 лет под руководством Ю. С. Гришина вёл разведку памятников эпохи металла на Ононе и Аргуни (приложение, с. 173).

С 1965 г. под руководством преподавателя Читинского пединститута (ЧГПИ) И. И. Кириллова проводятся археологические практики для студентов-историков и формируется Читинский отряд Дальневосточной археологической экспедиции. Организованы разведки на байдарках по Ингоде, Онону, Хилку, Чикою. Раскопаны палеолитические стоянки Сухотино-1, Танга и стоянки с керамикой Громатуха, Доронинск-3 (приложение, с. 143).

С 1971 г. в ЧГПИ действует две экспедиции. Верхнеамурская экспедиция под руководством И. И. Кириллова, Е. В. Ковычева (с участием В. Ф. Немерова, О. И. Кириллова, О. Ю. Черенщикова и др.) проводила исследования в Восточном Забайкалье. На материалах экспедиции разработана периодизация палеолита, выделены локальные варианты неолита, открыты дворцовая культура эпохи бронзы, погребальные и культовые памятники культуры плиточных могил, погребальные памятники хунну, дуройская и зоргольская культуры эпохи сяньби, дарасунская культура уйгуров, ундугунская культура средневековых тунгусов, погребения бурхотуйской и раннемонгольской культур, погребения кыргызов и бурят, русские поселения XVII–XVIII вв. В ряду важнейших открытий – Сухотинский комплекс памятников с наиболее изученным поселением Сухотино-4, комплексы разновременных памятников Александровка, Арта, Дворцы, Дарасун, Зилово, Ишихан, Молодовск, Ножий и др. (приложение, с. 144–145).

Чикойская экспедиция проводила исследования в Западном Забайкалье с участием М. В. Константинова, А. В. Константинова, Л. В. Екимовой (Семиной), И. И. Разгильдеевой, М. Н. Мещерина, П. В. Мороза, С. Б. Верещагина и др. Экспедицией открыты стратифицированные памятники эпохи мустье, выделены толбагинская и куналейская культуры начальной поры верхнего палеолита, открыта серия памятников средней поры верхнего палеолита, такие как Читкан, Мельничное-1, Мастеров Ключ, выделены студенская культура поздней поры верхнего палеолита, мензинская культура мезолита, чикойская культура неолита, хэнтэйская культура бронзы, исследованы этноархеологические памятники XVIII – начала XX в. (приложение, с. 143, 145).

Особое внимание уделялось изучению палеолитических жилищ разного типа. Обнаружена серия мезолитических и неолитических погребений (Жиндо, Токуй, Мельничное, Усть-Менза). В гроте на Шаман-Горе открыто неолитическое панно с изображением сцены охоты на лесных бизонов. Изучены Кристинкина и Егоркины пещеры. Пешими маршрутами пройдено труднодоступное Хэнтэй-Даурское нагорье, открыты памятники Ламский городок, Шебетуй, Горанково. Особое внимание уделялось изучению Студёновского и Усть-Мензинского комплексов памятников. Изучен декабристский некрополь Петровского Завода и Читинский тюремный острог, где содержались декабристы. В исследованиях, начиная с 1996 г., принимали участие американские и японские учёные, в том числе Р. Аккерман, Т. Гебл, М. Ватерс, Й. Бувит, К. Терри, М. Изухо и др. [Бувит, Изухо, Константинов, 2012].

Сотрудниками вузовских экспедиций опубликованы монографии, учебные пособия и научно-популярные книги, создан Музей археологии Забайкалья. С 2008 г. музей носит имя профессора Игоря Ивановича Кириллова.

Крупные палеолитические коллекции Толбаги, Присковой, Мельничной, а также золотые и серебряные вещи из погребений переданы в Забайкальский краевой краеведческий музей (ЗККМ), ряд коллекций – в Нерчинский музей.

С 1980-х гг. начали проводить исследования читинские отряды Центра по сохранению историко-культурного наследия Забайкальского края и Забайкальского краевого краеведческого музея. Отряды работали под руководством В. К. Колосова, С. Г. Васильева, А. М. Мамкина, С. А. Афанасьева, В. В. Нестеренко, В. Е. Белоусова и др. Проведены разведки в зоне строительства автодорог Чита – Хабаровск, Агинское – Цасучей, раскопаны на большой площади стоянки неолита-бронзы, погребальные памятники эпохи металла. Исследовательские работы на Чикое позволили изучить керексуры у сёл Урлук и Альбитуй.

В рамках русско-норвежского проекта О. В. Кузнецовым в Каларском районе проведены этноархеологические исследования, позволившие выявить остатки старинных эвенкийских жилищ с каменными обкладками, сопоставимые с палеолитическими.

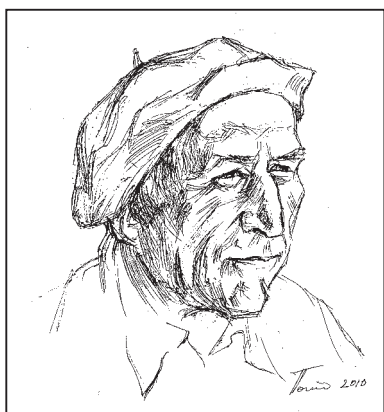
На юге и востоке Забайкальского края работали отряды Института археологии и этнографии СО РАН. Так, И. В. Асеев (выпускник ЧГПИ) раскапывал средневековые могильники, А. И. Мазин выявил большую серию петроглифов и жертвенников, С. В. Алкин (выпускник читинской школы № 4 и Забайкальской Малой академии наук) проводил изучение мохэских городищ на Шилке.

Русскую тему в археологии Забайкалья вёл А. Р. Артемьев, сотрудник Института археологии, истории и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Он изучил Нерчинский и Иргенский остроги, при этом археологический материал сопоставил с архивными данными.

В бассейне Витима организовал разведки Иркутский государственный университет. Под началом М. П. Аксенова открыта серия многослойных стоянок с культурными слоями эпохи камня. Исследования продолжены В. М. Ветровым, представляющим Иркутский педагогический университет. Им выделены усть-каренгская и усть-юмурченская культуры эпохи неолита.

Бассейны Олекмы и Чары изучали археологи Якутского университета А. Н. Алексеев и Н. Н. Кочмар. Они открыли стоянки эпохи камня и петроглифы с особенными северными сюжетами. На востоке Забайкальского края, в бассейне Амура, на р. Утени исследователями Амурского государственного университета А. П. Забияко и Р. А. Кобызовым найдены неолитические петроглифы с антропо- и зооморфными изображениями. Исследование памятников наскального искусства при поддержке университета Гриффита (Австралия) проводилось И. А. Пономаревой.

В Приаргунье в 2000-х гг. проводится изучение монгольских и киданьских городков совместными усилиями А. В. Харинского (Иркутский государственный технический университет), Н. Н. Крадина (Дальневосточный государственный университет) и Е. В. Ковычева (Забайкальский государственный университет).

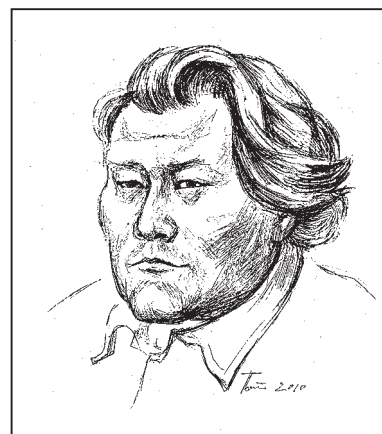

С. М. Цейтлин

В исследовании древностей Забайкальского края принимали участие учёные разных специальностей: антропологи Н. Н. Мамонова, С. В. Васильев, Р. М. Галеев; геологи С. М. Цейтлин, Д. Б. Базаров, Л. Д. Базарова, А. Б. Иметхенов, И. Н. Резанов, А. Ф. Ямских, В. В. Карасев; географы В. Х. Шамсутдинов, А. К. Тулохонов, Л. Д. Базарова, Ю. В. Рыжов, Д. А. Кобылкин; минералогии С. П. Смеловский, Г. А. Юргенсон; палеонтологи Н. Д. Оводов, Н. П. Калмыков, Г. Л. Карасев, А. К. Каспаров, Ф. И. Хензыхенова; палеопедологи В. М. Остроумов, Г. А. Воробьева; изотопщики Л. Д. Сулержицкий, Л. М. Фирсов, Л. А. Орлова, Х. А. Арсланов; палинологи В. В. Савинова, С. А. Решетова и др.

Большую роль в научной подготовке забайкальских археологов сыграли А. П. Окладников, А. Д. Столяр, З. А. Абрамова, В. Е. Ларичев, А. П. Деревянко, В. Е. Щелинский.

Результаты археологических и междисциплинарных исследований в Забайкальском крае нашли частичное отражение в обобщающих трудах (20-томная «Археология СССР» и «Палеолит мира»), а также в ряде публикаций в США, Японии и Китае. В полной мере результаты забайкальских исследований в историю и теорию отечественной археологии ещё не включены.

Д. Б. Базаров

Контрольные вопросы и задания

1. К какому времени относятся первые упоминания о древностях края? С чьими именами они связаны?
2. Какой вклад в изучение забайкальских древностей внесли академические экспедиции XVIII в.?
3. Что такое Минеральный кабинет? Какие древние памятники связаны с именами инженеров Нерчинского горного округа?
4. Что свидетельствует об интересе декабристов к древностям и коренным народам Забайкалья?
5. Какую роль в изучении забайкальских древностей сыграли Читинское и Троицкосавско-Кяхтинское отделения Императорского Русского географического общества и созданные при них музеи? С какими именами исследователей связана их деятельность?
6. Чем вызван длительный перерыв в изучении древностей края в 1930–40-е гг.?
7. Какой вклад в изучение забайкальских древностей внёс академик А. П. Окладников?
8. Какие памятники и культуры изучались археологическими экспедициями ЧГПИ – ЗабГУ?
9. Подготовьте реферат об одном из исследователей забайкальских древностей. Для этого используйте материал данного пособия (2.1. «Исследователи»; «Рефераты») и другие издания, отражённые в библиографическом списке.
10. Подготовьте реферат об археологической экспозиции одного из музеев – школьного, районного, окружного, краевого (история создания, организаторы, экспонаты).

1.2. Эпоха камня

Палеолит. До сих пор продолжает существовать представление о том, что история Забайкалья начинается только с середины XVII в., т. е. с прихода русского населения, при этом предшествующие времена отражаются в общественном сознании как нечто социально отсталое, хронологически неразличимое, этнически однообразное. На самом же деле корни забайкальской истории уходят в глубины древнекаменного века, хотя, заметим, изначальное время появления человека в Забайкалье установить крайне сложно, и вопрос этот пока ещё в полной мере не выяснен.

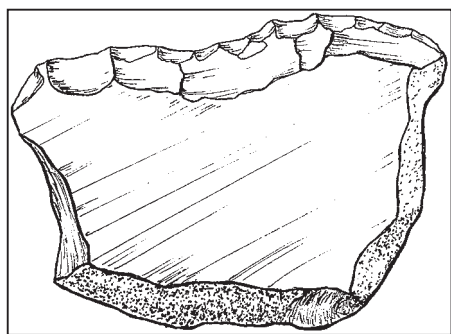
Прародиной человека принято считать Восточную Африку: именно здесь, согласно основополагающей теории, 3 млн л. н. началось его становление, из этого региона он, проходя определённые этапы развития, постепенно расселялся по всем направлениям,

в том числе и на север. Так, в Китае обнаружены следы пребывания древнего человека, названного в связи с этим синантропом (лат. *Sina* – «Китай»). Скелетные останки сорока человек этого вида найдены под Пекином в пещере Чжоукоудянь, где архаичная община обитала столь долго, что оставила после себя, как показали раскопки, шестиметровый слой золы. Специальных захоронений синантропы не сооружали, оставляя умерших в тёмных углах пещеры.

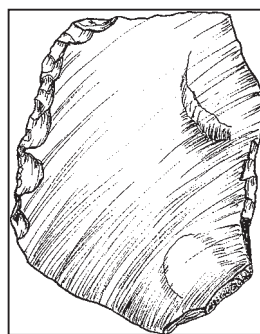
Известным антропологом М. М. Герасимовым проведена реконструкция облика синантропа. Объём его головного мозга составлял в среднем 1200 см³, что больше соответствующего параметра у антропоидных обезьян в два раза; массивность челюстей существенно уменьшилась, что приближало его к человеческому облику и способствовало развитию речи. В немалой степени это было следствием употребления не сырого, как прежде, а приготовленного на огне мяса.

Синантропы жили в эпоху, которая по археологической периодизации называется ашелем (не менее 400–150 тыс. л. н.). Природные условия тогда существенно отличались от современных. На смену тёплому климату пришло похолодание, перераставшее в оледенение. Несмотря на это, синантропы, уже овладевшие огнём и разнообразными способами охоты на крупных зверей, продолжали продвигаться на север и появились в пределах Сибири, в том числе в Забайкалье. Они уже умели изготавливать каменные орудия в виде примитивных ножей, скребел, колунов. Скопление таких изделий обнаружено на поверхности древних галечников по берегам рч. Гыршелунка – притока Хилка. Единичные изделия архаичного облика найдены на высоких террасах и днищах впадин в окрестностях Читы, у подножия скалы Буркальский Бык на р. Буркал, на г. Тарановка на р. Чикой.

Не исключено, что синантроп был первопроходцем забайкальских просторов, но исследователи (Г. И. Медведев и др.) считают возможным открытие на юге Восточной Сибири ещё более древних памятников, вплоть до плиоцен-эоплейстоценового существования. Так, на р. Хилок открыт Усть-Оборский палеонтологический комплекс, свидетельствующий о богатстве и своеобразии забайкальской фауны, возраст которой определён в 1,2 млн лет. В том же овраге, из стен которого выглядывают кремового цвета кости древних животных, в подъёмном материале обнаружены весьма архаичные отщепы. Теперь осталось только найти артефакты вместе с костями в самом слое! Отметим также, что в последние годы известность получила гипотеза Ю. А. Мочанова о внетропической прародине человека, основанная на исследованиях поселения Диринг-Юрях в Якутии.

Скребло. Русло Гыршелунки

Нож. Русло Гыршелунки

Более обстоятельны наши знания об эпохе среднего палеолита (150–40 тыс. л. н.). В результате резкого похолодания на полюсах нашей планеты образовались мощные ледниковые покровы. Огромные массы льда высотой в несколько сотен метров поглощали северные моря и распространились на северные пространства Евразии. В Восточной Сибири сформировались обширные ледниковые поля, прорезаемые Енисеем, Леной

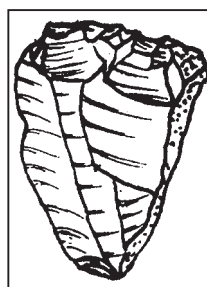
и другими реками. Холодное дыхание ледников ощущалось за тысячи километров – в отдалённых пределах Северной, Восточной, Центральной и Передней Азии. В Забайкалье в это время усилилось влияние горных ледников. Они существовали не только на севере края, но и на юге – в Восточных Саянах, в верховьях рек Ингоды и Чикой, а также в монгольской части Хэнтэя. Языки ледников, покрывавших наиболее высокие вершины и перевалы, по речным долинам спускались вниз. Резко сократилась зона лесов, им на смену пришли сухие холодные степи, которые продвинулись к северу на 250–300 км.

В эпоху среднего палеолита жили неандертальцы, занимавшие самую высокую ступень развития среди формирующихся людей. Ближайшее к Забайкалью место, где был найден скелет неандертальца, – пещера Тешик-Таш в Узбекистане. Его внешность тоже восстановлена М. М. Герасимовым и представлена в иллюстративном материале школьного учебника истории. Отдельные зубы неандертальца обнаружены в алтайской пещере Сибирячиха, исследованной А. П. Окладниковым.

В самом Забайкалье открыты остатки поселений с культурными слоями, дающими представление о жизнедеятельности человека той эпохи, сумевшего адаптироваться к экстремальным природным условиям, научившегося в упорной борьбе за своё существование поддерживать и добывать огонь, изготавливать из дерева и камня различные орудия труда и охоты, обрабатывать шкуры животных. Около 100 тыс. л. н. неандертальцы поселились в верхнем течении р. Чикой, у г. Коврижка. Здесь с глубины 6 м подняты рубящие орудия, ножи, скребла. Все они имеют следы водного и эолового воздействия. Примерно в то же время неандертальцы поселились на Караульной горе, у с. Жиндо. Около 50 тыс. л. н. также на Чикое существовало поселение Приисковое у с. Большая Речка, где выявлено около 6 тыс. каменных изделий, в том числе скребла, ножи, проколки, скребки, долотовидные и рубящие орудия. Установлено, что охота велась на оленя, бизона, лошадь, медведя. Несколько горизонтов эпохи среднего палеолита найдено на поселении Усть-Менза-5. Стоянки времени неандертальцев – Сухотино-1, -6, -8 – обнаружены на Титовской сопке в пределах Читы (приложение, с. 146).

Скребло. Приисковое

Долотовидное орудие. Приисковое

Весьма основательно человек освоил Забайкалье в верхнем палеолите (40–11 тыс. л. н.). К началу этой эпохи завершилось формирование современного биологического вида и появился *Homo sapiens* (Человек разумный). К верхнему палеолиту относятся бесспорные доказательства сооружения человеком жилищ, использования шитой одежды, появления искусства. Население края принадлежало к монголоидной расе и в антропологическом отношении было близко к американским индейцам. Такое сходство не случайно. В освоении Америки в составе сибирских групп участвовали и древние забайкальцы. Мигрируя за стадами животных, «колумбы каменного века» достигли северо-востока Азии, а затем по существовавшему тогда гигантскому сухопутному «мосту», известному как Берингия, проникли в Америку, проявив способность преодолевать значительные пространства в суровых условиях ледниковой эпохи. Отсюда и возникают родство и внешнее сходство древних сибиряков и американцев.

Один из наиболее интересных и хорошо изученных памятников начальной поры верхнего палеолита – поселение Толбага на р. Хилок. Древние толбагинцы жили в эпоху каргинского межледниковья. Местом поселения они выбрали пологий склон, расположенный в глубине амфитеатра, образованного сопками. Данный участок хорошо прогревался солнцем и был защищён от ветра. В Толбаге раскопан обширный посёлок древних охотников и собирателей, состоявший из нескольких наземных жилищ овальной или круглой формы. Одно из них (размером 6,5 x 12 м) обогревалось 12 очагами. Два жилища имели вход в виде тамбура, обращённого на юг. Такая планировка позволяла сберечь тепло внутри помещения. Обогревались жилища простыми кострищами или с помощью очагов, сооружённых в небольших прямоугольных ямах, выложенных по краям плитками. Наряду с древесиной для отопления использовалась кость. Внутри жилищ происходила основная производственная и бытовая деятельность их обитателей [М. Константинов, 1994] (приложение, с. 146).

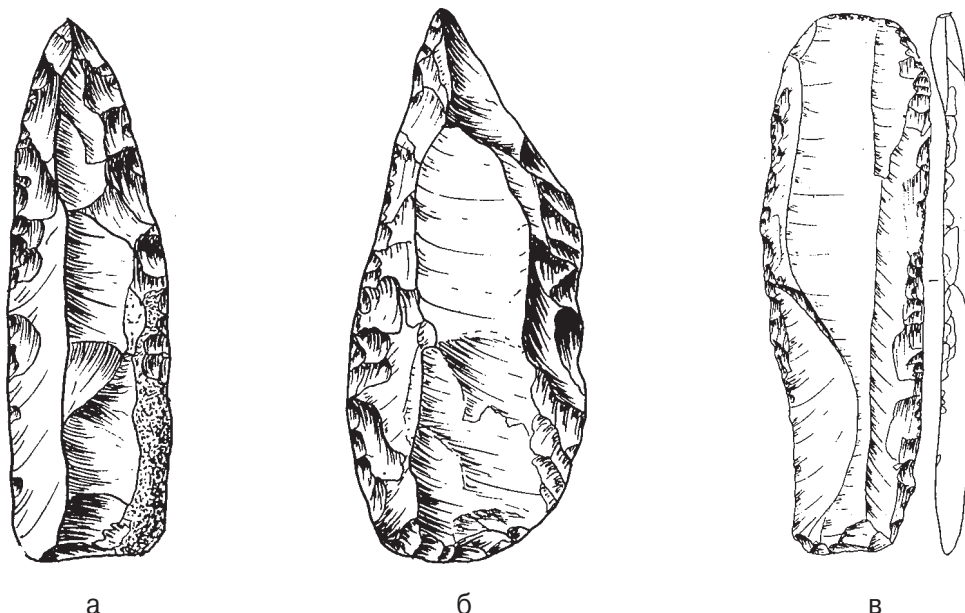
Человек того времени занимался прежде всего охотой, собирательство имело вспомогательное значение. Загонная охота с применением огня как основной способ промысла давала всё самое необходимое – пищу, материалы для изготовления орудий, шкуры для одежды и покрытия жилищ. Охотники добывали шерстистого носорога, лошадь, бизона, архара, дзерена, винторогую антилопу, байкальского яка, северного и благородного оленей, кулана, волка. Убитых животных разделывали на месте, а на поселение прино-

Охота на бизона

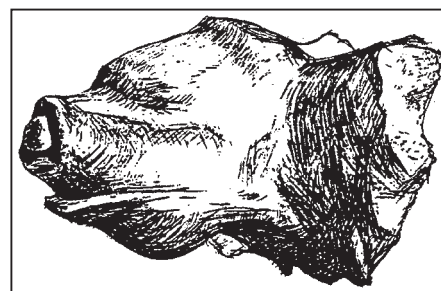
сили только части туш. Среди фаунистических остатков отсутствуют кости мамонта. Это соответствует сложившимся представлениям о соотношении плейстоценовых животных в Забайкалье с его малоснежьем. В этих условиях привольно себя чувствовал носорог и весьма неуютно – мамонт. Впрочем, небольшой фрагмент бивня мамонта в Толбаге всё же найден. Его, вероятно, припасли для поделок.

Каменные орудия составляют половину всех изделий, обнаруженных на поселении. Дело в том, что первичная обработка камня производилась, как правило, в местах его нахождения. Как основной материал использовалась речная галька, и её, видимо, обрабатывали прямо на берегу, принося на поселение уже готовые орудия или их заготовки. Для толбагинцев характерна пластинчатая техника обработки камня, при которой основной заготовкой для того или иного орудия служила пластина. Если же в вытянутой по форме заготовке не было необходимости, то её раскалывали на части, после чего изделие подвергалось дополнительной обработке и превращалось в орудие. Орудийный набор весьма разнообразен. Самая большая группа орудий – пластины и их фрагменты с краями, обработанными ретушью. Данные изделия служили скреблами или ножами. Помимо этого толбагинцы пользовались скребками, резцами, проколками, долотовидными орудиями, скобелями, отбойниками, рубящими инструментами. Каменные орудия предназначались для разделки животных и обработки шкур, кости и дерева.

Орудия труда: а – остроконечник; б – проковка; в – пластина с ретушью. Толбага

В Толбаге обнаружена уникальная находка – скульптурное изображение головы медведя, выполненное на отростке позвонка шерстистого носорога. Чтобы придать кости соответствующие очертания, древний скульптор сгладил гребень и отчленил глубокой выемкой характерную для медведя нижнюю губу, сумел экономными приёмами создать очень живое и реалистическое изображение животного. Медвежья морда выглядит естественно за счёт приподнятого кверху кончика носа, видны даже широкие ноздри как бы приплюснутая зверя. Свойственные медведю маленькие глаза едва угадываются, но тем не менее создан законченный образ со всеми присущими ему особенностями и пропорциями. Это древнейшее про-

«Толбагинский медведь»

изведение искусства не только в Забайкалье и Сибири, но и в Азии. Следует отметить, что костей медведя на поселении не обнаружено, так как, скорее всего, на него не охотились или же охотились с большой предосторожностью. Он, судя по скульптуре, был культовым животным – родовым тотемом (приложение, с. 147).

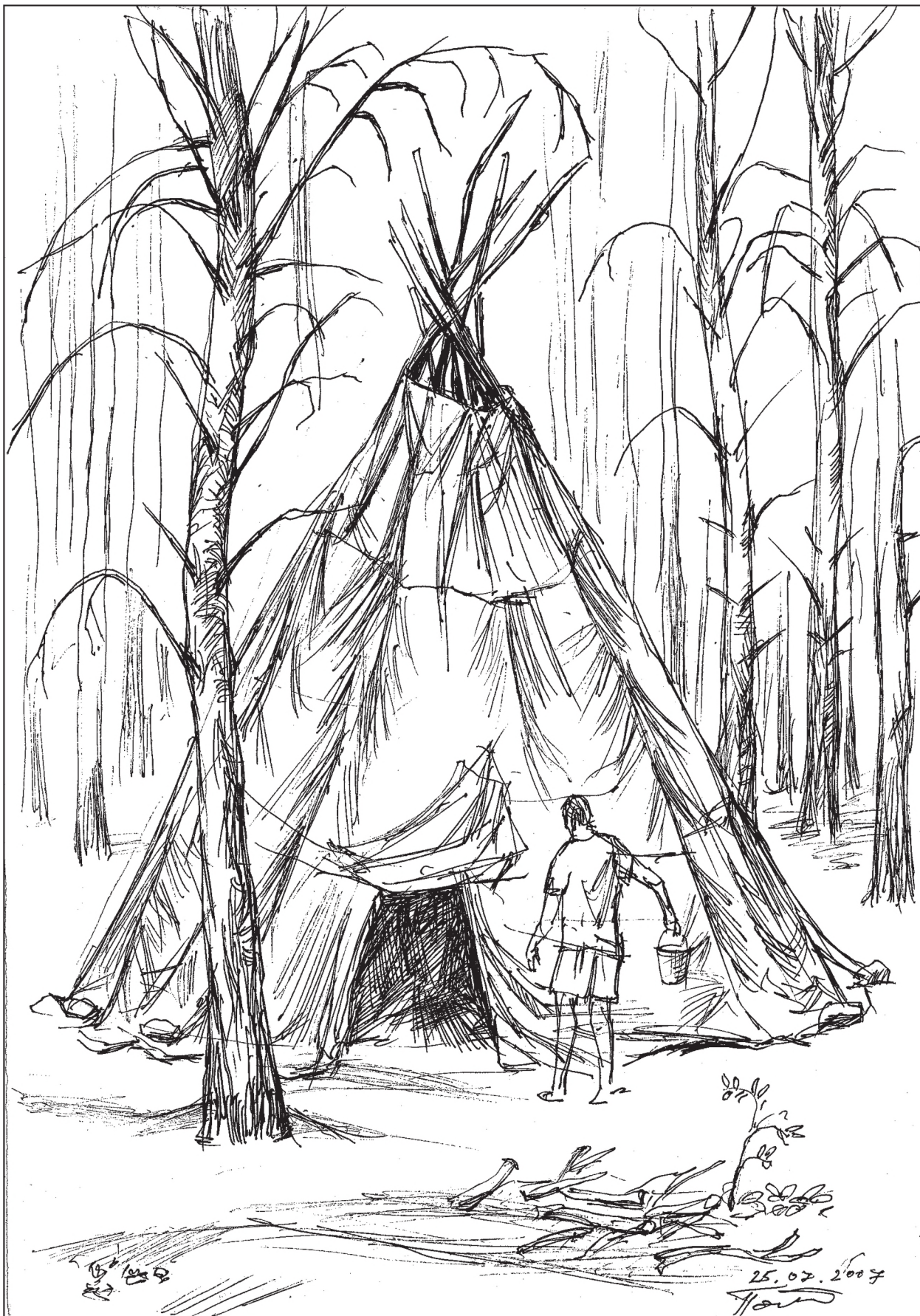
Анализ геологических условий залегания культурных отложений, характер материала и радиоуглеродные датировки позволяют определить возраст Толбаги – около 35 тыс. л. н. По этим параметрам к ней близки поселения Варварина Гора, Каменка (комплекс А), Подзвонкая, расположенные в Бурятии, Мастерова Гора, Арта-3 – в Забайкальском крае. Все они объединяются в толбагинскую археологическую культуру. Примерно к тому же времени, что и Толбага, относится поселение Куналей на р. Хилок в Бурятии, но для него характерен другой подход к обработке камня и своеобразный набор орудий. По типологии материала к Куналею примыкают такие поселения, как Каменка (комплекс Б), Фомичево и Читкан (культурные горизонты 3–7). Эти особенности указывают на существование различных археологических культур на территории края уже в начальный период верхнего палеолита. Используя язык этнографии и первобытной истории, можно сказать, что толбагинцы и куналейцы создали те изначальные общины, в которых проявил себя родовой строй, и где человек раскрыл большие возможности сапиентного разума.

Продолжение верхнего палеолита отражено в замечательных памятниках, таких как Танга, Читкан (культурный горизонт 2), Мастеров Ключ (культурный горизонт 4), Санний Мыс (культурные горизонты 6, 7) и др. Они относятся к средней поре верхнего палеолита (25–18 тыс. л. н.), когда зарождается микронуклеоидная техника, позволявшая получать микропластинки. На Санном Мысе человек устроил жилище, которое использовалось, по нашим наблюдениям, как святилище. Человек сохранил в этом жилище череп носорога, рога винторогой антилопы и других животных, которые могли применяться как элементы натурального макета. Само жилище весьма представительно, в его обкладке использованы крупные каменные глыбы. Располагается жилище в приметном месте: на краю г. Тапхар под защитой скалистого останца в самом центре бескрайней природной межгорной впадины.

Поздняя пора верхнего палеолита представлена памятниками, расположенными в Усть-Мензе, Студёном, Косой Шивере в бассейне р. Чикой, в Амоголоне – на р. Ононе, Сухотино-4 – на р. Ингоде. Эти памятники были многослойными, они сравнимы с «многоэтажными зданиями», которые уходят в подземные пласты, с «жилимыми пространствами» – культурными горизонтами и «межэтажными перекрытиями» – стерильными слоями.

На многослойных памятниках обнаружена большая серия жилищ с отчётливыми каменными обкладками по внешнему контуру: ей нет аналогов на других территориях азиатского континента. Выделяются одноочажные жилища, предназначенные, возможно, для одной семьи. Округлые по форме, они реконструируются как чумы. Известны также многоочажные жилища с несколькими (от 3 до 6) очагами по длинной оси. Такие сооружения возможно представить как большие родовые жилища или смыкающиеся друг с другом малые семейные жилища. Их каркасы могли сооружаться с использованием жердей, от которых в исследуемом слое, как правило, ничего не сохраняется. При сборке чумов жерди устанавливались по кругу, а их верхние концы собирались в «пучок»; при сборке больших длинных жилищ была обязательна коньковая жердь, на которой закреплялись боковые. Каркас в летнее время покрывался корой, а зимой – выделанными шкурами животных. Жилища защищали от стужи и ненастья, огонь в очагах давал не только тепло, но и свет, а также возможность готовить пищу. Под кровом изготавливали орудия из камня и кости, шили одежду, делали украшения [А. Константинов, 2001; Разгильдеева, 2018] (приложение, с. 147–148, 150).

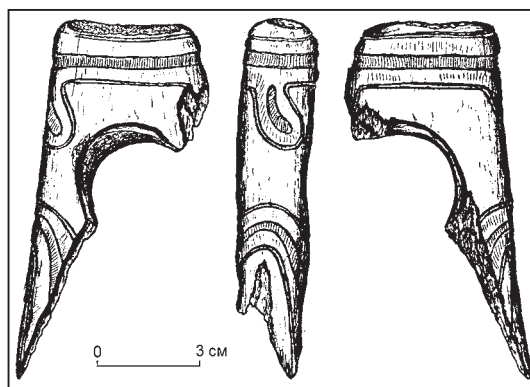

Экспедиционный чум. Усть-Менза

Среди самых необычных находок на Сухотино-4 – ребро животного со схематичным изображением жилищ. Здесь найдены также фигурка мамонта из камня и косточки с насечками, в которых некоторые исследователи видят отражение приёмов календарного счёта [Окладников, Кириллов, 1980].

В одном из жилищ поселения Студёное-2 (культурный горизонт 5) обнаружен украшенный меандровым орнаментом обломок оленьего рога со сквозным отверстием. Подобные изделия встречаются на палеолитических стоянках Сибири и Европы, но назначение их пока не ясно. Археологами им дано условное название – «жезл начальника». Прекрасно орнаментированный жезл выполнен уверенной, профессиональной рукой мастера и служит доказательством высоких художественных возможностей древних забайкальцев, наличия у них тонкого художественного вкуса. Об этом свидетельствуют и найденные здесь же украшения из скорлупы яиц страуса и риолита (приложение, с. 149).

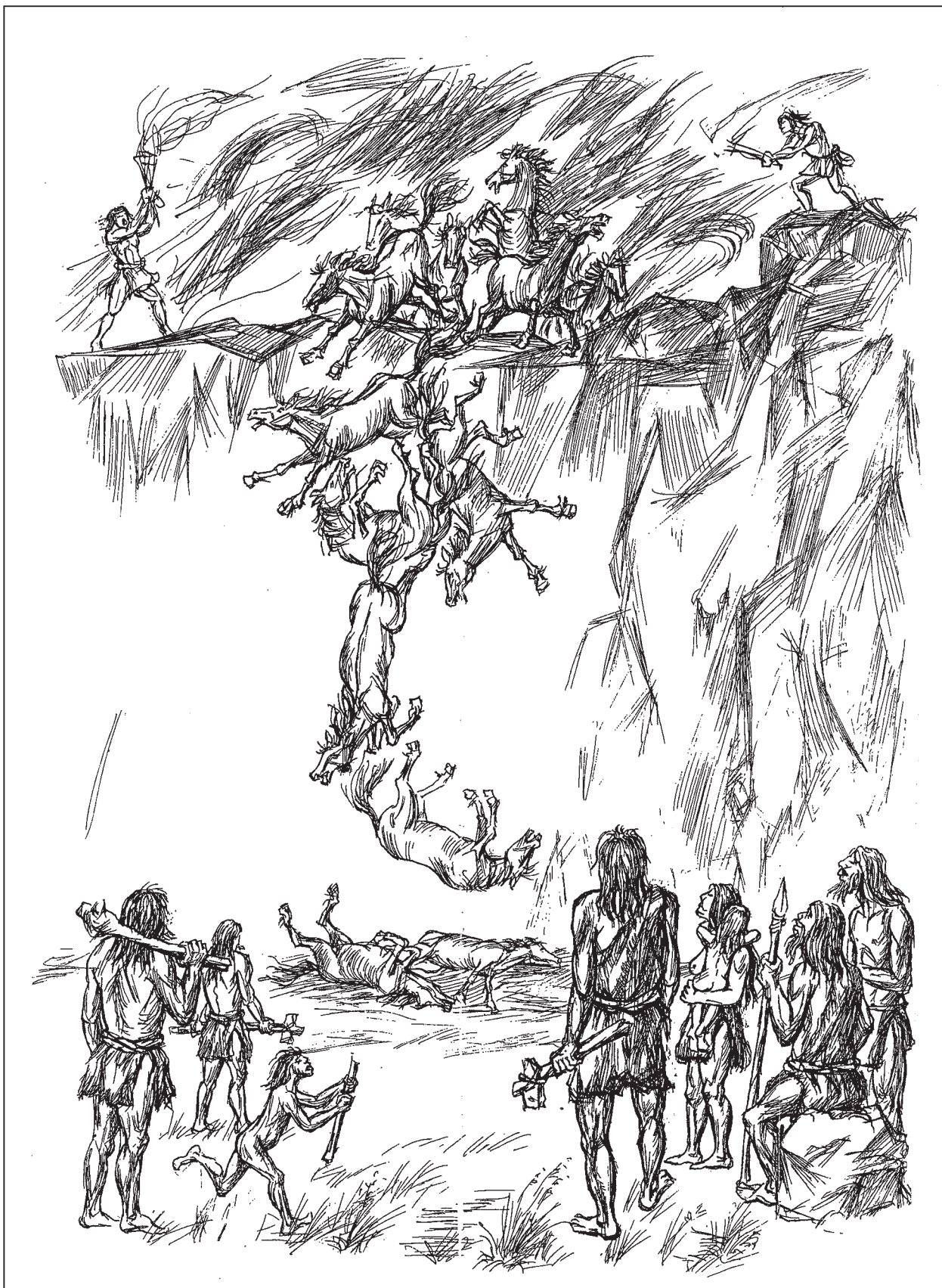
«Жезл начальника». Студёное-2

Орудия труда, обнаруженные на поселениях этого времени, отличаются большим разнообразием. Появляются миниатюрные орудия в виде скребков, резцов, проколов, выполненные из яшмы. Широко применялись вкладышевые инструменты с микропластинчатыми наборными лезвиями. Одновременно встречаются и образцы более архаичных форм – рубящие орудия, массивные скребла, остроконечники. Важным условием для изготовления орудий было наличие сырья, так как для этого подходил не всякий камень. Требовался материал одновременно и твёрдый, и легко поддающийся обработке. Основным сырьём служили речные гальки, а также камень, который добывался в местах выхода коренных пород.

Подобные места по добыче и первичной обработке материала называются мастерскими. Такая мастерская каменного века была обнаружена А. П. Окладниковым на Титовской сопке. На протяжении тысячелетий люди приходили сюда за сырьём. Здесь найдены и инструменты, с помощью которых оно добывалось, – кирки из оленьих рогов. На месте производилась и его предварительная обработка: рабочие площадки сплошь покрыты расщеплённым камнем.

В непосредственной близости от мастерской, на берегу р. Ингоды, находится многослойное поселение Сухотино-4. Выявленные жилища различных типов образуют целые посёлки. Каменный инвентарь включает большие серии бифасиальных орудий, что позволяет сравнивать эту индустрию с дюктайской, характерной для Якутии. Найденные на поселении фаунистические остатки принадлежат 22 видам животных. Среди них кости мамонта, шерстистого носорога, бизона, винторогой антилопы, лошади, дзерена, горного барана, благородного оленя, лося, косули и др. Вполне возможно для территории Забайкалья выделение двух культур – сухотинской и студеновской, различающихся по характеру каменной индустрии.

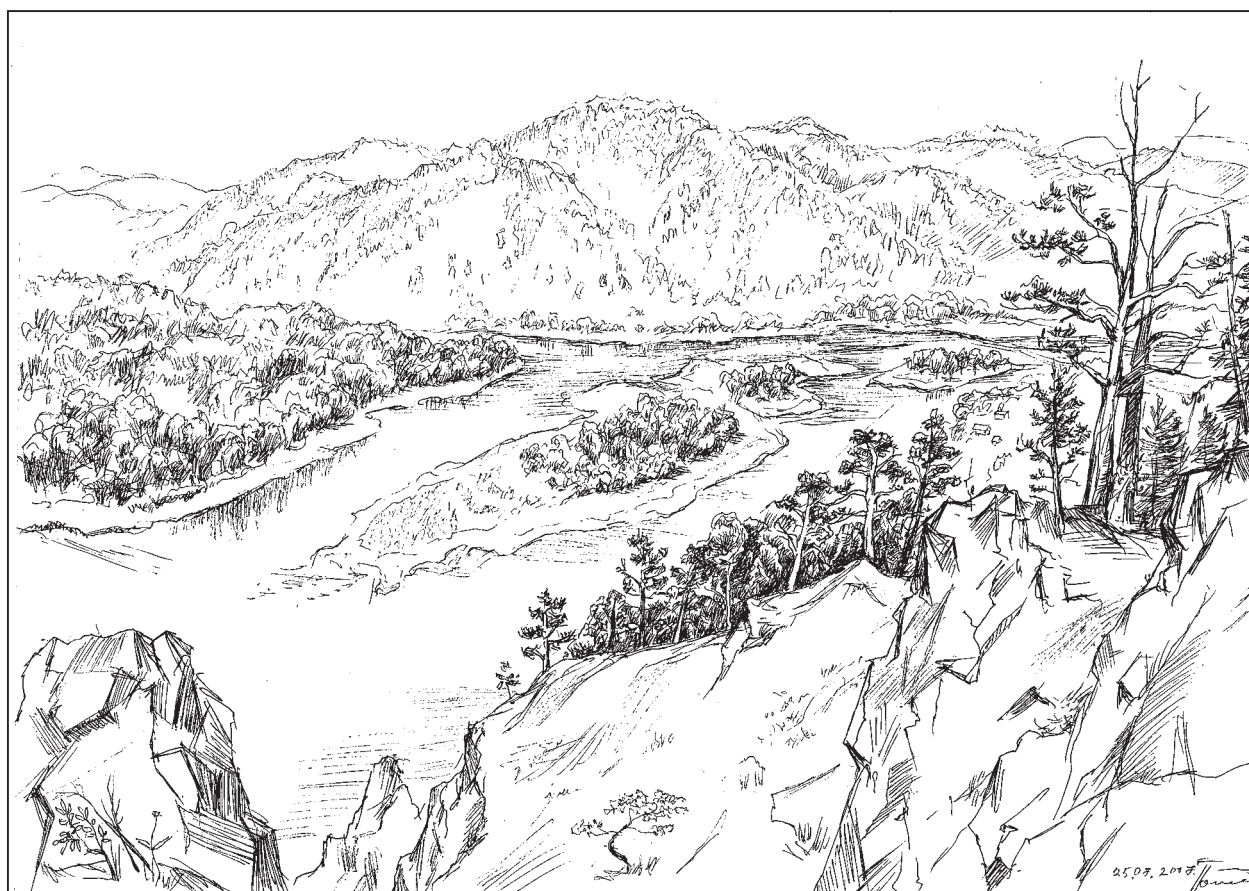
Мезолит. В пределах 13–10 тыс. л. н. в Забайкалье, как и на значительной части планеты, существенно изменились природные условия. Во время климатических катаклизмов с общим вектором в сторону потепления происходило таяние материковых льдов, вымирала мамонтовая фауна, формировались современные биоценозы тундровой, лесной, степной и других, более южных зон. Глобальные природные изменения оказали воздействие и на первобытное человеческое общество. Биологическая неизменчивость человека восполнилась экологической пластичностью, основанной на умении анализировать окружающую действительность и приспособливаться к ней, изобретая новые

Загонная охота

способы и орудия добывания пищи. Вооружившись луком и стрелами, гарпуном и другими охотничьими и рыболовными снастями, человек перешагнул в новую эпоху, чтобы преодолеть возникший продовольственный кризис и укрепиться на новых рубежах, оставив потомкам памятники эпохи мезолита.

Мезолит (среднекаменный век) датируется периодом 11–7 тыс. л. н. Как самостоятельную эпоху его удалось выделить в Забайкалье благодаря исследованиям на многослойном поселении Студёное-1, которое отличает чёткая последовательность 38 культурных горизонтов, из них пять относятся к мезолиту. Важным дополнением к Студёному-1 стало поселение Усть-Менза-1 с серией горизонтов мезолита. К мезолиту отнесено и знаменитое поселение Ошурково в Бурятии с его тремя культурными горизонтами, изученными А. П. Окладниковым. Выделяются две культуры мезолита: мензинская и ошурковская (приложение, с. 151–152).

Усть-Мензинское урочище

В мезолитических горизонтах выявлены остатки жилищ с каменными обкладками и без таковых (в виде округлых золистых пятен). Размеры жилищ обоих типов невелики – от 4 до 11 м². Их обитатели охотились на благородного оленя, косулю, джейрана, барана, лошадь, кабана. Во время охоты могли употребляться не только каменные, но костяные и вкладышевые наконечники стрел. Вполне вероятно, что велась также охота на пушного зверя, например, на соболя, белку, колонка. Для переноски добычи использовались специальные заколки (укэны) и ремешки, которые прикреплялись к поясному ремню и перебрасывались через плечо, при этом добытый зверёк располагался у охотника за спиной, мех не сминаясь и не пачкался кровью.

Важное место в хозяйстве стало занимать рыболовство. Найдены кости щуки, налима, плотвы, ельца, хотя на этом перечень отлавливаемых рыб, наверное, не исчерпы-

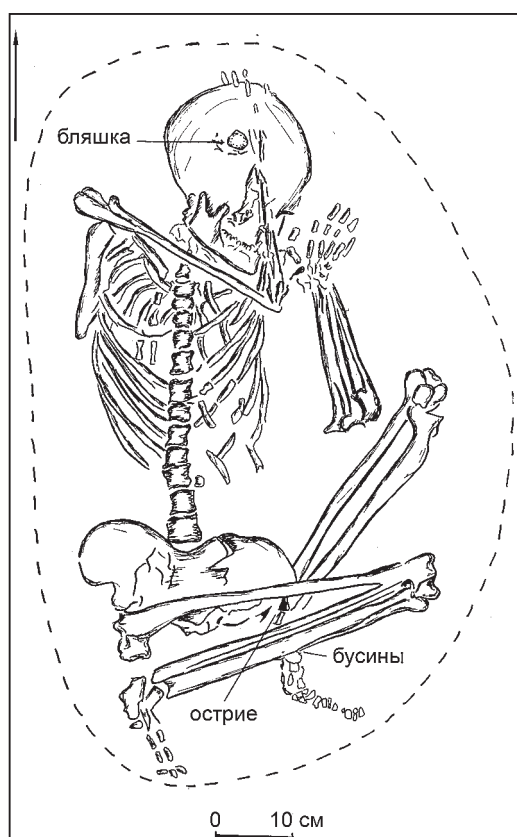
вался. Судя по всему, в реках тогда водились омуль, таймень, ленок, хариус, сом, сазан и т. д. Обнаружены костяные крючки, двузубчатые гарпуны, вязальные спицы для сетей. Вполне могли использоваться плетёные корчаги и заездки-западни. Известно, что в Европе рыболовство появилось немного раньше – в конце палеолита, что подтверждается, прежде всего, наличием гарпунов и изображений рыб. В Сибири, вероятно, возникновение рыболовства оказалось отсрочено до тех пор, пока не исчезла плейстоценовая фауна. Проще говоря, пока люди охотились на задержавшихся в этих сухих местах носорогов, они и не помышляли об удилице с лесой или гарпуне. Не исключено, что в период

Человек эпохи мезолита

мезолита была одомашнена собака. Так, в соседнем Прибайкалье найдены погребения собак – свидетельства уважения человека к своим четвероногим помощникам.

К мезолиту относится древнейшее из найденных в Забайкалье погребений. Оно обнаружено в пади Мельничная на Чикое. Человек был захоронен в грунтовой яме глубиной 0,8 м. Скелет сохранился полностью. Он обильно засыпан охрой – естественной минеральной краской, которая воспринималась как символ огня, крови и жизни. Показательна поза погребенного. Человек лежал головой на север на спине, но с сильно согнутыми, подтянутыми к груди и развёрнутыми на бок ногами; руки были также согнуты в локтях и подняты кистями вверх, запястье правой руки прислонено к черепу. В погребении найдены тонкая бляшка из раковины со спиралевидным орнаментом, пирофиллитовые бусы, просверленный зуб изюбря и каменное острие из микропластинки. Острие находилось под правой бедренной костью. Не исключено, что в мёртвого был совершён ритуальный дострел – составная часть сложного погребального обряда, свидетельствующего в том числе о боязни мёртвых (приложение, с. 154).

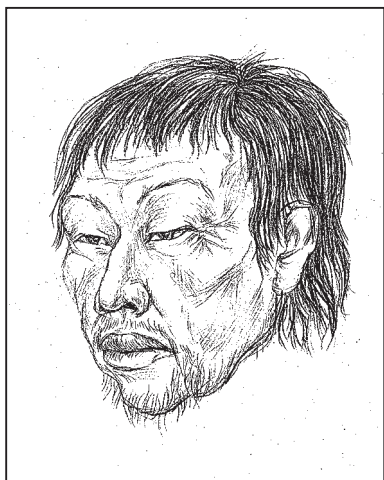

Погребение. Падь Мельничная

В оценке забайкальского мезолита нет единого мнения. А. П. Окладников не выделял мезолит в самостоятельную эпоху, считая это время продолжением палеолита. Согласно его теории, в Забайкалье и в Сибири в целом «время как бы остановилось и замерло неподвижно», тогда как «на огромных пространствах Африки, Южной Азии и Европы» обнаруживается «процесс становления новой культуры». В последующем по проблеме забайкальского и в целом сибирского мезолита высказывались самые различные точки зрения, и данная дискуссия ещё далека от завершения [М. Константинов, 1994].

Неолит. С изобретением глиняной посуды начался заключительный период каменного века – неолит. Человек впервые создал материал, неизвестный в природе, – формованную обожжённую глину (керамику). Это открытие, равно как и накопление охотничьего опыта, побуждало человека к дальнейшему поиску.

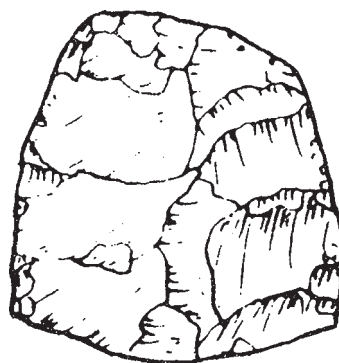
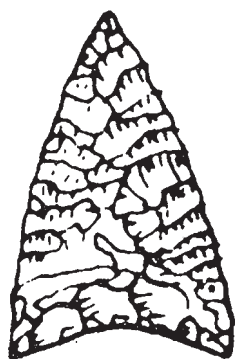
Ряд памятников неолита связан с пещерами. Так, в Шилкинской пещере возле с. Шилкинский Завод, по словам А. П. Окладникова, «оказалось настоящее сокровище: останки неолитического захоронения и древнего поселения. При черепе человека (это всё, что осталось от потревоженного искателями кладов костяка, если не считать некоторых других костей) лежала превосходная коллекция каменных и костяных изделий: односторонних зубчатых и двухсторонних наконечников гарпунов, вкладышевых ножей, а также изящных кремневых наконечников стрел двусторонней обработки. Там же найдены раковинные бусы-кружочки и нефритовые плоские колечки из зеленовато-белого прибайкальского нефрита... Особенно интересно, что череп из Шилкинской пещеры, по данным М. Г. Левина, близок к черепам современных тунгусов-эвенков Восточной Сибири. Это самый древний из известных нам пратунгусских черепов. Его находка подтверждает, таким образом, что прародиной тунгусских племён была восточно-сибирская тайга, таёжные области Прибайкалья и Забайкалья, а их предкам принадлежала своеобразная байкальская неолитическая культура» [Окладников, 1960] (приложение, с. 156–157).

Шилкинский человек

Благодаря таланту антрополога Н. Н. Мамоновой, облик древнейшего шилкинца воссоздан в виде скульптурного портрета. Он представлен в экспозиции Забайкальского краевого краеведческого музея. Вместе с тем существует и более осторожная оценка черепа из Шилкинской пещеры, по которой он отнесён к обобщённому палеоазиатскому типу.

Близкий по характеру материал обнаружен в Егоркиной пещере на Мензе. Но если в Шилкинской пещере богатый инвентарь связан с погребальным обрядом, то в мензинской скальной расщелине он хранился в специальной кладовке, первоначально спрятанный в потаённом углу, а затем разнесённый по всему полу. Возраст находки из Егоркиной пещеры – около 4 тыс. л. н. [Коробкова, Семина, 1993].

Находки. Егоркина пещера

Для Забайкалья характерны не только отдельные погребения, но и могильники, состоящие из нескольких захоронений. Наиболее известный могильник находится на Фофановой горе, откуда открывается вид на придельтовую низменность Селенги и дальний простор Байкала.

М. М. Герасимовым и Е. Н. Черных здесь раскопано семь неолитических могил. Внешних кладок они не имели. Глубина ям – в пределах 1 м. Погребенные, как правило, засыпались охрой. Преобладали одиночные захоронения. Скелеты ориентированы на юго-восток, они располагались на спине либо на боку, ноги были согнуты в коленях. Седьмая могила – коллективная. В ней найдено семь скелетов: мужчины, женщины,

юноши, мальчика, двух девочек и младенца. Скелеты принадлежат родственникам, а могильная яма разделена на мужскую и женскую половину; женщины похоронены по принципу антитезы по отношению к мужчинам. У скелета юноши отсутствует череп, в связи с чем не исключается проявление ритуального каннибализма, о том же могут свидетельствовать посторонние кости двух рук, отрубленных по локти, из третьей могилы. В погребальном инвентаре – семь костяных кинжалов с тонкими и узкими халцедоновыми и кремневыми вкладышами, роговое долото, костяное острие, два стерженька рыболовных крючков, четыре клыка кабана, мраморные кольца диаметром до 9,6 см, скребок, перламутровые пластинки. Основная часть инвентаря извлечена из пятого погребения, где, вероятно, был похоронен знатный человек; у его большой могилы поставлен столб. Черепа из погребений обладают монголоидными особенностями с некоторыми конструктивными чертами архаического плана. Средние показатели роста и веса составляют соответственно 165,8 см и 61,7 кг. Датировки погребений относятся к компактному отрезку времени, равному 400 годам – от 7040 до 6640 л. н. [Герасимов, Черных, 1975].

Большой интерес представляют могильники, найденные Л. Г. Ивашевой на Еравнинских озёрах в Бурятии [Ивашева, 1979], И. И. Кирилловым у с. Молодовск на р. Шилке и на оз. Ножий в Агинском округе [Окладников, Кириллов, 1980]. Весьма выразительное погребение изучено В. М. Ветровым в Джалинде на Витиме. Неолитические погребения открыты в Жиндо на р. Чикой и в пади Токуй на р. Мензе [М. Константинов и др., 2005; Васильев и др., 2018] (приложение, с. 154–155, 158).

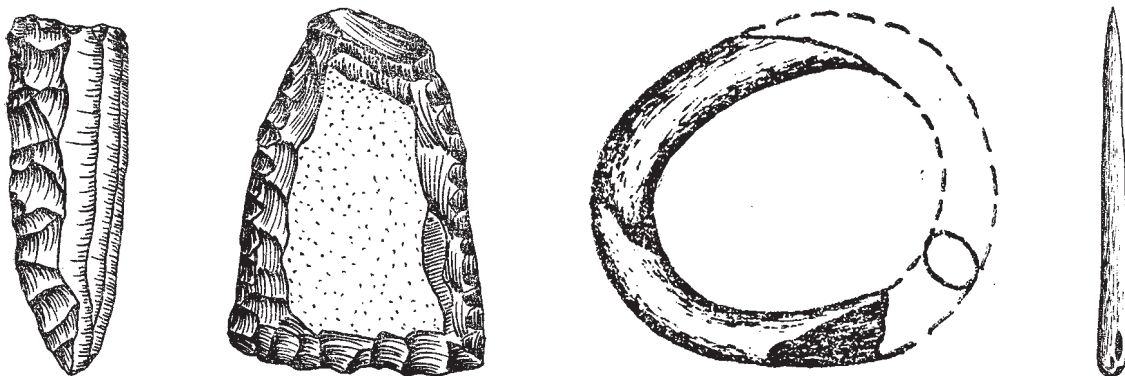
В неолите известен вторичный обряд захоронения, выявленный в процессе раскопок близ с. Кандобаево на р. Хилке. На дне ямы глубиной до 1,5 м были уложены двумя прямоугольными полями разрозненные останки двух женщин, в основном кости конечностей. Концы их намеренно обломаны. На костях есть следы нападения хищных зверей. Погребенные засыпаны красной охрой, а затем грунтом. С ними положены два резца тарбагана, служившие украшением. Кладка над погребением отсутствовала, его длинная ось ориентирована по реке. Представляется возможной следующая реконструкция обряда захоронения. Первоначальное наземное погребение было потревожено хищниками. По прошествии определённого времени состоялось повторное захоронение в грунтовой яме с соблюдением определённых обрядовых правил.

Всестороннее изучение различных вариантов погребального обряда позволяет заглянуть в бездны духовного мира древних людей с его важнейшими составляющими: отношением к жизни и смерти, заботой об умерших и страхом перед кончиной, брачно-семейными проблемами, соотношением трагического и бытового (тела умерших использовали как приманку для зверя), ритуальными обычаями вплоть до каннибализма и т. д. Сопоставление погребений между собой позволяет выстраивать сложные этнокультурные сюжеты.

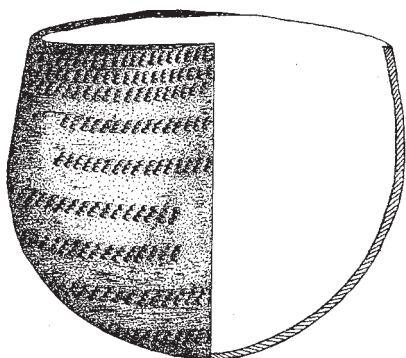
Производственную и бытовую деятельность неолитического населения характеризуют материалы, найденные на местах его поселений. К неолиту относится многочисленная группа поселений, расположенных на берегах рек и озёр. Наиболее интересны Чиндант и Арын-Жалга на р. Онон, Дарасун на р. Ингоде, Усть-Менза-1 и Студёное-1 на р. Чикой, Талакан, Усть-Джапиджак, Ишихан в бассейне р. Шилки, Канга и Дурой на р. Аргуни, Алтан на р. Мензе, Усть-Юмурчен, Усть-Каренга, Усть-Янтала, Джалинда в бассейне Витима. Здесь сохранились очаги, выложенные камнем, и кострища. По-видимому, люди продолжали строить чумы, но уже не укрепляли их основания камнями. Возможно, камни заменялись в летнее время деревом или грунтом, а в зимнее – снегом.

Обитатели поселений были охотниками. В тайге добывали в основном благородного оленя, лося, косулю, в степи – кулана, лошадь, дзерена, сайгу. Охота велась с исполь-

зованием луков, в том числе сложносоставного, и стрел с разнообразными наконечниками – от тонких пластинчатых острий до подтреугольных двусторонне обработанных, оформленных из отщепов. Охотника часто сопровождала собака. Важным подспорьем в хозяйстве считалось рыболовство. Кроме гарпунов и удочек, могли применяться сети. Свидетельство тому – грузила в виде тяжёлых галек с симметричными выбоинами по краям. Получили дальнейшее развитие собирательство и переработка растительных продуктов. Некоторые исследователи полагают, что в это время в Забайкалье могло возникнуть земледелие, но при этом зёрен – главного доказательства этому положению, – которые могут сохраняться в тесте сосудов или в обугленном виде, пока не обнаружено.

Находки из камня и кости. Арын-Жалга

Керамический сосуд.
Арын-Жалга

Продолжали совершенствоваться традиционные способы обработки камня – расщепление, оббивка, ретушь. Большого искусства достигли древние мастера в получении тонких и длинных микропластин, отжимаемых с разнообразных по формам микронуклеусов. Показательно продолжение использования микронуклеусов с клином, предназначенным для придания нуклеусам устойчивого вертикального положения в специальных зажимах. Набор миниатюрных изделий составляли проколки, резцы, скребки. Они могли закрепляться в рукоятках из дерева или кости.

Широко практиковалось употребление рациональной по затратам краевой ретуши, известной как «даурская техника» оформления орудий. На ононских памятниках большинство орудий представлено тесловидно-скребло-видными инструментами из уплощённых галек подтреугольной или трапециевидной формы, оббитых по краям. В таёжных районах наряду с чопперами из галек использовались оббитые топоры и тесла с выемками для крепления. К новым видам обработки камня относились пикетаж (точечная техникa выбивки), пиление, сверление и шлифование. Показательны сверлёные кольца-утяжелители, предназначенные в одних случаях для палок-копалок, в других – для стержней, с помощью которых производили сверление или же добывали огонь. Известны шлифованные вещи, но они в культурных слоях поселений встречаются очень редко: очевидно, к этим изделиям относились очень бережно. Большим разнообразием отличаются костяные изделия: шилья, иглы, игольницы, орнаментальные вкладышевые основы.

Как уже отмечалось, важнейшей чертой неолита являлось изготовление керамики. Она представлена преимущественно фрагментами, хотя, впрочем, некоторые из сосудов удалось реконструировать. Наиболее архаичные сосуды – остродонные, более совершен-

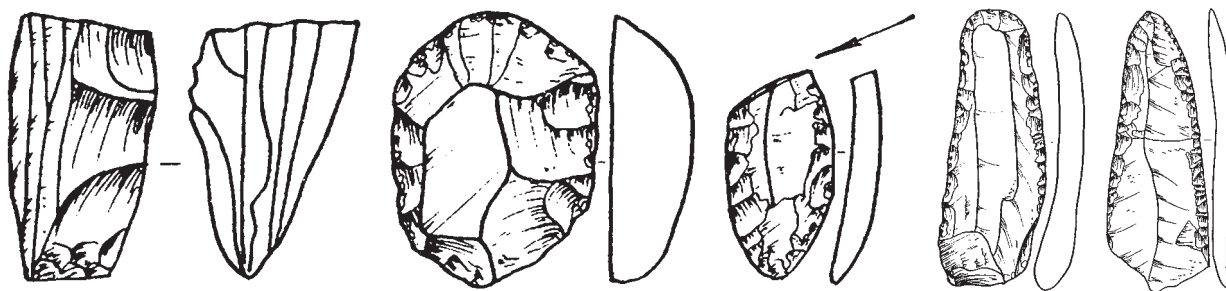
ные – круглодонные. Столь необычные с позиций нашего времени формы определялись тем, что при плоскодонной форме из-за сложного сочетания стенок и дна при обжиге возникали губительные трещины. Стенки сосудов в зоне тулова были прямыми, переходящими без горловины в венчики, которые могли утолщаться и отгибаться. Высота сосудов, вмещавших в себя 3–4 л воды, равнялась 30–40 см.

Для их изготовления применялось специально подготовленное глиняное тесто с оплотнителями в виде песка, мелко нарезанной травы или шерсти. Сосуды формовали вручную, на заключительном этапе формовки использовали лопаточки-колотушки, обмотанные нитями. Лопаточкой наносили ритмичные удары по наружной поверхности, что позволяло произвести уплотнение стенок и добиться их минимальной толщины (до 0,2–0,3 см).

Не исключено, что техника «выколачивания» как способ формовки сосудов является забайкальским изобретением, применявшимся на всём протяжении неолита и даже за его пределами в эпоху раннего металла. После завершения формовки на сырую глиняную поверхность наносили орнамент. В раннем неолите он был очень скромным и охватывал только венчик или верхнюю часть сосуда. В позднем неолите он занимал всю поверхность тулова, иногда спускаясь к днищу. Орнамент наносился с помощью штампов, оставлявших различные по форме оттиски – прямые, вогнутые, гребенчатые и т. д. Оттиски образовывали горизонтальные ряды. Часто основным элементом орнамента становились гребенчато-пунктирные оттиски, формирующие «строчки» разной длины. Иногда «строчки» создают сложную композицию, обладающую большой художественной выразительностью. Орнамент наносился не только с целью украшения сосуда, он ещё играл роль своеобразного заклинания, чтобы сосуд не распался при обжиге и, следовательно, состоялся как творение рук мастера и художника. Рождение орнамента обусловлено формированием художественного вкуса, удачным поиском красоты в обыденной жизни и обыкновенном материале.

В целом появление керамической посуды позволило готовить более полноценную и разнообразную пищу, нагревать и кипятить на костре воду, а также хранить различные продукты, в частности, оберегать их от грызунов. Отдельно отметим тот факт, что на поверхностях сосудов сохраняются оттиски нитей, а иногда и тканей, похожих на грубую мешковину. Зарождение и развитие ткачества привело, наверное, к появлению принципиально новой одежды и бытового имущества. Употребление посуды и тканей свидетельствовало о возрастающей устойчивости хозяйства, стремлении к большей комфортности и красоте быта.

Существует проблема определения времени появления керамики. По памятникам Южного Забайкалья её возраст всеми исследователями определяется не ранее 7 тыс. лет. В отношении керамики с северной Усть-Каренги её исследователем В. М. Ветровым разрабатывается иная идея. Согласно ей, возраст этой керамики достигает 13 тыс. лет. Такая датировка, превосходящая почти все возрастные керамические пределы в мире, вызывает возражение [Ветров, 2010; М. Константинов, 2009, 2016]. На основании изучения памятников эпохи неолита предварительно выделяются чикойская, ононская, ингодинская, усть-юмурченская и усть-каренгская культуры.

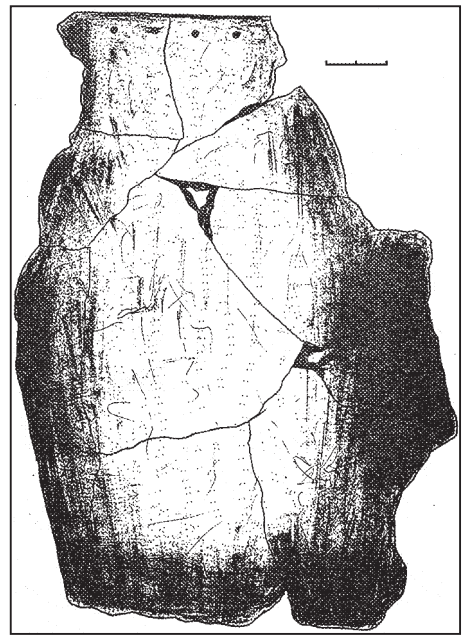

Чикойская неолитическая культура. Усть-Менза-1

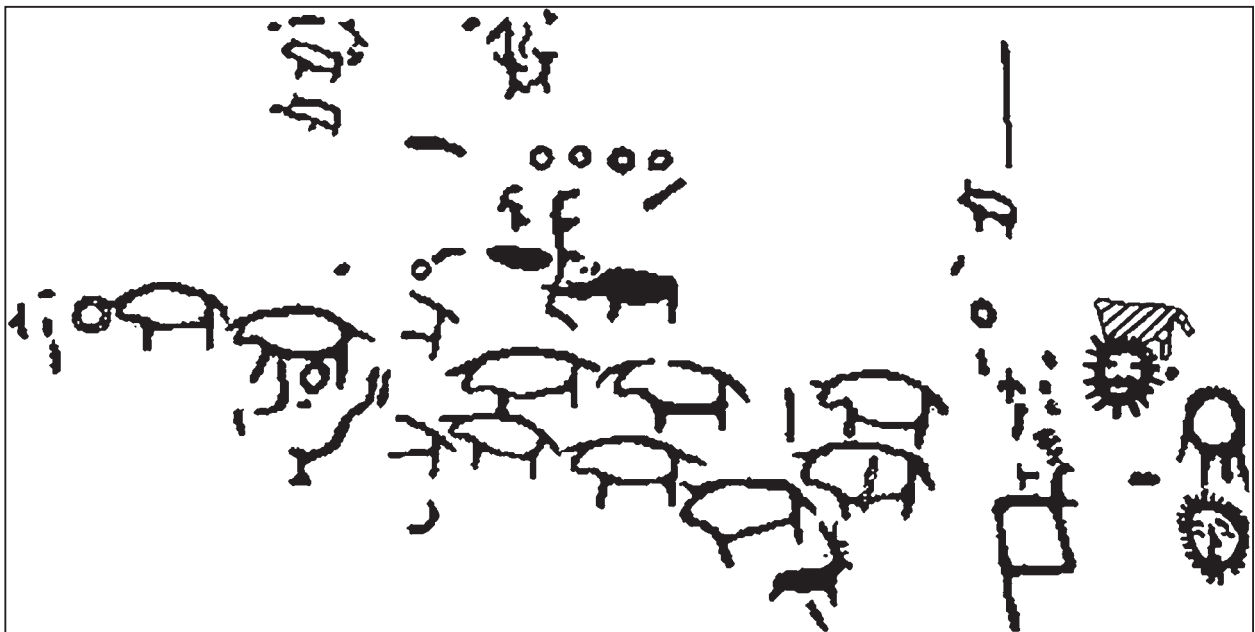
К неолиту относятся древнейшие в Забайкалье образцы наскальной живописи (наскальные рисунки, петроглифы). Наиболее представительные из них найдены в гроте на Шаман-Горе, в бассейне р. Хилок [М. Константинов, Екимова, Верещагин, 2008]. Они известны также на Шилке (например, Бутиха) [Мазин, 1986], в Приаргунье (Быркинские скалы) [Мазин, 1986], в Горанково (р. Буркал), на р. Утени в бассейне Амазара и крайнем севере Забайкальского края (такие как Сень, Ималык-1, -2 на р. Чаре) [Кочмар, 1994], в верховьях Нерчи (Имандан-Макит) [А. Константинов, Пономарева, 2019]. Петроглифы сопровождаются жертвенниками с каменными изделиями в виде подношений.

А. И. Мазин на скалах близ с. Бырка обнаружил около 20 композиций, выполненных красной охрой. Среди них имеются изображения бизонов. В одном из изображений он увидел носорога и в силу этого датировал рисунки палеолитическим временем [Мазин, 1985]. Известный археолог А. А. Формозов считает, что облик рисунков архаичен, но это не может свидетельствовать о их глубокой древности. Он напоминает, что люди изображали не только реальных зверей, но и мифические персонажи. А точное соответствие рисунку «носорога» можно найти среди литых шаманских изображений ящеров [Формозов, 1992].

По мнению М. В. Константинова, при изучении фотографий и рисунков, представленных в музее охраны природы в пос. Агинское, выявлено, что часть рисунков наложена друг на друга. За счёт этого и возникает представление о носорогах, тогда как на самом деле изображены бизоны, которые сохранялись и в послеледниковую эпоху.

Керамический сосуд. Чикойская неолитическая культура. Студёное-1

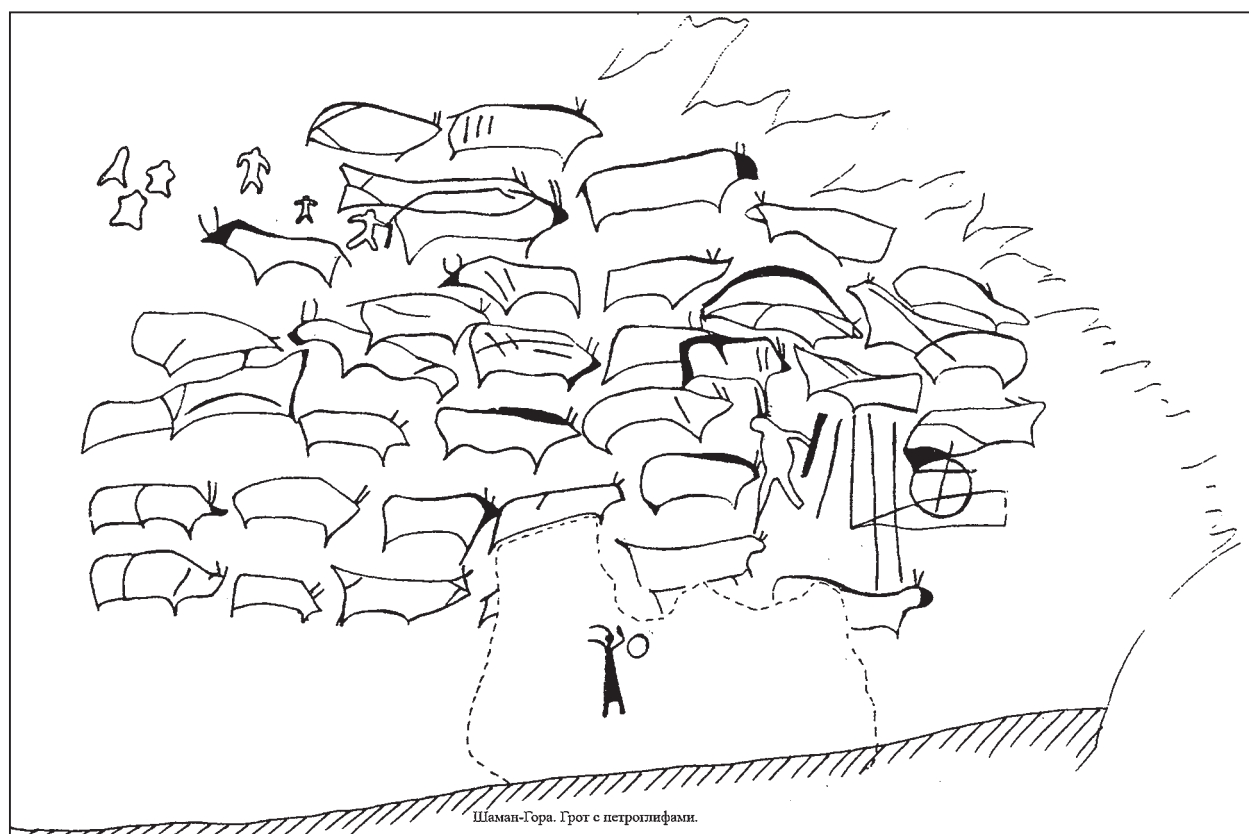
Наскальные рисунки. Бырка

В живописном скальном массиве на северных склонах Малханского хребта, где трасса пересекает р. Арей (Хилокский район), Чикойской археологической экспедици-

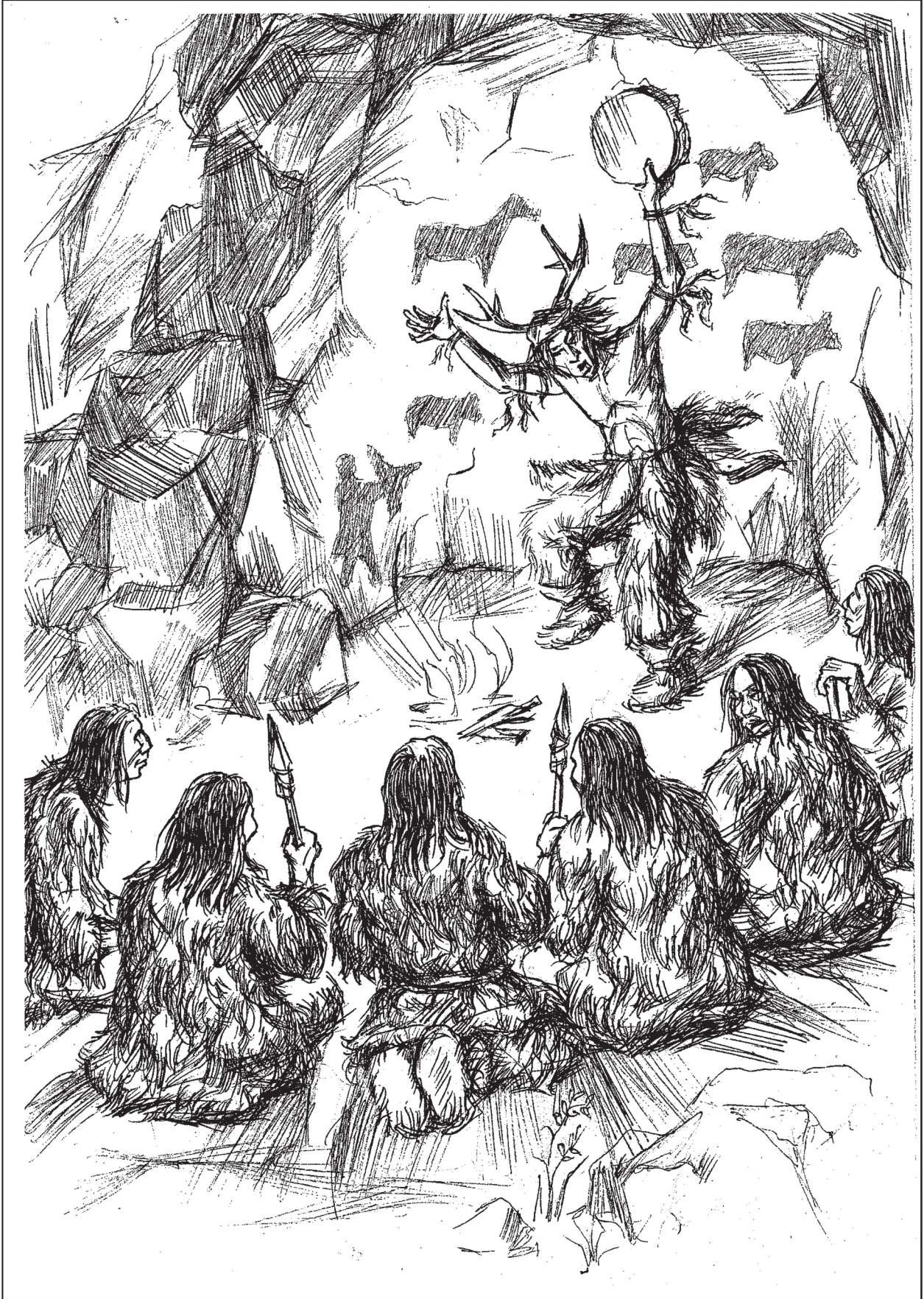
ей под руководством М. В. Константинова обнаружены древние рисунки. Расположены они на высоте 12 м над рекой в гроте и нанесены красной охрой на вертикальную гранитную плоскость размерами 2 х 3 м. Почти всю плоскость занимают профильные изображения животных, скорее всего бизонов. Рисунки контурные, дополнительно сплошь подкрашены головы животных, в некоторых случаях – передняя часть или всё тело. Головы вытянуты прямо или опущены вниз, изредка приподняты. Рога короткие, прямые, иногда чуть изогнутые. У всех животных показано по две ноги, каждая в виде треугольника, смыкающегося с туловищем, или короткой линии-чёрточкой. На «полотне» в семь рядов изображено целое стадо – более 30 бизонов. Фигуры, как правило, располагаются свободно, в отдельных случаях стыкуются или частично перекрывают друг друга.

В верхнем левом углу композиции – шесть человечков размерами до 20 см с раскинутыми в стороны руками и ногами, у одного из них в руке лук. По диагонали от человечков – крупная фигура с округлой головой и с двумя длинными стержнями-рогами. В одной руке вертикальный утолщённый предмет, возможно, лук. Эта фигура может трактоваться как шаман. Рядом с ней – четыре вертикальные линии и окружность с крестовиной в центре, предположительно передающая изображение бубна. Ниже описанной композиции, на вторичной отслоившейся поверхности – фигура человека с изогнутым рогом, колотушкой и бубном. Возможно, она возникла позднее основной композиции, хотя и в связи с ней (приложение, с. 159).

В гроте под плоскостью с рисунками обнаружен жертвенник. Здесь найдены наконечники стрел, вкладыши, скребки, микропластины. На более высоком участке горы располагается большая скальная плоскость с семью группами рисунков, выполненных красной и малиновой охрой. Выделяются крупные фигуры (до 25 см) шаманов с лучами-косами на голове. Ещё один объект с рисунками, представленный фигурами шамана, человека, кабана, находится на соседней скале. В целом комплекс определён как святилище, датирован поздним неолитом – ранней бронзой [Константинов, Екимова, Верещагин, 2008].

Наскальные рисунки. Шаман-Гора

У священной скалы

Контрольные вопросы

1. Что известно о начальных этапах заселения человеком Забайкалья?
2. Почему эпоху верхнего палеолита называют временем расцвета «палеолитической цивилизации»? Назовите основные достижения человека этого времени.
3. Что вы можете рассказать о жизни древних толбагинцев?
4. Что представляли собой палеолитические жилища? Как они сооружались?
5. Какие памятники выявлены на Титовской сопке? Чем она интересна?
6. Какие изменения в природе и жизни человека произошли в эпоху мезолита?
7. Как изменилась жизнь человека в эпоху неолита? Назовите основные достижения этого времени.
8. Какую информацию даёт изучение погребений неолитического времени?
9. Что представляет собой древнейшая в Забайкалье наскальная живопись?

1.3. ЭПОХА МЕТАЛЛА

Бронзовый век. Примерно в конце первой трети II тыс. до н. э. в Забайкалье начинается эпоха металла. Богатые запасы медной и оловянной руды стали основой формирования на этой территории одного из металлургических центров востока планеты.

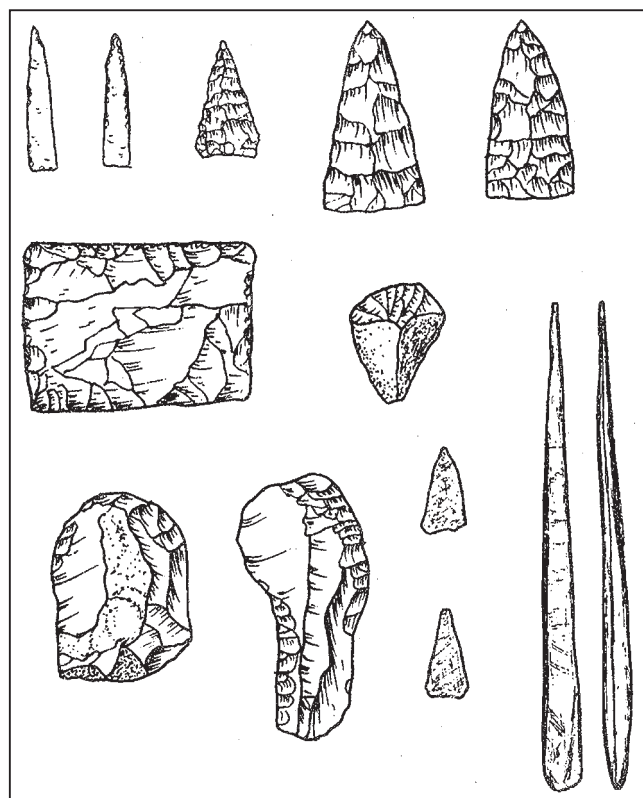
Медные орудия труда встречаются очень редко. Минеральный состав забайкальских руд способствовал получению сплава меди и олова – оловянистой бронзы, отличавшейся большой прочностью и высокими литейными качествами, позволявшими изготавливать орудия труда, оружие, украшения. Руда добывалась в шурфах и шахтах, достигавших глубины в несколько десятков метров. Остатки древних копей, где находили каменные кирки и молоты для дробления породы, обнаруживались на Аргуни, Ононе и Шилке при горных разработках, регулярно проводившихся с начала XVIII в. Руду дробили на мелкие кусочки, а затем, переславивая древесным углем, закладывали в плавильные печи, сооружённые из камня. Остатки таких печей найдены у сёл Курунзулай, Усть-Иля, Кубухай, Буэлэсан, Бусыгино в бассейне Онона, сёл Еремино и Кука на Ингоде.

После плавки металл разливали по специально изготовленным литейным формам из камня, получая мечи, кинжалы, ножи, украшения. Забайкальские изделия из оловянистой бронзы с их солнечно-золотистой поверхностью, строгими формами и оригинальными художественными навершиями являются выдающимися достижениями не только местной, но и мировой древней металлургии. Открытие меди и бронзы отнюдь не означало полного забвения камня. Более того, основными находками на поселениях этого периода продолжают оставаться изделия из камня, а бронзовые находки – единичны. Иногда вероятность их использования угадывается только по наличию кусочков шлака, а также массивных каменных орудий, с помощью которых добывали и дробили руду. Чаще бронзовые предметы встречаются в погребениях, хотя и здесь преобладает каменный и костяной инвентарь. Бронзовые изделия представлены ножами, пуговицами, различными украшениями.

Один из наиболее характерных памятников эпохи палеометалла – Крестинкина пещера в верховьях р. Мензы. Она так же, как и Шилкинская пещера, служила погребальным склепом. Рядом с разрушенными погребениями двух женщин обнаружено более четырёх десятков наконечников стрел, кроме них – двусторонне обработанные вкладыши, скребки, а также орудия из кости, украшения, фрагменты керамики. Найдены здесь и бронзовые изделия: наконечники стрел, по форме напоминающие каменные, шило, обломки ножей [Семина, 1983].

К этой же эпохе относятся и весьма многочисленные береговые поселения: Дешулан, Громатуха и Дворцы на р. Ингоде, Арын-Жалга (верхний слой), Будулан и Кункур –

на Ононе, Ишихан – на Шилке, Черемушки – на р. Хилок, Студёное-1, -2, Усть-Менза-1–3, Алтан, Косая Шивера на Чикое и Мензе (во всех случаях – верхние слои) и др.

Изделия из камня и бронзы. Кристинкина пещера

Совершенно очевидно, что численность населения в бронзовом веке увеличилась. Береговые поселения дополнительно обустраиваются специально выложенными прямоугольными очагами размером 2 x 1 м, предназначенными для обогрева наземных жилищ. Известны случаи сооружения полуземлянок (например, на Усть-Мензе-3). Гораздо совершеннее становится посуда, появляются сосуды плоскодонных форм. Значительно улучшается обжиг, для которого используются специальные печи. В быту применялись керамические плитки, назначение которых пока ещё не разгадано.

В таёжных районах люди по-прежнему продолжали заниматься охотой и рыболовством, хотя в период поздней бронзы здесь уже появились домашние животные (овца, коза, свинья), ещё немногочисленные, почти экзотические, на вольном выпасе [Константинов, Екимова, Верецагин, 2016]. В степных районах, прежде всего на Ононе, скотоводство развивается интенсивнее. В культурных слоях поселений обнаруживаются кости овцы и коровы. В период развитой бронзы они начинают преобладать над остатками охотничьей добычи. Вполне возможно, что в это время возникает в зачаточном виде земледелие с использованием мотыг, серпов и зернотёрки. Однако значительные изменения климата в сторону его аридизации сделали дальнейшее развитие земледелия в этих местах невозможным. Наиболее приспособленным видом хозяйственной деятельности применительно к новым условиям оказалось кочевое скотоводство. Кочевой образ жизни наложил отпечаток на формы ведения хозяйства, организацию власти, быт, нравы людей.

Культура плиточных могил. В степном Забайкалье в конце II – I тыс. до н. э. обитали племена, создавшие так называемую культуру плиточных могил. По характеру погребального обряда и обычаю ставить над захоронением ограду из крупных каменных плит

носителей данной культуры называют плиточниками. Настоящее название этого народа неизвестно. Территория расселения плиточников была необычайно широка: от Байкала на севере до Ордоса и предгорий Наньшаня (возможно, и Тибета) на юге и от Хингана на востоке до предгорий Алтая на западе.

От плиточников в степях сохранились многочисленные погребения. В ряде случаев это большие кладбища, которые имеют чёткую планировку. Например, у оз. Бальзино находятся около 100 могил. Большие могильники найдены у оз. Ножий, в пади Анхабай и в других местах. Нередко они расположены на возвышенных, хорошо освещённых солнцем местах. Они стали неотъемлемой частью культурно-исторического ландшафта забайкальских степей.

Однако большинство из погребений в разные эпохи были потревожены грабителями, которые искали в них золото и другие ценные предметы. Уцелевшие погребения, такие как на г. Семеновка около ст. Оловянная, дают весьма представительный погребальный инвентарь. Так, в одном из погребений выявлено более тысячи украшений из камня и меди. Грудь умершего украшали пять рядов бус из чередующихся бусин пирофиллита, бирюзы и выполненного из меди бисера и подвесок различных форм. Также обнаружены медные кольца диаметром до 4 см, бляхи с изображениями голов козлов, медное зеркало и рукоять плети [Ступников, 1974].

Процесс сооружения плиточных могил выглядел следующим образом. Умершие помещались в сравнительно неглубокие ямы головой на восток. Яму присыпали, а затем забутовывали камнем и перекрывали плитами. Вокруг неё устанавливалось ограждение из плоских монументальных каменных плит, поставленных вертикально и образующих ограду. В основном распространены погребения длиной 3–4 м и шириной 2–3 м. Иногда можно увидеть и более крупные захоронения (приложение, с. 160–162).

В конструкциях погребений встречаются плиты с выбитыми на них различными изображениями. Это так называемые оленные камни. Как правило, ими отмечены самые большие плиточные могилы, занимающие в могильниках центральное место. В конструкцию уникального плиточного захоронения в пади Ульба (Агинский район) входят сразу пять оленных камней. Встречаются и отдельно стоящие оленные камни. Подобное название они получили потому, что на них чаще всего выбивались изображения оленей. Животные с большими, откинутыми назад, ветвистыми рогами показаны в стремительном беге, похожем на полёт. Погоня оленей друг за другом олицетворяла смену дня и ночи, движение Вселенной. Изображённый в верхней части камней круг символизировал Солнце. Оленные камни являются одним из важнейших элементов культуры кочевых народов.

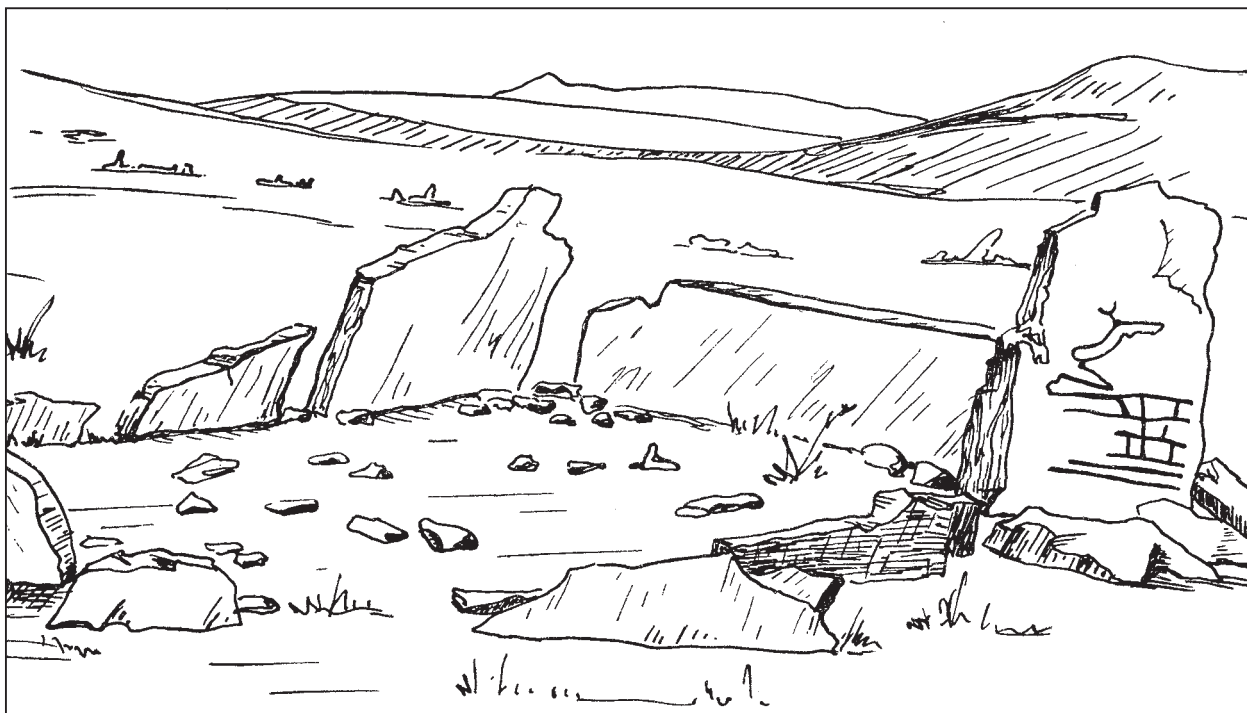
В качестве основного символа кочевой культуры олень, на наш взгляд, избирается неслучайно. Его ветвистые рога обладали не только красотой и выразительностью, но и содержали в себе особое биологическое вещество (пантокрин), являющееся для человека полезным энергетиком. В связи с этим представляется, что оленные камни – это символы продолжения рода.

Наибольшую известность приобрёл Иволгинский оленный камень, обнаруженный в середине XIX в. краеведом, учителем и поэтом Д. П. Давыдовым и его же стараниями доставленный в Иркутск. Здесь камень был в дальнейшем установлен у входа в краеведческий музей. На плите с обеих сторон изображены стилизованные фигуры оленей с запрокинутыми назад рогами. Среди других изображений – бронзовое зеркало с ручкой, пояс, лук, кинжал и топор [Окладников, 1954] (приложение, с. 163).

Впоследствии оленные камни были обнаружены и в других районах Забайкалья. Большинство из них в настоящее время находится в музеях.

Плиточные могилы

Плиточная могила с оленным камнем. Хусотуй

Изображение на оленном камне. Ульба

Среди других сюжетов – изображения людей и лошадей, стрелков из лука, оружие. Встречаются также условные антропоморфные изваяния, которые олицетворяют людей-воинов. Они примитивны – только атрибуты одежды и вооружения указывают, что это изображения людей. Оленные камни устанавливались в конструкции захоронений, а также на местах культовых торжеств, жертвоприношений и имели ритуально-символическое значение. Они являются одним из важных элементов культуры кочевых народов.

Возникает вопрос, почему степняки-кочевники отдавали предпочтение образу оленя, а не другим, более типичным для степей животным. Ответ может содержаться в мифе

об «олене – золотые рога», известном у многих сибирских народов. Однако смысл этого мифа заключается не только в том, что у быстрого, как бы летящего над землёй оленя блестящие, отливающие золотым солнцем рога, но и в том, что рога у этого животного необыкновенные по своей природной биологической силе. Это в наибольшей мере присуще молодым рогам, известным под названием панты. Употребление их частиц или выполненных на их основе настоек полезно для поддержания и укрепления здоровья, особенно мужского. При таких оценках изображения оленей должны отражать заботу о продолжении рода и представления о вечной жизни. Оленные камни датируются временем конца II – конца I тыс. до н. э., поздним бронзовым – ранним железными веками [М. Константинов, 2011; М. Константинов, Дашилхамаев, 2011].

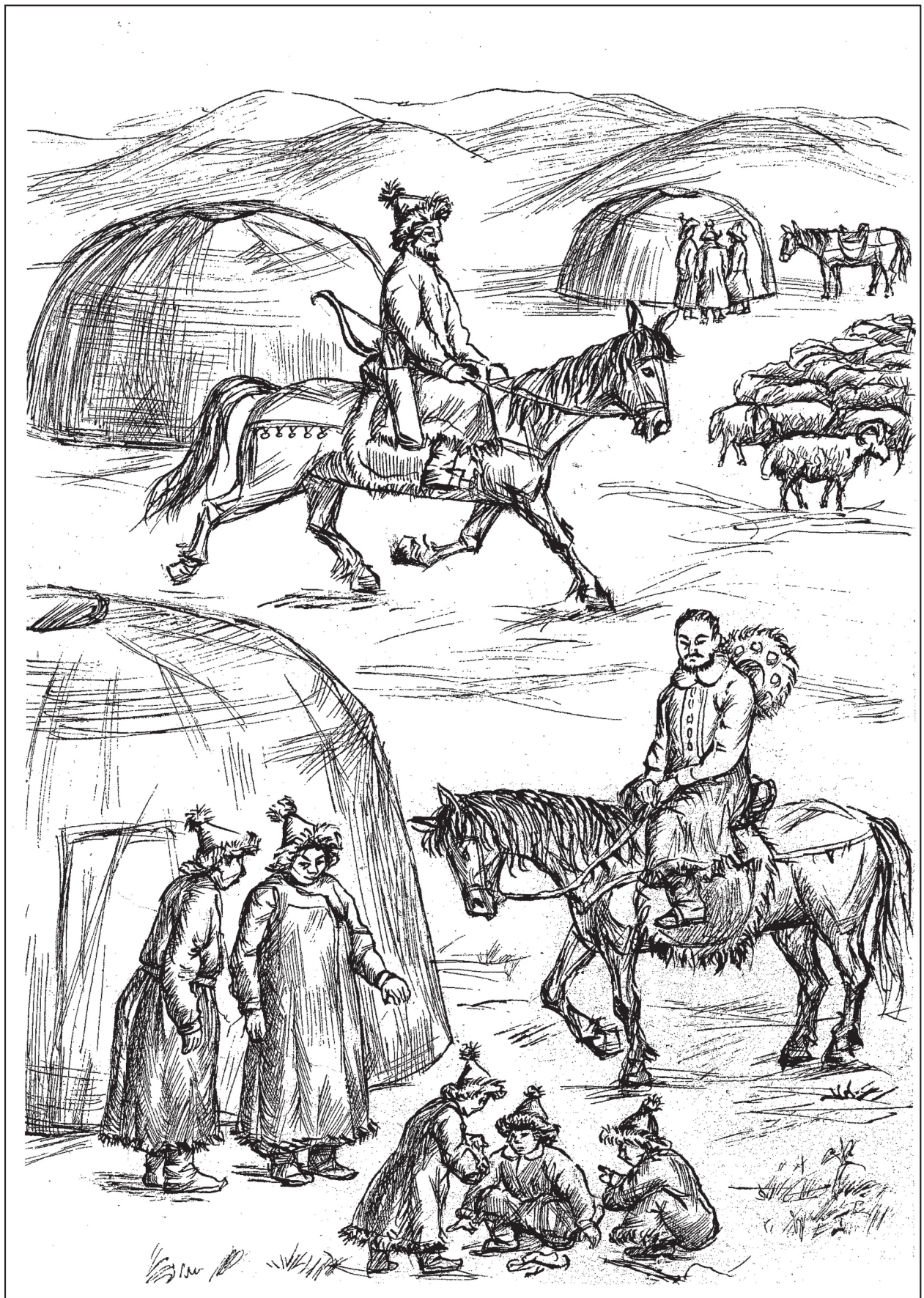
Кладбища плиточников представляют собой не просто совокупность погребений, а целый комплекс культово-религиозных и погребальных сооружений. Кроме захоронений и оленных камней имелись ритуальные жертвенники, коновязи (сэргэ), иногда рядом располагаются скалы с писаницами.

Наиболее крупные ритуальные сооружения известны у озёр Ножий и Улин, у сёл Амогolon и Анхабай в Агинском Бурятском округе, на Ламинской горе у с. Левые Кумаки Нерчинского района. Последний представлял собой площадку длиной 8 x 30 м, ограждённую плитами и разделённую перегородками на четыре части. Здесь на протяжении длительного времени совершались обрядовые действия. По выявленным остаткам подсчитано, что в жертву было принесено пять человек (в черепах и костяках найдены наконечники стрел) и до 200 животных, черепа которых уложены в два яруса. Черепа принадлежали крупному рогатому скоту, барану, лошади. Также найдены наконечники стрел, астрагалы для игры в кости, сосуды и др. Часть комплекса сильно разрушена и несёт следы ограбления. В подобных местах проходили поминания умерших сородичей, встречи с их душами [Кириллов, Литвинцев, 2006].

Особую роль в жизни и хозяйстве плиточников играла лошадь. Из-за малоснежности скот в зимнее время содержался на подножном корму, но порой возникала необходимость добыть его из-под глубокого или подтаявшего, покрытого ледяной коркой наста. В таких случаях способность лошади добывать корм, разгребая снег копытами, была неопределимой. Остальной скот шёл за лошадьми и питался оставшейся после них травой. Этот процесс называется тебенёвкой. После того как пастбище истощалось, скот перегоняли на другие места.

Носители культуры плиточных могил были замечательными металлургами. Они изготавливали многочисленные и разнообразные наконечники стрел, ножи, мечи, доспехи из бронзы. Впоследствии появились изделия из железа. В ряде погребений найдены литейные формы, льячки. Не исключается, что данные захоронения являются местами упокоения литейщиков. Это означает, что на определённом этапе произошло выделение металлургии в специализированную отрасль производства и появились профессиональные мастера-ремесленники, познавшие тайны руды и научившиеся управлять плавильными печами. Литейные формы для ножей и стержней сохранились в Шакшинском кладе. Плиточники стали первооткрывателями забайкальского золота. Они добывали его и использовали для изготовления украшений.

С ремеслом домашнего характера связано производство глиняной посуды. Сосуды изготавливались вручную. Они – толстостенные, имеют баночную или горшковидную форму, верхняя их часть украшена орнаментом. Особый интерес представляют сосуды оригинальной формы – триподы, напоминающие по форме коровье вымя. На других территориях Сибири они не встречаются. Известно, что триподы появились на территории Северного Китая ещё в неолите и использовались земледельческими племенами. Распространение триподов на территории Забайкалья свидетельствует об определённых контактах с южными соседями.

Кочевье

Трипод

В эпоху ранних кочевников обычными становятся войны. Они обеспечивали обогащение родовой верхушки и приводили к углублению социального неравенства, что нашло отражение в появлении бедных и богатых захоронений; в последних как раз и встречаются изделия из золота.

Представители культуры плиточных могил были ярко выраженными монголоидами. По мнению антропологов, плиточники относились к северной ветви большой монголоидной расы, имели плоское лицо, широкое уплощённое переносье. Генезис их антропологического типа пока не установлен. Предположительно, его происхождение идёт от антропологического типа, известного по материалам неолита Южного Забайкалья и Восточной Монголии [Диков, 1958; Гришин, 1975; Окладников, Кириллов, 1980; Цыбиктаров, 1998].

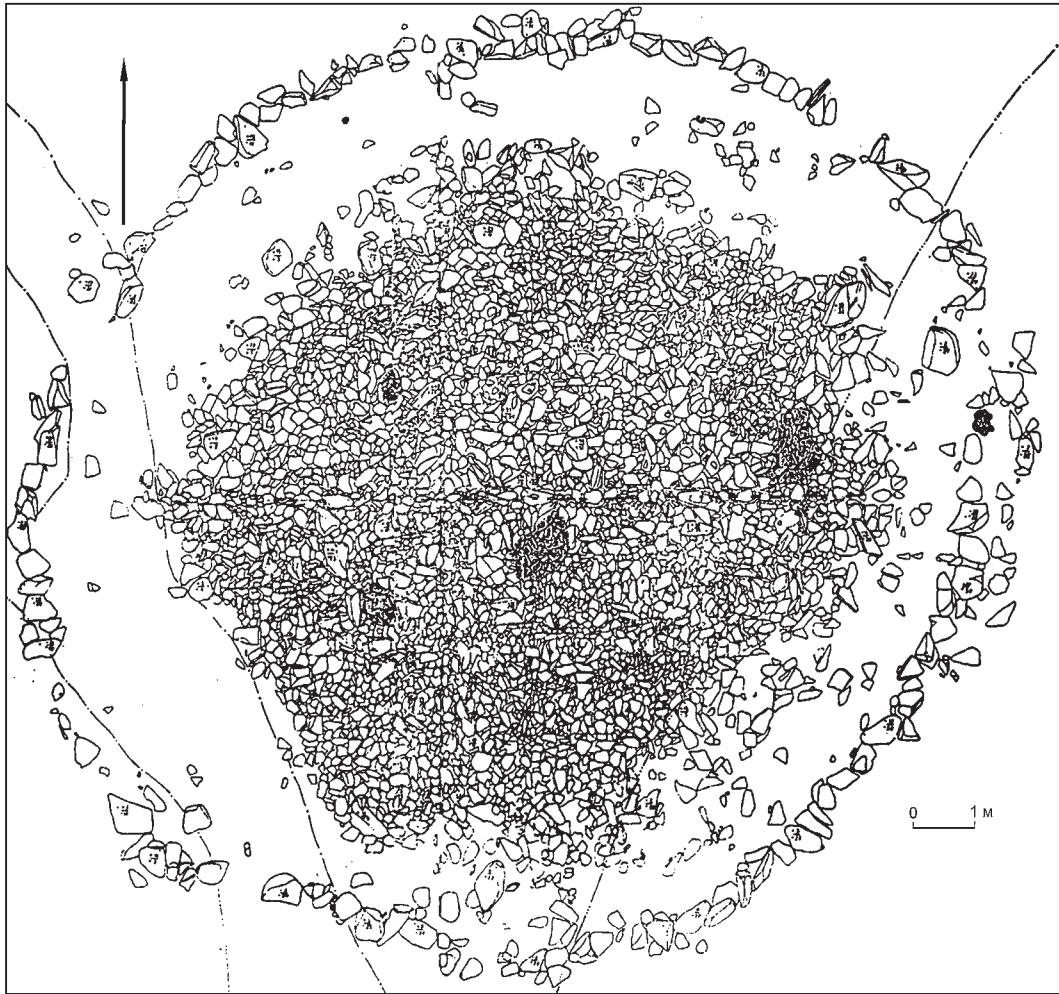
Культура керексуров. На заключительных этапах эпохи существования культуры плиточных могил в степях появляются носители культуры керексуров. Они сооружали крупные каменные курганы, заключённые в ограды прямоугольных и округлых форм диаметром до 25 м. Формирование данной культуры происходило в Западной Монголии и на Алтае. Создана она предположительно населением европеоидной расы. В I тыс. до н. э. началось встречное движение двух скотоводческих культур. В результате керексуров появляются на территории Северной и Центральной Монголии, Юго-Западного Забайкалья, а плиточные могилы – далеко на западе, в предгорьях Алтая.

В Забайкалье керексуровы распространены на юге Бурятии, а также у сёл Урлук и Альбитуй в Красночико́йском районе Забайкальского края. Отношения между плиточниками и носителями культуры керексуров были сложными и напряжёнными. Известны случаи, когда плиточники, оскверняя захоронения и жертвенники пришельцев, вывозили установленные ими оленные камни, которые затем использовали в качестве строительного материала при сооружении своих захоронений и жертвенников. Имеются примеры и ответного осквернения плиточных могил (приложение, с. 164).

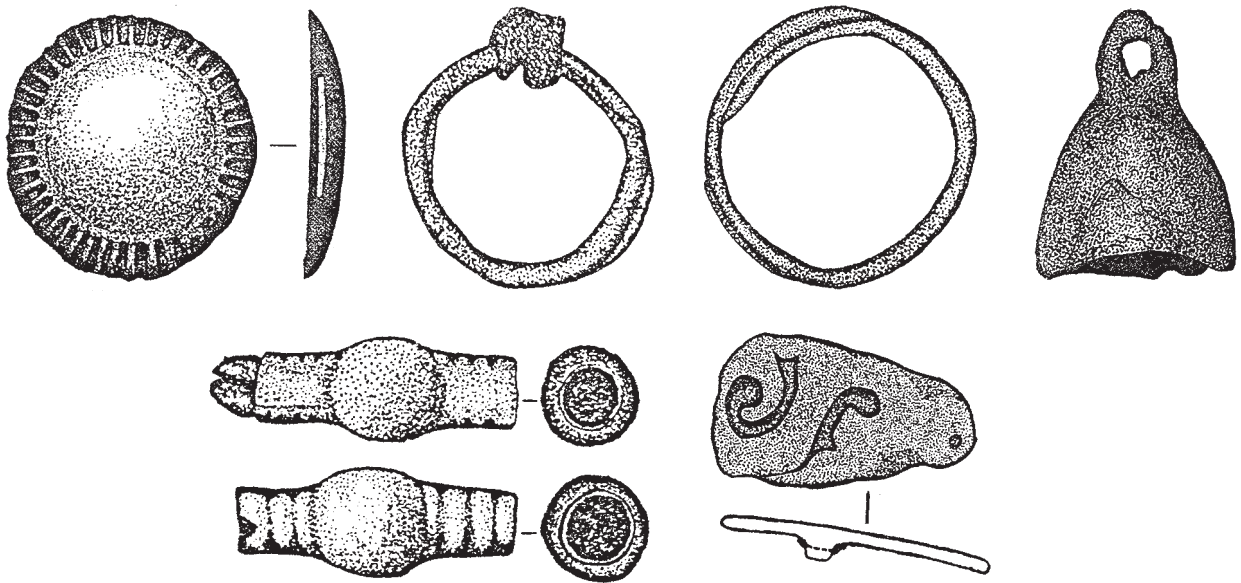
Такой характер взаимоотношений между носителями разных культур вполне понятен. Появление пришельцев с запада вызвало увеличение плотности населения и значительный рост интенсивности использования пастбищных угодий. Вероятно, в это время имели место многочисленные военные столкновения. Это доказывается появлением оленных камней с изображениями оружия и парадных боевых поясов, наскальных рисунков со сценами поединков, а в погребениях – многочисленных предметов вооружения: кинжалов, наконечников копий и стрел, чеканов, кельтов.

Вероятно, взаимоотношения мигрантов и автохтонов постепенно нормализовались, а затем начались и процессы смешения разного по происхождению населения, завершившиеся ассимиляцией европеоидов [Цыбиктаров, 1998; Мамкин, Белоусов, 2019].

Дворцовская культура. В середине 1970-х гг. на территории Восточного Забайкалья И. И. Кирилловым были выявлены памятники, которые относились к новому, отличному от плиточников, типу культуры. Она получила название дворцовой по известному урочищу Дворцы, находящемуся в живописной долине р. Кадалы близ Читы, где и были впервые обнаружены поселение и погребения этой культуры. Захоронения дворцовцев выявлены в нескольких местах по р. Ингоде, а также на р. Шилке.

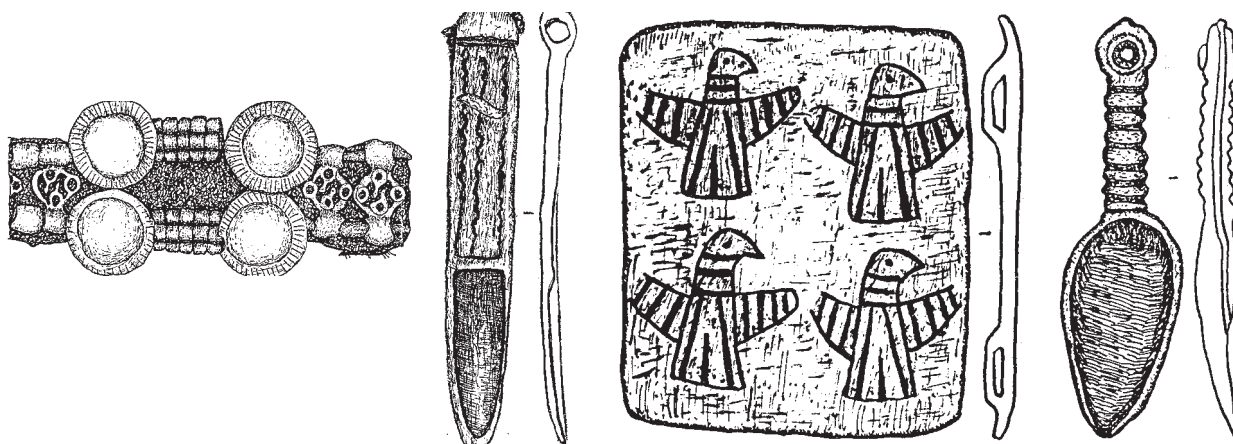
План керкурса. Бильчир

Альбитуйский керкур

Погребения дворцового типа представляют собой уплощённые выкладки диаметром 6–8 м, выложенные камнем. Под кладкой расположены могильные ямы, плотно забутованные камнем. Останки погребенных ориентированы головой на восток. В большинстве захоронений найдены черепа животных (от 3 до 30), они укладывались лобной частью вниз и располагались вокруг погребенного. Среди животных чаще всего встречаются домашние (баран, лошадь, корова), реже – дикие (изюбрь, косуля). Погребальный инвентарь включает в себя украшения, детали одежды, реже – предметы вооружения. В одном из захоронений обнаружен наборный пояс из медно-бронзовых блях с изображениями летящих орлов. Посуда представлена сосудами высотой до 50 см ручной лепки.

Погребения фиксируют следы имущественной дифференциации, что находит отражение в наборе инвентаря и количестве черепов животных. Дворцовая культура датируется примерно тем же временем, что и культура плиточных могил. Очевидно, между ними существовали контакты и обмен культурными ценностями (приложение, с. 165–166).

Инвентарь погребения. Дворцовая культура

Хунну. В III в. до н. э. степи Юго-Западного Забайкалья по р. Селенге и её притокам заселили кочевники по имени хунну. Они жили и в бескрайних степях Монголии и Северного Китая. Забайкалье было северной окраиной их расселения.

Хунну – первый народ, обитавший в Забайкалье, о котором известно не только по археологическим находкам, но и письменным источникам, прежде всего китайским. Комплексное изучение различных источников даёт возможность гораздо больше узнать об истории и культуре этого народа. Китайский историк Сыма Цянь так писал о хунну: «Обитая за северными пределами Китая, они переходят со своим скотом с одних пастбищ на другие. Из домашнего скота более содержат лошадей, крупный и мелкий рогатый скот; часто разводят верблюдов, ослов... Перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде... Начиная с владетелей, все питаются мясом домашнего скота, одеваются его шкурами, прикрываются шерстяным и меховым одеянием» [цит. по: Гумилев, 1993].

Хунну были северными соседями Китая, постоянно подвергались агрессии с его стороны и отвечали тем же. Объединившись, хунну активизировали набеги на Китай. Чтобы уберечь свои владения от «северных варваров», Китай вынужден был построить Великую стену. Не раз китайские армии совершали походы далеко в степи, но Китаю так и не удалось покорить кочевников. Кровопролитные войны чередовались с периодами, когда заключался «вечный мир». В конце III в. до н. э. хунну создали степную империю – первую на территории Центральной Азии и Забайкалья.

Наибольшего могущества она достигла при шаньюе (верховном правителе) Модэ. Длительное время хунну были самым сильным народом в Центральной Азии. Зани-

мались хунну в основном кочевым скотоводством. Имело место и земледелие, но оно играло вспомогательную роль. Несомненно, значительное влияние на хунну оказали систематические связи с Китаем. Во время военных действий они получали трофеи, пленных. В период мирных соглашений активизировалась торговля. В степи попадали рис, вино, просо, шёлковые ткани и готовое платье, слитки золота и бронзовые монеты. Хуннские шаньюи и знать в периоды «вечного мира» получали от китайских императоров щедрые подарки – от бытовых предметов и одежды до балдахинов, колесниц, вооружения.

Хунну на равных вели 300-летнюю войну с могущественным южным соседом. И всё-таки хунну проиграли, но не напрямую Китаю, а своим восточным соседям – племенам сяньби.

Разгром хунну в 93 г. н. э. произошёл после ряда неблагоприятных для них в климатическом отношении лет. Следствием этого был массовый падеж скота, что подорвало экономическую и военную мощь хунну. После военного поражения часть хунну подчинилась сяньбийцам, часть ушла на территорию Китая, а ещё одна часть двинулась на запад, смешиваясь постепенно с другими народами. В V в. н. э. они достигли границ Римской империи под именем гунны и сыграли заметную роль в истории Европы. Их движение из глубин Азии в Европу положило начало процессу, который получил название Великого переселения народов.

Данные письменных источников о хунну дополняются сведениями, полученными в результате археологических раскопок. Хунну оставили в Забайкалье различные исторические памятники. Так, около Кяхты в Судже (Ильмовая падь) расположен некрополь хуннских князей, рядом с г. Улан-Удэ – Иволгинское городище, на р. Чикой у сёл Дурены, Жиндо – селища хунну. Изучение археологических памятников хунну началось в конце XIX в. с раскопок в Судже, которые провёл кяхтинский врач и краевед Ю. Д. Талько-Грынцевич. Им исследовано несколько десятков погребений. Некоторые погребения выделялись среди других огромными размерами. Ю. Д. Талько-Грынцевич предпринял попытку раскопать один из таких курганов. Раскопки были доведены до глубины 7 м, а затем прекращены из-за обвалов. Именно Ю. Д. Талько-Грынцевич пришёл к выводу, что данные захоронения принадлежат хунну, подтвердив их историческое существование [Эйльбарт, 2003].

Раскопки в Судже, продолженные в 1960–80-х гг. П. Б. Коноваловым, позволили выявить около 300 могил и примерно треть из них раскопать. Выяснено, что захоронения хуннской знати представляли собой грандиозные могильные конструкции размером 30 x 40 м с примыкающим дромосом – входом и глубиной 7–8 м. В могильной яме помещался сруб, сделанный из расколотых брёвен. В одну из таких могил проникли грабители. Сохранились фрагменты гроба, обитого толстой тканью и обшитого тонкими и узкими пластинами золотой фольги. Рядом находились останки принесённых в жертву животных, конская сбруя, глиняные сосуды [Коновалов, 1976, 1999].

Благодаря исследованиям известного путешественника П. К. Козлова в Северной Монголии открыт хуннский некрополь Ноин-Ула, где под курганами образовалась мерзлота, которая способствовала сохранению тканей, ковров, дерева, волос. Так, мож-

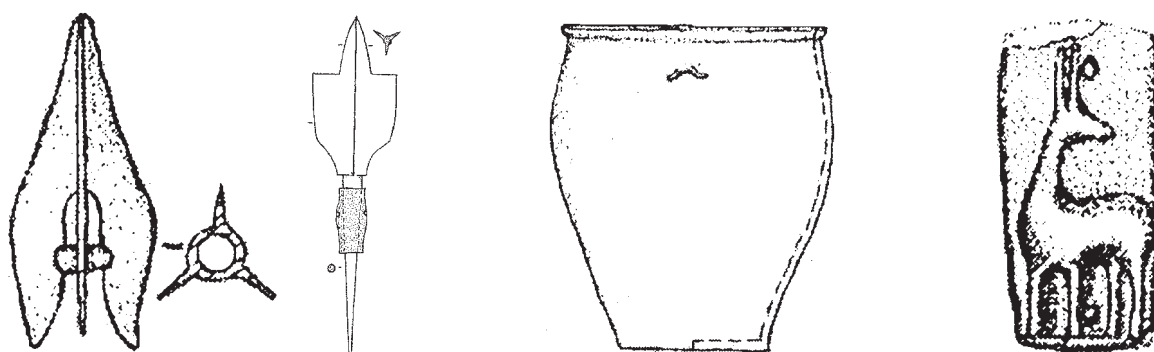
Кочевники Южной Сибири. По китайским документам XI в.

но представить, какую одежду носили хунну: головные уборы из войлока в форме колпаков, кафтаны с запахом на правую сторону, шаровары, мягкую войлочную обувь. Реконструируется технология изготовления тканей и ковровых изделий, определены сорта ввозимого из Китая шёлка.

Хунну восприняли сложившийся ещё до них у кочевых народов Евразии художественный «звериный стиль». Художественные изделия из металла, кости, дерева, найденные в погребениях, свидетельствуют о творчестве мастеров, придерживавшихся своеобразных стилистических особенностей и художественных традиций.

Ещё одним известным памятником хунну является Иволгинское городище, изученное А. В. Давыдовой. Оно окружено мощной системой оборонительных сооружений – четырьмя чередующимися рядами валов и рвов. Внутри укрепления – десятки жилищ типа полуземлянок. Некоторые из жилищ имели систему отопления типа кана. Тёплый воздух от очага, прежде чем выйти наружу, проходил через систему расположенных горизонтально дымоходов, над которыми находились лежанки или нары. В жилищах найдены домашняя утварь, орудия труда, предметы вооружения. Городище было центром ремесленной деятельности. Здесь изготавливались изделия из бронзы и железа, развивалось гончарное производство, выполнялась резьба по кости и камню. Оседлые хунну занимались земледелием. Они выращивали просо, ячмень, пшеницу. Городище погибло в результате пожара, вызванного, вероятно, неожиданным нападением врагов. Его гибель, возможно, предопределила уход части хунну на запад [Давыдова, 1995, 1996].

На территории Восточного Забайкалья самый крупный могильник хунну носит название Кия, он находится в бассейне р. Шилки. В нём найдены девять погребений и жертвенники. Одиночные захоронения хунну выявлены возле пгт Агинское, Дарасун, близ г. Шилки и в разных местах Поононья (приложение, с. 167–169).

Наконечники стрел

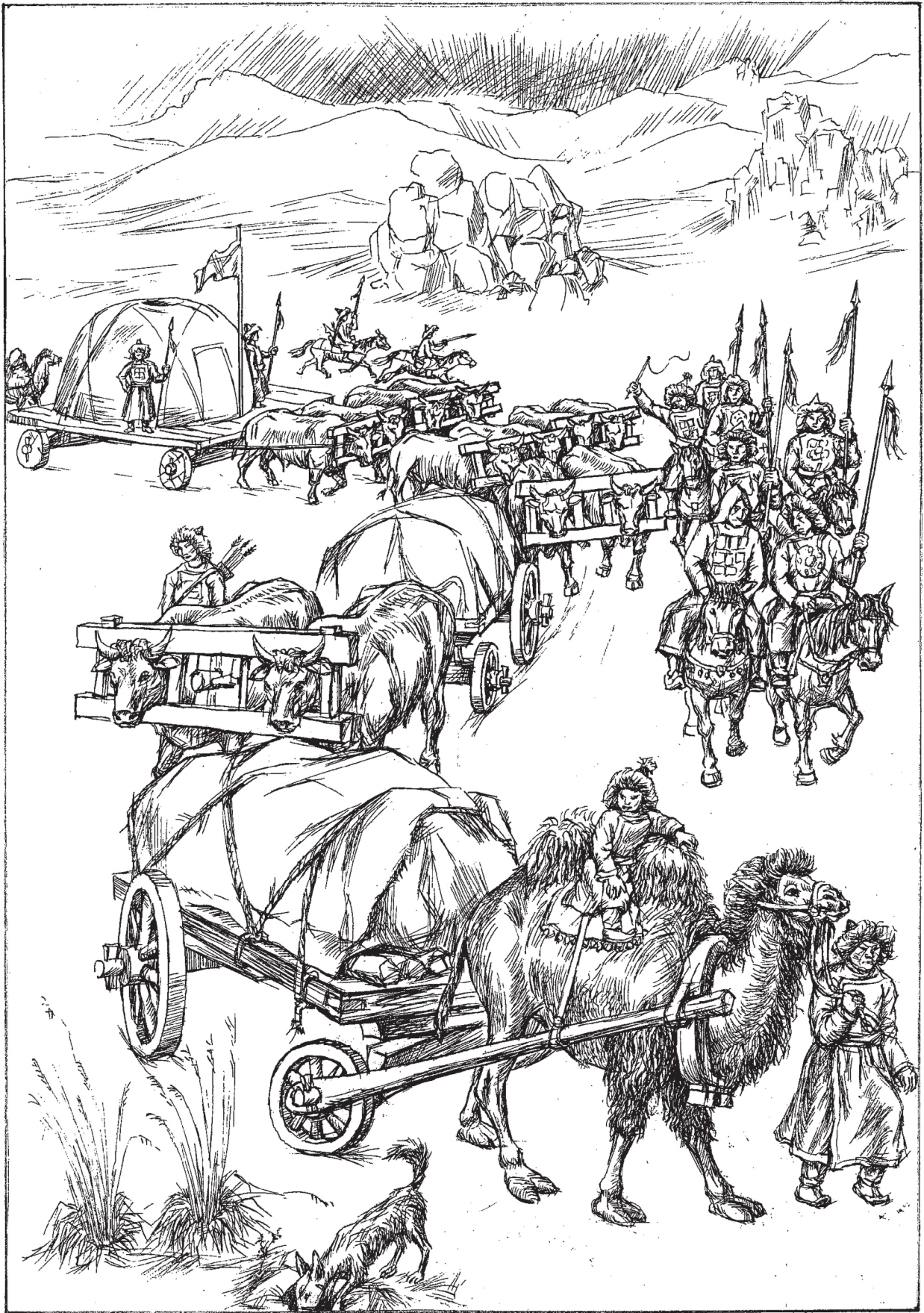
Сосуд

Изделие из бронзы с позолотой

Сяньби. В это же время, т. е. в конце I тыс. до н. э. – начале I тыс. н. э., в Юго-Восточном Забайкалье обитали племена сяньби, являющиеся предками монголов. И. И. Кирилловым и Е. В. Ковычевым у сёл Зоргол и Дурой в Приаргунье исследованы могильники сяньби. Они датируются I в. до н. э. – II в. н. э.

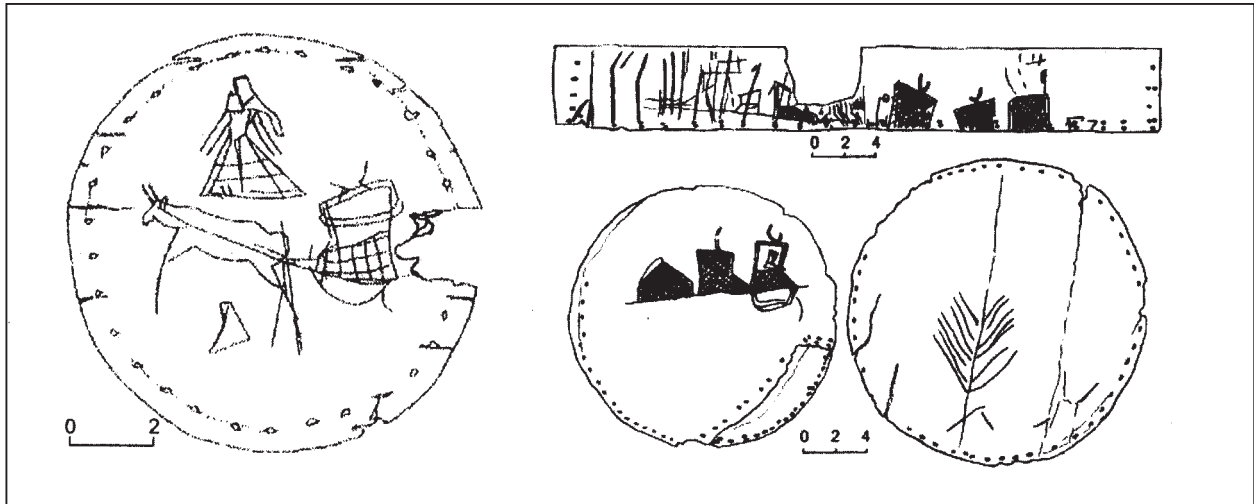
Погребения внешне выражены овальными каменными выкладками, могильные ямы достигали глубины 2–3 м. В ряде погребений были боковые подбой, закрытые со стороны могильных ям перекрытиями из жердей и бересты. Использовались деревянные гробы и берестяные короба. Погребальный инвентарь включает берестяную и глиняную посуду, костяные и железные наконечники стрел, уложенные в берестяные колчаны, железные ножи, наконечники копий, роговые обкладки сложносоставных луков, пряжки, наборные пояса, зеркала, а также различные украшения.

Материалы погребений свидетельствуют о незначительной социальной дифференциации сяньби. В их хозяйстве преобладали скотоводство и коневодство. Развиты были охота, рыболовство, собирательство, гончарное, кузнечное и плотницкое ремёсла.

Кочевники

Особый интерес представляют найденные в зоргольском могильнике берестяные тубески с рисунками, выполненными в технике граффити. Они изображают кочевые стойбища, сцены охоты и перекочёвок [Кириллов и др., 2001; Яремчук, 2005]. На основании изучения этих памятников выделены зоргольская и дуройская культуры. Одним из монголоязычных племён сяньби была известная по китайским хроникам этническая группа тоба (приложение, с. 169).

Зоргольские граффити

Памятники наскального искусства. С эпохой бронзы связано большинство памятников наскального искусства – петроглифов (писаниц). Они различаются по сюжетам и технике исполнения. Иногда они составляют целые композиции. Рисунки выполнялись красной и изредка жёлтой охрой – природной краской, которую смешивали с жиром. «Полотном» для древних художников служили ровные участки скальной поверхности, имеющие отрицательный угол наклона или под карнизом и обращённые к солнцу.

Чаще всего человек рисовал изображения в виде кругов и прямоугольников. Внутри или рядом наносились небольшие овальные пятна, кресты, сильно стилизованные звериные и человеческие фигуры. Фигурки людей иногда стоят в ряд, как бы взявшись за руки. Очень часты изображения хищных птиц с распростёртыми крыльями. Часто рядом с петроглифами располагались жертвенники и погребения.

Писаницы. Гутайский грот

Встречаются также петроглифы эпохи средневековья. На реках Джиды и Селенга известны петроглифы, выполненные жёлтой краской. Они отличаются от более ранних рисунков сюжетом и стилем. На них изображены конные воины в своеобразных острокопечных головных уборах, кони украшены кистями и султанами. Здесь же представлены фигурки людей и животных, в том числе верблюдов. Вероятно, данные петроглифы запечатлели боевые подвиги и воинскую славу богатырей тюркских племён.

Своеобразная группа писаниц распространена в южных районах около г. Кяхты. Обычно рисунки наносились на отдельно стоящие камни. Методом точечных ударов или резными линиями устранялась блестящая корочка «пустынного загара» на камнях. В результате «свежий» рисунок чётко выделялся на поверхности камня. Среди наиболее популярных сюжетов – солярные знаки, изображения козлов с загнутыми назад рогами, олени, круги в виде колеса, пересеченные двумя поперечными линиями, колесницы, изредка человеческие фигурки. Подобные рисунки по стилю и технике исполнения относятся к раннемонгольскому времени.

Многие «писанные скалы» почитались бурятами и эвенками в XVII – XIX вв. О петроглифах и связанных с ними легендах упоминали в XIX столетии М. А. Кастрен и Д. П. Давыдов. О писаницах в районе с. Кондуй сообщил А. К. Кузнецов. Исследованием забайкальских писаниц занимались М. И. Рижский (1966), А. П. Окладников, В. Д. Запорожская (1969, 1970), А. И. Мазин (1986, 1986, 1994), И. И. Кириллов, М. В. Константинов (М. Константинов и др., 2008), Н. Н. Кочмар (1994), В. А. Цыбиктаров (2011), И. А. Пономарева (2018, 2019).

Проблемой является сохранность памятников наскального искусства и связано это, прежде всего, с деятельностью человека. Немало петроглифов уничтожено, так как скалы взрывали с целью использования камня в строительстве (в их числе ряд петроглифов на Титовской сопке в Чите, Урулюнгуй I и Казачий III в Приаргунском районе). Ряд рисунков, в том числе уникальная писаница Бырка в Приаргунском районе полностью разрушены вандалами.

Контрольные вопросы

1. Какие памятники относятся к эпохе палеометалла? Чем они характеризуются?
2. Чем вызван переход к кочевому скотоводству в забайкальских степях?
3. Кто были первые номады забайкальских степей? Чем характеризуется культура плиточных могил? Как «плиточники» адаптировались к условиям степей?
4. Что представляет собой культура херексуров? Каковы были отношения между «плиточниками» и носителями культуры херексуров?
5. Что такое «оленные камни»?
6. Чем характеризуется дворцовая культура?
7. Что вам известно о народе хунну? Где они проживали? Каковы были отношения хунну с Китаем?
8. Назовите наиболее важные памятники хунну на территории Забайкалья? С чьим именем связано начало их изучения?
9. Какие народы проживали на территории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н. э. – начале I тыс. н. э.? Расскажите о них.
10. Охарактеризуйте памятники наскального искусства эпохи металла. Чем вызвана проблема сохранения этого вида археологических памятников?

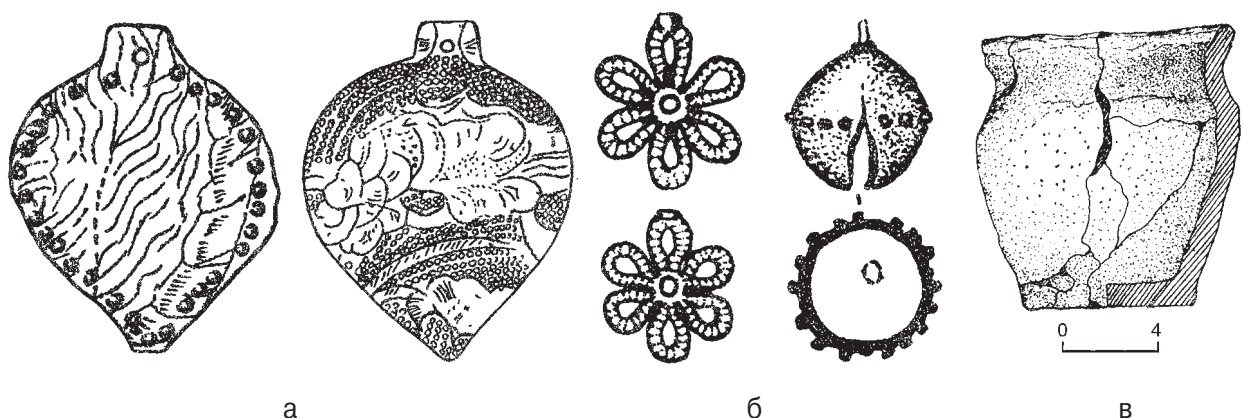
1.4. ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОЕ ВРЕМЯ

Уйгурское государство. В VI–IX вв. политическое первенство в Центральной Азии переходит к древнетюркским племенам. Одержав ряд побед над своими противниками, они создали новое государство – Тюркский каганат. Его границы простирались от Чёрного моря до верховий Амура. В 604 г. каганат распался на две части – восточную и западную. В VIII в. они перестали существовать, а на их развалинах возникло Уйгурское ханство. Уйгуры – народ тюркского происхождения. Столицей уйгуров стал г. Орду-Балык в Монголии. Уйгурская столица уже не была лагерем из войлочных юрт. Уйгуры начали широкое строительство городов. Не имея опыта в строительстве, они привлекали к этому делу согдийцев и китайцев.

У уйгуров возникла собственная письменность. Она получила название «орхонская». О деяниях одного из уйгурских каганов повествует надпись на так называемом Селенгинском камне. Уйгурия быстро превращалась в культурную страну. Уйгуры исповедовали культ Неба – Земли, небольшая часть их была христианами. В последующем среди них появляются манихеи, религия которых становится государственной.

Китайский историк Нао Бовэнь так писал об уйгурах: «В начале обычаи уйгуров отличались простотой и искренностью, и различия между князьями и народом не были очень большими. Поэтому помыслы народа были едиными и уйгуры были сильны и непобедимы... Танский двор делал им богатые пожалования. Каган Дэн-ли (749–779) впервые зазнался, стал строить дворцы для жилья. У женщин имелась пудра, краски для бровей и одежда, украшения парчовыми вышивками. Всё это изготовлено в Срединном государстве. Расточительство вызвало разложение варварских обычаев» [цит. по: Воробьев, 1994].

Уйгуры заселили территорию Юго-Западного Забайкалья. Около 758 г. на берегу Селенги построен г. Байбалык, что означает «Богатый город». Во время раскопок здесь найдены сосуды из красной глины, глиняные светильники, обломки чугунного сошника, кирпичи, черепица. Судя по составу находок, уйгуры занимались скотоводством и ирригационным земледелием. Земледельческие орудия труда, остатки ирригационных сооружений обнаружены в долинах рек Уда, Иволга, Хилок, в Баргузинской долине. Известны курганные могильники, принадлежащие уйгурам. В Восточном Забайкалье обнаружен могильник Улугуй у с. Усть-Борзя. Уйгурские наконечники стрел и копий представлены в Ивановском кладе.

Дарасунская культура: а – изделия из серебра; б – украшения из бронзы; в – сосуд

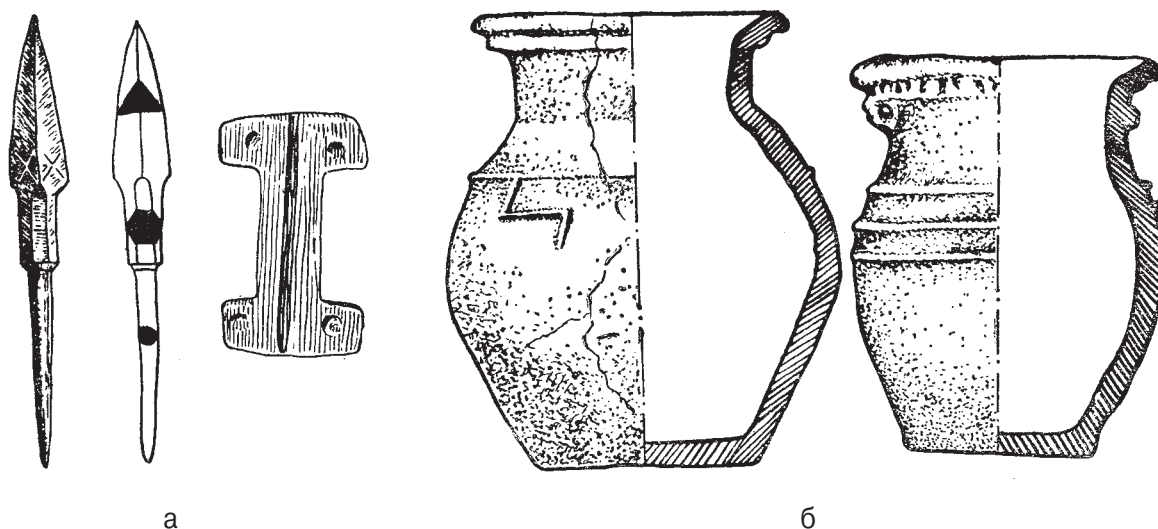
В Восточном Забайкалье следы пребывания тюркоязычных племён токуз-татар в наиболее полном виде представлены в окрестностях пгт Дарасун, где обнаружен могильник, на основании изучения которого выделена дарасунская культура [И. Кириллов, Ковычев, О. Кириллов]. Погребения этой культуры найдены также в других местах – на Ингоде и в районе Ивано-Арахлейских озёр, в междуречье Онона, Шилки и Аргуни. Погребения дарасунской культуры связывают с тюркоязычными племенами байырку и отуз-татар.

Уйгурское государство перестало существовать в результате столкновения с южносибирскими племенами кыргызов (древних хакасов). В 840 г. под стенами столицы войско уйгуров было разгромлено, а столица разграблена и сожжена. После разгрома большая часть уйгуров переселилась в Восточный Туркестан, где возникло уйгурское Турфанское княжество. Часть уйгуров осталась в Забайкалье. Очень редкое древнекыргызское погребение с трупосожжением найдено в пади Лукия в предгорьях Яблонового хребта. Особый интерес представляет погребение с конем из местечка Улугуй на р. Онон, датированное X–XI вв.

Бурхотуйская культура. В I тыс. н. э. на территории Восточного Забайкалья преимущественное распространение получила бурхотуйская культура, названная так по месту исследованного А. П. Окладниковым могильника, расположенного в пади Бурхотуй на Ононе [Окладников, 1960]. В это время происходит смешение различных этнических групп. В китайских письменных источниках перестают упоминаться названия прежних племён и появляются новые, среди них и племена шивэй. Они населяли восточные районы Забайкалья, среднее течение Амура, а также территорию Маньчжурии.

Шивэй, в отличие от хунну и сяньби, не создали общеплеменного союза. Они жили независимыми кочевьями, во главе которых стояли старейшины. Китайские источники сообщают, что шивэй были полукочевниками, которые зимой отсиживались в своих стойбищах, а летом кочевали «в поисках воды и травы». Шивэйцы занимались в основном разведением крупного рогатого скота, свиней, в меньшей мере – лошадей.

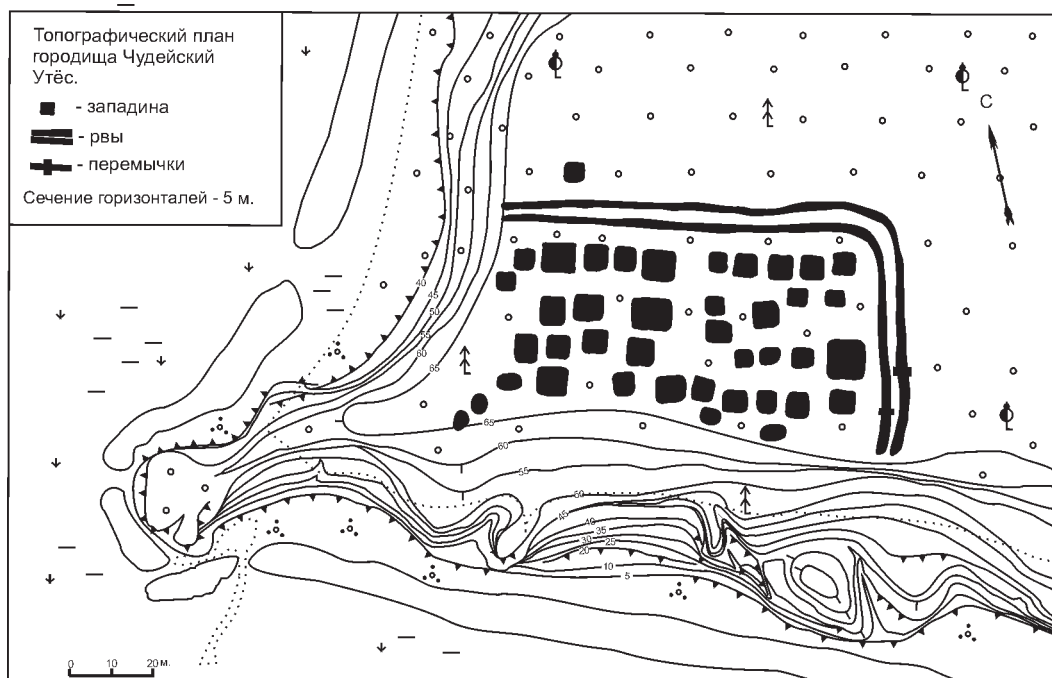
Одеждой мужчинам и женщинам служили короткие куртки и штаны из белой оленьей кожи. Взрослые мужчины носили косы, девушки и женщины – косички, собранные в узел. Главным украшением всех женщин были ожерелья из красных бус. Позднее их стали носить и мужчины: бусы стали считаться символом состоятельности [Воробьев, 1994].

Бурхотуйская культура: а – наконечники стрел и бронзовая накладка; б – сосуды

Погребения бурхотуйской культуры находятся на территории, которую занимали племена шивэй. Различия в инвентаре погребений из разных районов Восточного Забайкалья подтверждают сообщения китайских источников о наличии этнических групп в составе шивэй (приложение, с. 170).

К этому времени относятся не только могильники. В долине Шилки около сёл Верхние Куларки, Лужанки, Шилкинский Завод найдены городища (посёлки укрепленного типа). Подобное же городище – Чудейский утёс находится на р. Чёрной. Они укреплены системой валов и рвов. На р. Чёрной в Сретенском районе находится Чудейский утёс. Он представляет собой природную крепость, господствующую над всей долиной. С трёх сторон скалы отвесно обрываются к реке, четвёртая сторона защищалась системой оборонительных сооружений. Городище Проезжая располагалось на террасе р. Шилки, но также было укреплено валами и рвами. Расположены городища достаточно компактно и для сообщения об опасности между ними могла использоваться дымовая сигнализация. Обитатели городищ жили в полуземлянках. Они разводили свиней, баран, лошадей. Также занимались земледелием, выращивали гречиху и коноплю. На одном из городищ отмечены следы собственного железодельного производства.

План городища. Чудейский Утёс

А. П. Окладников, М. И. Рижский, Е. И. Деревянко полагали, что они принадлежали мохэ – тунгусоязычному народу, населявшему Приамурье [Окладников, Ларичев, 1954]. По мнению Е. В. Ковычева, эти городища являются шивэйскими [Ковычев, 2009; Ковычев и др., 2018]. По мнению С. В. Алкина, они также являются мохэскими, но при этом допускается активное этнокультурное взаимодействие мохэ с шивэйцами [Алкин и др., 2010].

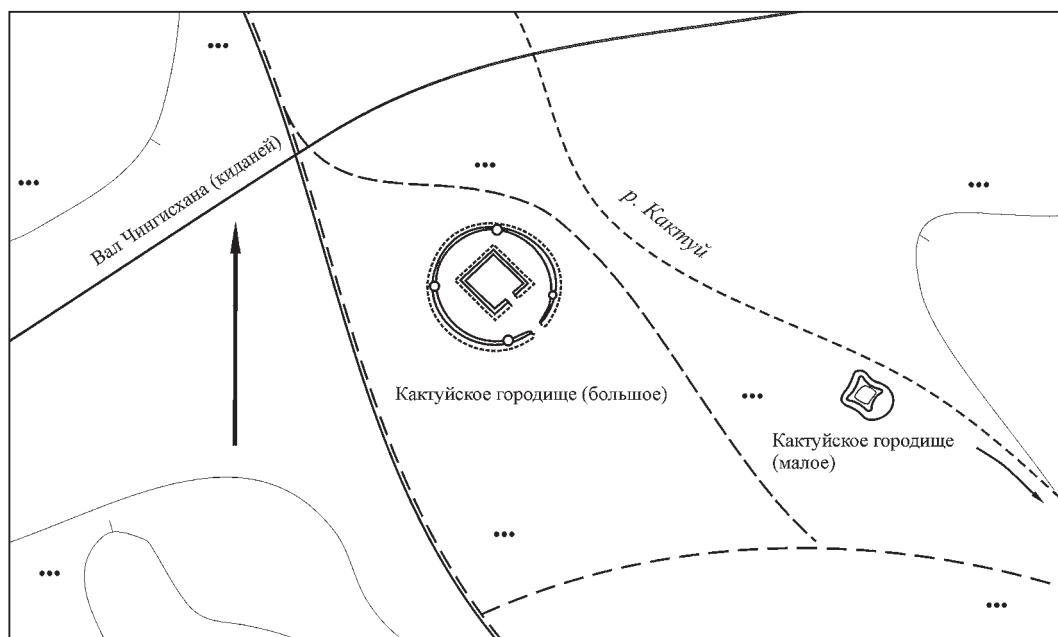
Кидани и империя Ляо. В X–XI вв. южные районы Забайкалья оказались в составе государства киданей. Кидани – монгольские племена, в III–IV вв. населявшие территорию Южной Маньчжурии и Восточной Монголии. Кидани занимались кочевым скотоводством: разводили крупный рогатый скот, коней. С VIII в. у них стало развиваться земледелие, принявшее затем широкие масштабы. Долгое время кидани были вассалами уйгуров, а после падения Уйгурского каганата стали вассалами Китая. В то же время они сами постоянно совершали набеги на своих более слабых соседей (племена да-даней,

си, шивэй). Известно, что среди киданей были распространены буддизм, конфуцианство и даосизм, но основную роль играл шаманизм.

В X в. возникло государство киданей (906–1125), которое возглавил талантливый военачальник и руководитель Елюй Абаоцзи (монг. Амбагянь) (872–926). Он завоевал степи Монголии вплоть до Алтая, разгромил древнетунгусское государство Бохай, вёл активную наступательную политику в отношении Китая. В степях возникла Империя Ляо. Название государства Ляо обычно принято переводить как «Железная империя». В состав государства вошла значительная часть Северо-Восточного Китая, Маньчжурия, Восточная и Центральная Монголия, а также часть Юго-Восточного Забайкалья.

Амбагянь, подражая китайской традиции императорской власти, провозгласил себя императором. У киданей высокого уровня достигло ремесло, появилась письменность (до сих пор не расшифрована), началось строительство городов и поселений, окружённых каменными стенами. На некоторое время кидани стали лидерами в северо-восточной части Центральной Азии.

Для обороны своих северных рубежей от набегов кочевников кидани соорудили протяжённую оборонительную линию, состоящую из вала (позднее название «Вал Чингисхана») и серии крепостей. На территории Забайкальского края вал имеет протяжённость около 100 км. Крепости располагались на расстоянии от 2 до 5 км от вала или же входили непосредственно в вал. По форме они круглые, квадратные, круглые с вписанным внутрь квадратом. Последний (Большой Кактуйский городок) имел диаметр 152 м, при высоте вала в 1,5 м и ширине 7 м. Ров достигал 3 м ширины и метра глубины. Вторую линию обороны представляла крепость в виде квадрата размерами 60 x 60 м также с валом и рвом. По углам квадрата располагались выступающие башни. У всех городков с юго-восточной стороны фиксируется вход, который дополнительно укреплялся валами. Круглые крепости располагались ближе к «Валу Чингисхана» или же непосредственно на нём. Они могли использоваться как временные лагеря, о чём свидетельствует отсутствие в них культурного слоя. В квадратных крепостях встречаются многочисленные находки, что свидетельствует о наличии в нём пограничных застав киданей.

Кактуйские городки. План

В окрестностях с. Дурой Приаргунского района раскопано несколько рядовых киданьских погребений. В них обнаружены глиняные сосуды горшковидной и бутылевидной формы, ножи и круглый бронзовый календарь восточного типа (приложение, с. 171).

Во второй половине XII в. империя Ляо переживает упадок, одновременно усилились тунгусоязычные племена чжурчжэней. В 1125 г. они разгромили её войска и захватили территорию киданей. Империя Ляо перестала существовать. Часть киданей ушла на запад – в Восточный Туркестан, остальные вошли в состав чжурчжэньской империи Цзинь (золотая) [Кириллов, Ковычев, 2002; Луньков и др., 2009; Ковычев, 2009].

Монголы и монгольская империя. С X в. степи и лесостепи Забайкалья заселяют кочевые монгольские племена. С этого времени и вплоть до момента вхождения в состав России Южное Забайкалье прочно связано с монгольским миром. На этой территории происходили процессы, связанные с рождением монгольского государства, его расцветом и ослаблением.

Китайские хронисты называли все народы, жившие в то время в степях к северу от Китая, одинаково – татары. Под этим именем они были известны и на западе. Однако непосредственно татары жили на территории Маньчжурии, по правому берегу р. Аргунь, и происхождение этого народа до сих пор не ясно. Земли Южного Забайкалья и сопредельную территорию Монголии занимали различные монгольские племена. По берегам Байкала жили меркиты. По Селенге и Толе кочевали кераиты. К западу от кочевий кераитов жили найманы. Собственно монголы населяли территорию Восточного Забайкалья. Своими прародителями монголы считали Борте-Чино (Серого Волка) и Алан-Гоа (Пятнистую Лань).

Монгольские племена враждовали между собой, что ослабляло их силы. Этот период в истории монголов совпал со временем усиления их восточного соседа – государства чжурчжэней. Монгольские племена объединились и избрали хана. Первый монгольский хан носил имя Хабул. После его смерти (1147) племенной союз монголов распался. В середине XII в. оборону от чжурчжэней и их союзников – татар возглавил Есугей-багатур. Он не был ханом, а являлся главой рода Борджигинов, занимавшего территорию по Онону.

В это время усиливается процесс имущественного и социального расслоения общества, возрастает роль родовой аристократии. Богатые нойоны (аристократы) распространяют влияние на рядовых общинников. У них появляются слуги, рабы, нукеры, а сами они превращаются в ханов, захватывая власть в рамках отдельных племён.

Создание монгольской империи связано с именем Чингисхана. В начале XIII в. ему удалось одолеть своих противников и объединить монгольские племена. В 1206 г. на великом курултае (съезде) он был провозглашён великим ханом. Чингисхан создал систему управления государством, основанную на военно-административных единицах, называемых тысячами. Они должны были выставять по тысяче конных воинов. Монголы, не имея собственной письменности, заимствовали уйгурскую. Было организовано письменное делопроизводство. На основе Ясы (обычное право) создавались законы [Сокровенное сказание, 1990; Владимиров, 1995].

Монголы исповедовали древнемонгольскую религию – бон, основанную на шаманизме. Однако в их среде получили распространение и другие религии. Например, кераиты ещё в 1009 г. приняли христианство несторианского толка, переняв его от уйгуров. Даже некоторые ханы носили христианские имена – Маркуз (Марк), Харчаус (Георгий). Одновременно с кераитами христианами стали и найманы. Существует мнение, что они сделали это в противовес киданям, к которым с образованием империи Ляо проникает буддизм. Христианство продолжало существовать среди монголов при Чингисхане и его преемниках. Сам Чингисхан был шаманистом, но лояльно относился к другим религиям.

В 1270-х гг. хан Хубилай объявил приоритетной религией буддизм. Вместе с тем основная масса монголов оставалась шаманистами, веря в Вечное Синее Небо [Гумилев, 1994]. Завоевательные походы монголов начались с нападения на чжурчжэньское государство Цзинь в 1211 г. Для военного искусства монголов были характерны внезапность нападения, стремление расчленить силы противника и громить его по частям, умение маневрировать крупными массами конницы.

В результате завоеваний возникла Монгольская империя, простиравшаяся от Тихого океана до Чёрного моря. Впоследствии она распалась на ряд самостоятельных государств, правителями которых были потомки Чингисхана, именуемые чингисидами. Однако и после многочисленных завоеваний Чингисхан и его преемники считали Забайкалье одним из своих коренных уделов. Именно здесь проходили курултаи, которые решали наиболее важные вопросы.

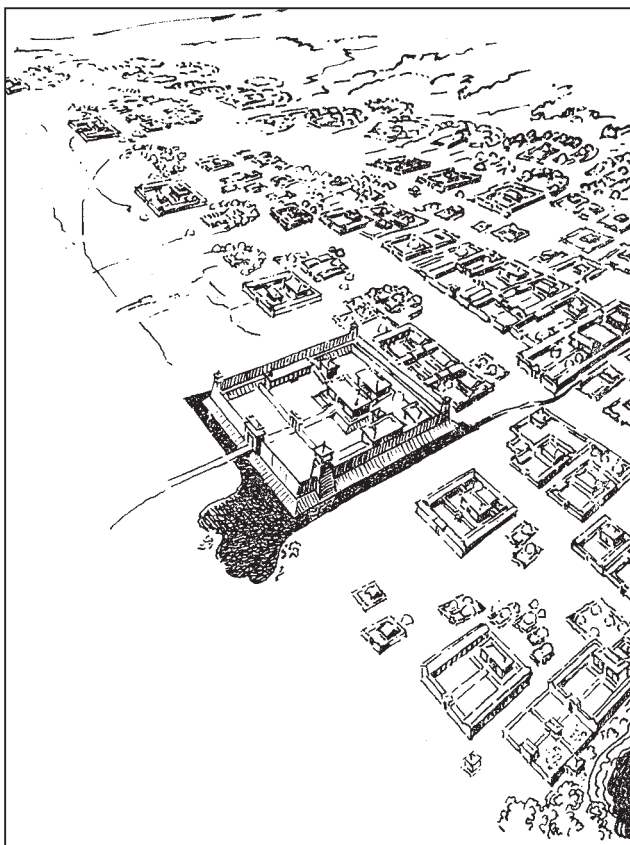
Судя по источникам, после раздачи улусов и завоеванных земель ближайшим родственникам и сподвижникам большая часть Забайкалья оказалась в составе Улуса Тулуя – младшего сына Чингисхана. Приаргунье и Верхнее Приамурье были выделены Джочи-Касару – брату Чингисхана. Земли меркитов по Селенге достались Торхан-Шира – одному из нойонов-полководцев, а лесные народы Прибайкалья отошли во владение военачальнику Хорчи [Румянцев, 1951].

В Забайкалье сохранилось немало памятников, оставшихся от монголов. Ко времени оформления монгольского государства относится город на р. Хирхира в Приаргунье. Он основан в начале XIII в. на месте более раннего поселения и являлся центром улуса Джочи-Касара – брата Чингисхана и его сына Исунке. Развалины города были открыты и впервые описаны в 1724 г. Д. Г. Мессершмидтом, направленным в Сибирь Петром I для сбора раритетов.

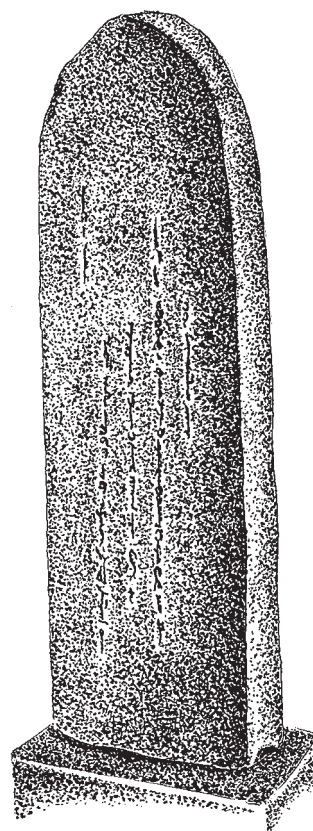
В 1957–1959 гг. Хирхириновское городище изучала экспедиция под руководством С. В. Киселева, в 1997–2005 гг. – А. Р. Артемьева, с 2014 г. – Н. Н. Крадина [Киселев и др., 1965; Артемьев, 2001, 2004, 2005; Крадин и др., 2019]. Установлено, что городище играло роль военно-административного и торгово-ремесленного центра. Археологические исследования позволили воссоздать облик города, который занимал площадь $1,5 \times 2,5$ км (приложение, с. 173).

В городе насчитывалось более 30 укрепленных усадеб знати и более 100 глинобитных домов, принадлежащих бедноте и ремесленникам. Многие усадьбы знати были окружены рвами и валами, на которых возводились стены из глины и сырцового кирпича. Центром города являлась цитадель – ставка хана. Цитадель имела квадратную форму со сторонами 150 м и была окружена валом и рвом, который заполнялся водой. С южной и юго-восточной стороны цитадель имела ворота, к которым примыкало искусственное озеро. В центре цитадели находился одноярусный ханский дворец, построенный на искусственной платформе, выложенной кирпичом. Дворец (размеры – 15 x 30 м) имел деревянные щитовые стены и 4-скатную крышу, покрытую простой черепицей. Отапливался он с помощью двух топок, тёплый воздух от которых проходил под полом.

Среди различных построек выделялась прямоугольная цитадель размером 100×110 м, окружённая мощным валом и рвом, над которым возвышалась деревянная стена. Возможно, она была плетёной и обмазана глиной наподобие стены, окружавшей Каракорум – столицу монголов. С южной стороны ров расширялся и создавал обширный пруд. Он также напоминал искусственное озеро у ворот дворца Угэдэя в Каракоруме. В цитадели находился дворец правителя. Его фундамент выложен из кирпича, стены были деревянными, крышу покрывала черепица. Похожая черепица применялась при строительстве дворцов в Приморье. К цитадели примыкали напоминавшие её, но в уменьшенном виде, укрепленные усадьбы знати, зимовавшей в городе. Дальше тянулись домики бедноты, ремесленные мастерские.

Хирхиринский городок. Реконструкция Л. К Минерта

«Чингисов камень»

Облик города явно отражает сложность обстановки в обществе и государстве в это время. Каждый представитель аристократии отгораживался от других и ощущал свою безопасность только за стенами своего замка. Существовала возможность нападения и со стороны северных племён, упорно отстаивавших свою независимость, а также продолжалась долголетняя война с чжурчжэньской империей Цзинь.

В двух километрах к северу от городища находится гора Окошки. Здесь ещё в начале XIX в. была обнаружена стела с надписью – «Чингисов камень». Как уже отмечалось, стела была доставлена в Нерчинский Завод, а затем в Санкт-Петербург и ныне представлена в одном из залов Эрмитажа.

Здесь же располагался некрополь, который был открыт и начал изучаться в середине XIX в. горным инженером А. И. Павлуцким. Два раскопанных им кургана оказались граблеными. От скелетов сохранились только отдельные кости, а также были найдены отдельные разрозненные предметы. Раскопки позволили восстановить первоначальный облик курганов. Павлуцкий предположил, что вся курганная насыпь первоначально была покрыта кирпичом, о чём свидетельствовали его обломки, расположенные непосредственно под дерном [Павлуцкий, 1867].

Раскопки могильника были продолжены в 1959 г. Бурят-Монгольской археологической экспедицией под руководством С. В. Киселева. В результате был раскопан самый большой курган, который также оказался грабленным. Следующее погребение уцелело полностью. В нём найден дощатый, обтянутый шёлком и окованный железными полосами гроб, на котором лежали седло с кожаными стременами, узда с железными удилами, лук и берестяной колчан со стрелами. В гробу сохранились останки мальчика примерно шести лет в шёлковой шапочке, крытой шёлком шубке, шёлковой рубашке, в штанишках, сапожках и юбке дамского покроя. Шуба также отличается ламским покроем. На ламское достоинство мальчика указывает и то, что пояс с серебряными бляхами

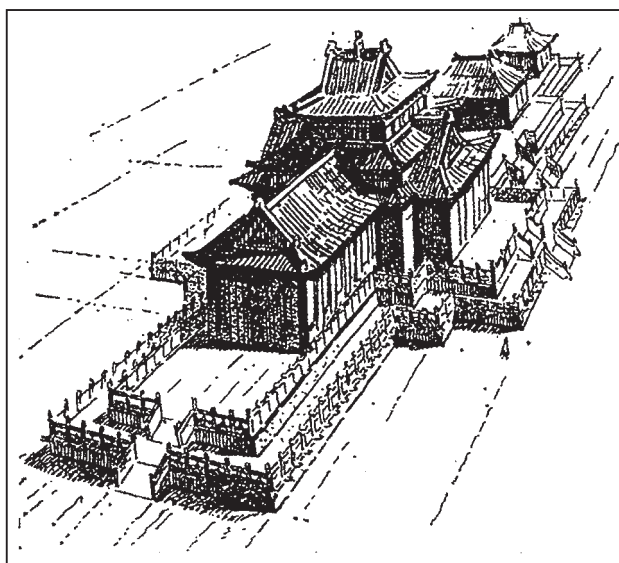
и кошелечком с кресалом и трупом не был подпоясан, а просто положен поверх шубы. На правой стороне груди обнаружена серебряная чаша типа буддийской чаши габала. Перечисленные особенности погребения мальчика указывают на его высокий сан – одновременно и воина, и ламы, обладателя габала – атрибута одного из высших таинств буддийского ритуала. Материалы этого погребения были полностью переданы в Читинский областной краеведческий музей [Киселев и др., 1965] (приложение, с. 172).

С 2010 г. на горе Окошки вновь возобновились работы под руководством А. В. Харинского. На некрополе было зафиксировано 45 надмогильных сооружений. В результате выделено два вида захоронений. Первый представлял собой курганную насыпь, под которой на глубине двух метров внутри деревянной конструкции головой на север располагался погребенный с сопроводительным инвентарём. Вторым представляли погребения с малыми плоскими надмогильными кладками из камня. В этих захоронениях сопроводительный инвентарь полностью отсутствует или представлен единичными вещами, например ножом [Артемьев, 2001; Харинский и др., 2010].

Ещё один памятник империи монголов находился на р. Кондуй в Борзинском районе. Он известен как Кондуйский городок и относится к XIV в. Развалины городка известны с конца XVIII в. Первый план строений был выполнен в 1798 г. П. К. Фроловым. В начале XIX в. часть кирпича, гранитных баз и изваяний была использована казаками пос. Кондуй для сооружения Богородицкой церкви. При этом гранитные изваяния драконов (64 экз.) и базы – квадратные основания колонн с выступающими окружностями, уложены в стену по всему периметру церкви «лицевой» стороной наружу. Также строительный материал городка использован при сооружении Цугольского дацана. Впервые в 1818 г. о нём упомянул Г. Спасский. Ф. И. Бальдауф под впечатлением от посещения развалин Кондуя посвятил им стихи и упомянул Кондуйский дворец в поэме «Авван и Гайро». Горный инженер А. Н. Таскин выполнил рисунки гранитных изваяний и передал их в Минералогический кабинет (музей) в Нерчинском Заводе. Изучением Кондуйского городка занимался А. К. Кузнецов [Н. П. Крадин, 2002; Кузнецов, 1925].

Планомерное его изучение городка проводилось в 1957–1958 гг. под руководством С. В. Киселева. В результате была изучена центральная часть городка – остатки дворцового комплекса (воротное здание, дворец, парковая зона), построенного в китайском стиле. Дворцовый комплекс окружали усадьбы родственников и приближенных, на удалении располагались строения ремесленников и торговцев. При сооружении комплекса использовались кирпич, камень, черепица и дерево. Вокруг дворца располагался парк с беседками и водоёмом, который заполнялся проточной водой.

В ходе раскопок обнаружено огромное количество обломков черепицы, покрытой разноцветной глазурью. Среди них обломки отливов и концевых дисков, украшенных драконами, а также фрагментов рельефов от скульптурных украшений коньков кровли и стен здания. Преобладают части изображений драконов, растительные элементы и «облака». Кровля дворца – одно из лучших произведений черепичного искусства той эпохи. На фоне окрестных гор, в окружении цветущей степи кровля представляла собой яркое зрелище.

Графическая реконструкция Кондуйского дворца Л. К. Минерта. Кондуйский городок

Главное здание дворца, по описанию С. В. Киселева, стояло на высокой двухметровой платформе, края которой украшали двухъярусные террасы. Верхняя терраса ограждалась деревянной балюстрадой, покрытой красным лаком. Такая же балюстрада шла и по нижней террасе, возвышавшейся над уровнем двора на 1–1,3 м. На нижней террасе, выступая личинами наружу, находились гранитные изваяния, изображавшие головы драконов. Чаще всего их изображения напоминают кабана с рогами лани, иногда – черепаху, покрытую чешуйчатым панцирем. Вся конструкция здания держалась на мощных деревянных колоннах, опорой для которых служили гранитные базы. Весь этот сверкающий красками ансамбль погиб от пожара в конце XIV в. Тогда пылали города и усадьбы не только на окраинах Монголии, но был разрушен и Каракорум (приложение, с. 173–175).

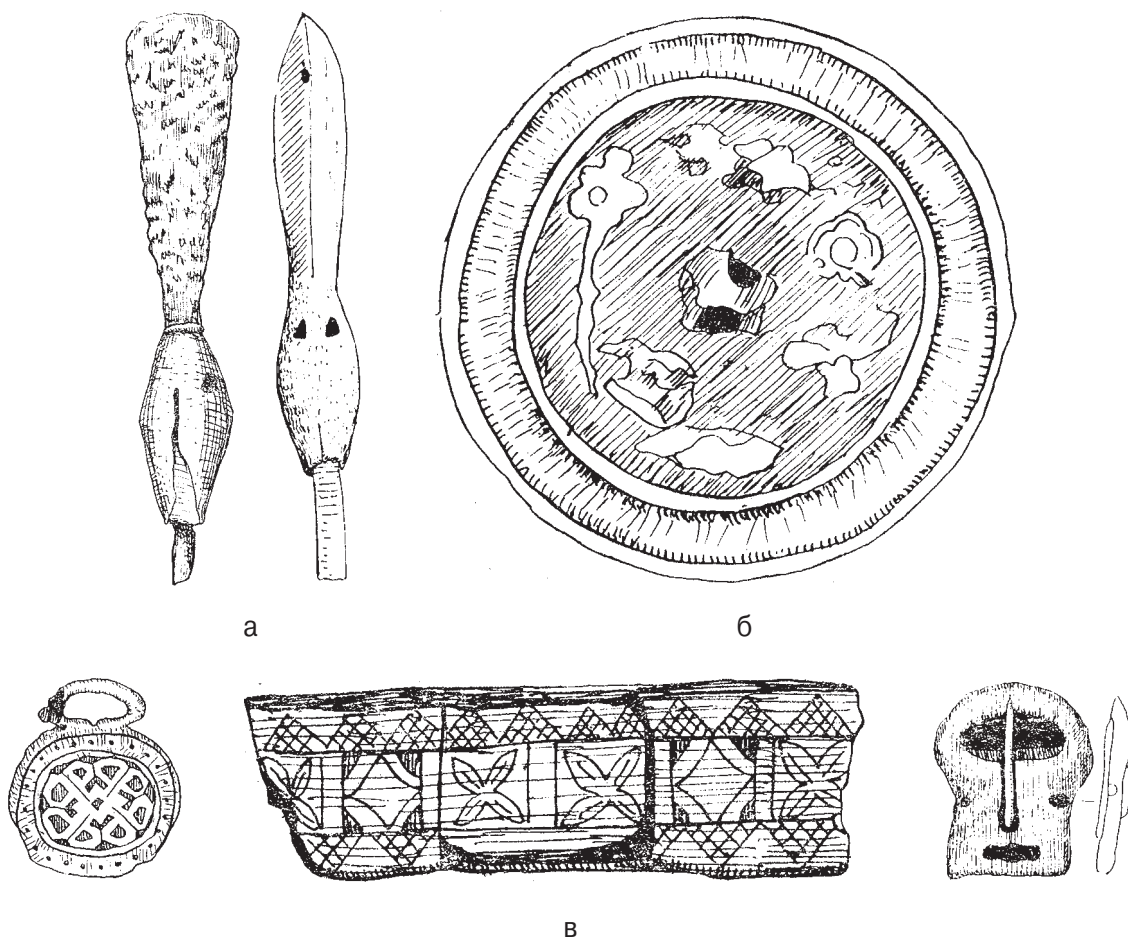
Архитектуру Кондуйского дворца изучал Л. К. Минерт и Н. П. Крадин [Минерт, 1990; Н. П. Крадин, 2002]. Дворец являлся провинциальным повторением дворцового комплекса Каракорума – столицы Великой Монгольской империи на р. Орхон. Кондуйский городок погиб от пожара в конце XIV в.

Самыми распространёнными памятниками монгольского времени являются погребения. Они представляют собой небольшие каменные кладки округлой формы, перекрывающие могильные ямы. Умершие лежат в них, как правило, на спине, головой на север или северо-восток. В изголовье помещались кости барана. Инвентарь погребений всегда связан с достатком умершего, его социальным положением. Для захоронений простолюдинов характерно наличие единичных предметов или полное их отсутствие. В погребениях более состоятельных людей встречаются вещи, завезённые монголами из других областей: китайские и чжурчжэньские бронзовые зеркала, шёлковые ткани, монеты, поливная керамика и др. Самый крупный могильник данного периода найден в Малой Кулинде у с. Ононск. Он состоит из 50 погребений. Археологическая культура этого времени определяется как раннемонгольская (приложение, с. 176).

В Забайкалье немало народных топонимов, включающих в себя имя Чингисхана. Например, «Вал Чингисхана», «Чаша Чингисхана», «Ворота Чингисхана». Подобные названия принадлежат привлекающим к себе внимание природным и историческим объектам, но с Чингисханом они всё же не связаны. Как до сих пор загадочно и легендарно место захоронения самого Чингисхана, так и загадочные природные и исторические объекты связываются с его именем и становятся легендарными.

Ундугунская культура. Тунгусы. В лесостепной зоне И. И. Кирилловым выявлена ундугунская культура. Она получила название по оз. Ундугун, входящему в систему Ивано-Арахлейских озёр, месту расположения первых обнаруженных захоронений. Ундугунцы хоронили умерших в колодах-долбленках, напоминающих лодки. «Лодки» специально изготавливались для погребальных целей из цельных колод. Средняя их часть выжигалась, дополнительно подправлялась, оформлялись нос и корма. «Лодки» служили средством передвижения душ умерших в мир предков. Тела укладывали на спину либо помещали в полусидячем положении. В некоторых погребениях кости находились не в анатомической последовательности, а в беспорядке, часто без черепов, на некоторых костях видны следы зубов зверей. Данные погребения вторичны, так как останки людей предавали земле спустя длительное время после смерти.

В составе погребального инвентаря – предметы конской сбруи, вооружения, охотничьего снаряжения, быта и украшения. Вещи выполнены из железа, бронзы, кости. Значительная часть изделий изготовлена из кости – наконечники стрел, обкладки седел и колчанов, шилья, наборные пояса, пряжки, медальоны. Многие из них богато украшены геометрическим и растительным узорным, а также точечным орнаментом. На многих изделиях имеется сложный узор – «узел вечности», символ буддийского долголетия. Результаты раскопок позволяют сделать вывод, что ундугунцы занимались скотоводством, дополняемым охотой и рыболовством.

Ундугунская культура: а – наконечники стрел; б – бронзовое зеркало; в – изделие из кости

Могильники, подобные ундугунскому, обнаружены и в других местах лесостепного Забайкалья. По типу хозяйства ундугунцы близки монголам. Однако по общему облику культуры значительно от них отличаются. К числу таких отличий относится вторичный обряд захоронения, широкое использование изделий из кости и рога и их орнаментация. Отличия свидетельствуют о принадлежности ундугунской культуры к иному этническому миру – миру тунгусских народов, обитавших на огромных пространствах сибирской тайги от Енисея до Охотского моря.

Тунгусы жили по всему Забайкалью, от снежных хребтов Кодара и Удокана на севере до современной государственной границы на юге, освоив и горные районы, и таёжные пространства, и степи. В результате жизни в различных природных зонах, контактов с другими народами у них складываются различные хозяйственные уклады. У части тунгусов древнейшие формы хозяйства (охота и рыболовство) дополняются оленеводством и скотоводством. Исследователь XVIII в. И. Г. Георги выделял три группы тунгусов: пешие, оленные и конные.

Первые традиционно промышляли охотой, рыбной ловлей и вели бродячий образ жизни. Исследователь Восточной Сибири XIX в. академик А. Ф. Миддендорф сообщал о тунгусах: «... я не знаю другого народа, у которого большую часть года жизнь проходила бы так уединенно. Каждый чум сам по себе отправляется в лесную глушь, предаваясь охоте и рыбной ловле... В течение года тунгусы многократно меняли места своих становищ. Они могли побывать в местах, отстоящих друг от друга за сотни и тысячи километров. В одном месте они ловили рыбу, в другом – охотились на лося, в третьем – на соболя... Тунгусы были прекрасными охотниками, меткими стрелками. Их главным промысловым оружием были лук и стрелы, использовались также различные самостре-

лы, загороди. Универсальным и надежным орудием служила так называемая пальма – тяжелый нож, насаженный на древко. С ее помощью прокладывали путь в чаще леса, заготавливали топливо, с ней ходили и на медведя».

Тунгусы второй группы, известные под названием «оленные», занимались оленеводством. Китайские источники отмечают оленеводство в Забайкалье и Верхнем Приамурье с VI–VII вв. Итальянский путешественник XIII в. Марко Поло «в 60 дней пути на север от могил великих ханов» встретил народ мекри (бекери), который разводил оленей и ездил на них. Мекри (бекери) – название одного из тунгусских родов, жившего в XVII–XIX вв. по отрогам Яблонового хребта и в верховьях Витима. Тунгусы использовали оленей главным образом для перевозки грузов, а также для верховой езды. На мясо домашних оленей забивали в исключительных случаях. Олень служил и в качестве жертвенного животного. Известны наскальные рисунки, где люди изображены верхом на оленях. Весь цикл жизни данной группы был связан с этим животным.

Традиционное жилище тунгусов – чум. Его конструкция удивительно сходна с древнейшими забайкальскими жилищами времён палеолита. Для строительства чума брали два-три шеста и связывали их вершины, разводили основание и устанавливали по кругу. Затем приставляли дополнительные 25–30 шестов. Таким образом, создавался прочный конусообразный каркас жилища. Летом чум покрывали берестой. Берестяное покрытие состояло из ряда как бы по спирали наброшенных друг на друга полос, которые при переклёвке свёртывали в рулоны. В холодное время года чум покрывали ровдугой. Чум отапливался и освещался костром, который разжигался в центре. Дым выходил в отверстие в верхней части чума, которое одновременно служило и окном. При смене места перевозилось только покрытие чума. Конные тунгусы в результате контактов с монголами сменили чум на юрту [Василевич, 1969].

Тунгусы сохраняли патриархально-родовые отношения. Основная масса их находилась под управлением княжеского рода Гантимуров. Являясь каштымами более сильных монгольских племён, тунгусы платили им ясак (дань).

Тунгусы исповедовали шаманизм. Общение шамана с духами – это своеобразный ритуал. Он называется камланием. Во время камлания шаман надевал специальный костюм, который весил 25–30 кг. В костюм входило множество элементов, в том числе металлических, каждый из которых имел специальное предназначение. Обязанности шамана были разнообразны, но смысл их един: шаман должен способствовать благосостоянию сородичей, оберегать их от бед. Труд шамана бескорыстен. Такой идеал шаманского служения людям отражён в моральных заповедях, которые передавались из поколения в поколение.

Представления тунгусов об окружающем мире передаются также через призму шаманизма. Небесный свод представлялся шкурой с отверстиями, землю считали плоской. У конных тунгусов, кочевавших в районе Читы – Нерчи, существовал миф о том, что земля была сотворена лягушкой. Она вынесла землю в лапах на поверхность воды, но злой небесный шаман выстрелил в неё. Лягушка перевернулась и с тех пор стала лапами поддерживать землю среди водного пространства. У тунгусов существовал культ медведя. Они считали, что раньше медведь был человеком, и наделяли его способностью понимать человеческую речь. Его называли дед-старик, отец, дядюшка. У шаманов лапа медведя служила одним из атрибутов – колотушкой.

Тунгусы особенно почитали скалы с рисунками и считали их обиталищами духов – хозяев тайги и рек. Исследователь писаниц А. И. Мазин писал о том, что скалы с рисунками они считали священными и в XX в. На ряде скал встречается изображение Вселенной. Среди её элементов – Солнце, созвездие Большой Медведицы, планеты [Мазин, 1984].

Под влиянием контактов с монголами и бурятами часть тунгусов стала заниматься кочевым скотоводством. Они образуют третью группу, известную под названием «конные тунгусы». Однако, в отличие от монголов, скот они держали в небольшом количестве, совершали только две кочёвки в год: с зимников на летники и обратно. Конные тунгусы были самой многочисленной и сильной группой. Это нашло выражение даже в том, что они редко вступали в брак с представителями других групп, считая нежелательным иметь родство с «бродячими людьми, не имеющими крова». В археологическом плане культура конных тунгусов, как уже отмечалось, определяется как ундугунская. Вероятно, от конных тунгусов берут своё начало забайкальские хамнегане.

Монголоязычные племена. По обе стороны Байкала в XV – первой половине XVII в. кочевали монголоязычные племена: баргуты, баяуты, хори-туматы, булагаты, эхириты (около 25 тыс. чел.). Впоследствии они составили основу бурятского народа. В связи с ослаблением степных монголов часть этих племен постепенно расселяется на восток по рекам Хилок (здесь найден могильник Зугмары), Чикой и Уда. С р. Уда племена хоринцев достигают Агинских степей. На Ононе у сёл Тополевка и Гунэй обнаружены древнебурятские погребения. В Восточном Забайкалье древние бурятские племена потеснили или подчинили тунгусов, сделав их своими каштымами, и оказали значительное влияние на их культуру. Среди других народов Восточной Сибири эти племена являлись самыми многочисленными и сильными в экономическом и военном отношении. Монголоязычные племена, населяющие Забайкалье, не отделяли себя от собственно Монголии и составляли с ней единое этнокультурное пространство – монгольский мир.

Монголия в это время уже не представляла собой единого государства. Она переживала сложный период раздробленности и борьбы за власть. В XVI в. Монголия распалась на три государственных объединения: Халха-Монголия, Южная Монголия и Ойрато-Джунгарское ханство. В конце XVI столетия в северо-западной части Халхи образовалось государство Алтан-ханов. В 1635 г. возникло Джунгарское ханство, которое сыграло важную роль в истории Центральной и Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири.

В первой половине XVII в. Южное Забайкалье оставалось в составе коренного монгольского государства – Халхи, которое, в свою очередь, разделилось на три ханства: Цецен-хановское, Дзасакту-хановское и Тушету-хановское. Восточная часть края входила во владения Цецен-хана, а западная – Тушету-хана. Большинство забайкальских племён подчинялось Турухай-Табуну – зятю Цецен-хана. Связи Южного Забайкалья с Халхой были самыми тесными во всех сферах жизни – политических, торговых, хозяйственных, культурных, здесь получила определённое распространение монгольская письменность.

С середины XVII в. начинается постепенное проникновение Китая на территорию Монголии, завершившееся полным её завоеванием. Этот процесс повлёк за собой новое перемещение монгольских племён.

Довольно крупную этническую общность (примерно 10 тыс. чел.) представляли монголоязычные дауры, населявшие верховья Амура. Благоприятные природные условия способствовали занятию их скотоводством и развитым земледелием. Они вели оседлый образ жизни, строили деревянные дома. Из зерновых сеяли ячмень, просо, овёс, имели развитое огородничество. Отдельные группы дауров кочевали вплоть до Витима. Дауры были данниками Китая.

Традиционно основной формой хозяйства монголоязычных племён было скотоводство. Разводили овец, коров, лошадей, коз, верблюдов. В Восточном Забайкалье господствовало кочевое скотоводство с круглогодичным выпасом скота на подножном корму. В Прибайкалье, где выпадало больше снега, скотоводство было полуоседлым, корма

приходилось заготавливать на зиму. Там же помимо скотоводства имело место и примитивное земледелие. Выращивались соя и гречиха. Подсобную роль в хозяйстве играла охота и рыбная ловля. Практиковалась облавная охота, во время которой добывалось большое количество животных. Одновременно такая охота являлась праздником, где можно было показать свою удачу, ловкость, умение стрелять из лука.

Высоко ценилось кузнечное ремесло. Искусство владеть им считалось божественным даром. Кузнецы по железу изготавливали орудия труда и оружие. Славилась своим умением делать серебряные украшения и мастера-ювелиры. Имела место меновая торговля с тунгусами и с Китаем. У тунгусов в обмен на скот и железные изделия получали пушнину (часть её поступала в качестве ясака). Пушнину сбывали в Китай, получая взамен ткани, чай, серебро.

Полукочевой и кочевой образ жизни определял быт. Жилищем служила войлочная юрта, максимально приспособленная к кочевой жизни. Юрта обставлялась мебелью: низкими столиками, скамеечками, кроватями, а также шкафчиками для посуды, сундуками для одежды. Для сидения служили войлочные тюфячки, обшитые сверху материей, которые горкой складывали друг на друга. Зимой носили прямой меховой халат. Мужчины опоясывали его длинным куском материи или ремненным пояском с серебряными или медными бляхами. С правой стороны крепили кисет с табаком, нож в ножнах и огниво. Трубка закладывалась за сапог. Женская одежда состояла из рубахи и штанов, поверх которых надевался халат, а на него безрукавка. Летом носили одежду из грубого красного сукна. В праздники надевали нарядную одежду, женщины – разнообразные украшения: цепочки, подвески, медальоны, серьги, бусы.

Главное место в питании занимали мясные и молочные продукты. Летом в основном употреблялась баранина, зимой – говядина. Мясо варили в малосолёной или совсем не солёной воде. На зиму запасали коровье масло, арул и харут – творожистую массу, высушенную или спрессованную в виде отдельных ломтиков. Из молока готовили арасу – молочную водку. Пили кирпичный чай, добавляя в него молоко, сало, соль. Мясо ели руками, чай, бульон пили из деревянных пиал.

Традиционной и господствующей религией вплоть до XVIII в. являлся шаманизм. Его отличительной чертой у монголоязычных племён было многобожие. Для обозначения бога и духа использовались различные понятия: бурхан, тэнгэри, хан (хат), нойон, эжин, онгон. Наиболее почитаемы были тэнгэрины – небожители во главе с Вечным Синим Небом. Далее следовали эжины земли, леса, вод, Солнца и Луны. Затем духи великих шаманов, родоплеменных и военных предводителей и т. д. Божества делились на добрых и злых. Добрые божества давали людям свет, тепло, воду, скот. Злые насылали град, болезни, падёж скота. Особо поклонялись огню, его считали сыном доброго небесного божества, почитали как символ чистоты и покровительства каждому дому. Огню нужно было приносить жертвы: подливать в него масло, жир, арасу, бросать частицы пищи.

Крупные молебствия, которые проводились всем родом или улусом, назывались тайлаганами. Во время тайлаганов просили у богов благополучного года, умножения скота, счастья в семьях. Устраивали их в священных местах, которыми служили вершины гор, места шаманских погребений, причудливые скалы и деревья, родники. На перевалах, вершинах сопок, у труднопроходимых мест нужно было оказать божеству почтение: оставить какую-нибудь вещь, воскурить трубку, побрызгать арасой. Особенно почитали Байкал, его считали священным. Самые важные клятвы давали на священной горе у озера. Считали, что тот, кто клянётся ложно, не сможет сойти с горы живым.

Служителями культа были шаманы. Они делились на белых и чёрных. Белые совершали обряды и жертвоприношения добрым божествам неба, чёрные – злым божествам, жителям подземного мира. Шаманами становились по наследству, но были и исключе-

ния. Шаман должен был обладать хорошей памятью, интуицией, воображением, даром импровизатора, певца, поэта. Они совмещали в себе функции гадалея, предсказателя, врача, блюстителя обрядов и традиций, знатока родословных рода и улуса, артиста, гипнотизёра. Шаманы занимали высокое социальное положение в обществе. Их привлекали к решению хозяйственных, судебных, управленческих вопросов.

С XVIII в. среди бурят получает распространение буддизм – древнейшая мировая религия, возникшая в VI в. до н. э. в Индии. В начале XV в. тибетский лама Цзонхава провёл реформу буддизма и создал централизованную церковь. Её верховный глава – да-лай-лама – объединил в своём лице всю полноту светской и религиозной власти. Каноническую основу религии составляют сборники священных текстов – Ганджур (108 томов) и Данджур (225 томов). Тибетскую форму буддизма иногда называют ламаизмом. Слово «лама» в Тибете означает «учитель, наставник». Ему тибетский буддизм отводит особую роль в спасении мирян. Новая религия ещё более прочно связала Южное Забайкалье с Монголией, а через неё и с Тибетом. К Лхасе, религиозному центру буддизма в Тибете, были обращены взоры многих верующих. В Забайкалье буддизм переплетён с шаманизмом и толерантен к православию. Этноархеологическим доказательством этого положения является культовый комплекс в Халарте.

Русская археология. С середины XVII в. началось русское освоение Забайкалья. Археологами проводились раскопки Иргенского, Нерчинского, Аргунского острогов. Иргенский острог основан в 1653 г. казачьим сотником П. И. Бекетовым на оз. Иргень. Острог просуществовал до 1708 г., на его месте возник миссионерский стан, были построены две деревянные церкви. Иргень являлась единственным святым христианским местом за Байкалом в честь св. великомучеников Симеона, Киприана и Иосифа и привлекала массу паломников.

а

б

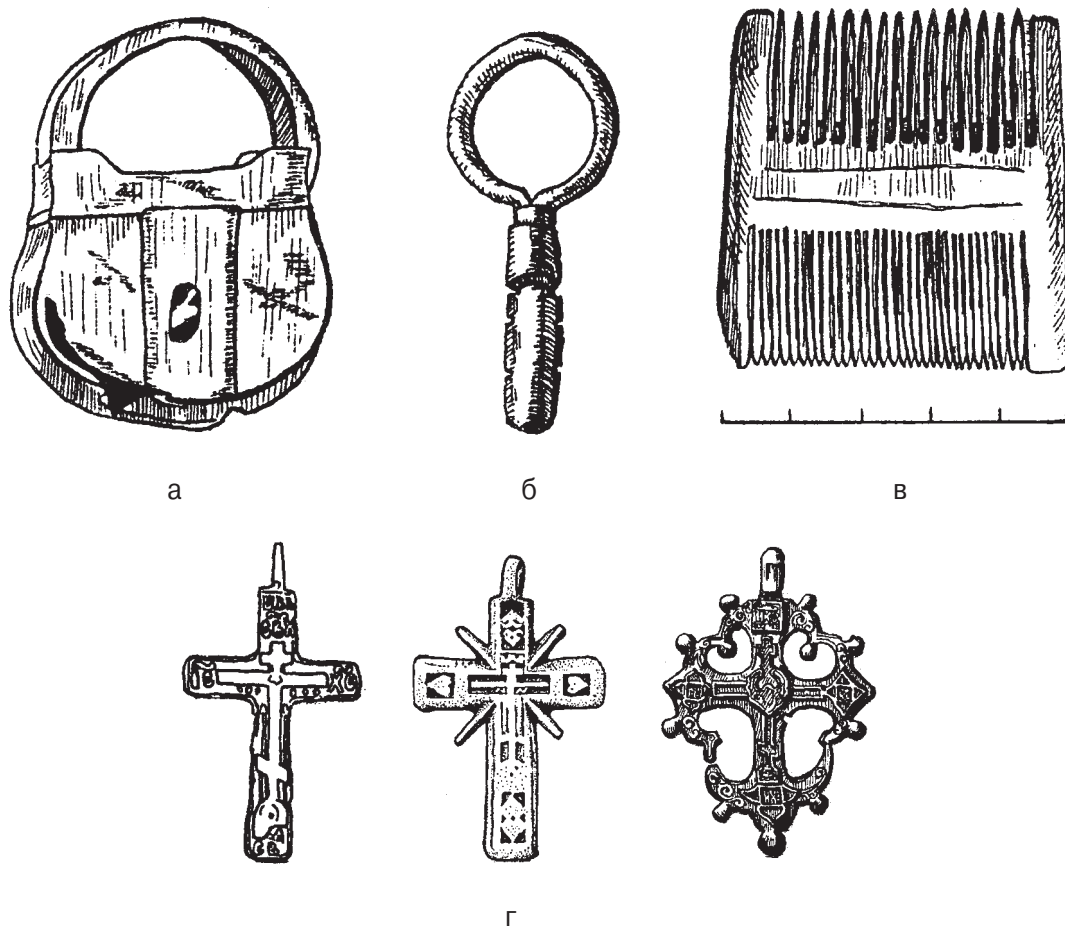
в

Иргенский острог: а – наперсток; б – перстень-печатка; в – монета 1748 г.

Местонахождение острога определено И. И. Кирилловым и Е. В. Ковычевым в 1983 г., тогда заложены первые раскопы. Верхняя часть культурных отложений содержала материал, который относился ко времени миссионерского стана. В нём были обломки кирпичей, фрагменты толстостенной керамики, медные монеты XIX – начала XX в., кованые гвозди, два навесных замка. Нижняя часть культурных отложений относилась ко времени существования острога. Здесь найдены фрагменты керамики, глиняные грузила для сетей, костяная накладка на лук, костяная свистулька, стеклянные бусы, подковы, ножи и костяная пластина со сквозными отверстиями [Болтунов, 1988]. В 1994 г. А. Р. Артемьевым на месте острога были обнаружены два бронзовых наперстка, перстень-печатка, кресала, обломок бронзового котла и монета (приложение, с. 177).

В 1990-х гг. А. Р. Артемьев проводил раскопки на территории Нерчинского острога, основанного в 1653 г. казачьим десятником М. Урасовым из отряда П. Бекетова. Острог построен на правом берегу Шилки напротив устья Нерчи. В 1656 г. он был сожжён тунгусами. Второй раз острог поставлен в 1658 г. воеводой А. Ф. Пашковым на одном из больших островов в устье Нерчи. В 1689 г. острог получил статус города.

В середине XVIII в. из-за наводнений его перенесли на несколько сот метров севернее на более возвышенное место, а в начале XIX в. ещё раз на 7 км выше по Нерче. Сейчас место положения острога – это территория с. Михайловка. Раскопки велись на территории села около развалин каменной церкви (построена в начале XVIII в., разрушена в 1930-х гг.).

Нерчинский острог: а – замок; б – ключ; в – гребень; г – нательные кресты

В результате было вскрыто 450 м² площади и выявлен разнообразный археологический материал. Раскопками зафиксированы остатки двух жилых домов, в том числе обломки оконной деревянной рамы с пластинками слюды. Среди находок – нательные кресты из бронзы, железный замок, ключ, кресало, дверное кольцо, чугунное ядро, шило, подкова, гвозди, бронзовый наперсток, монеты. Среди костяных изделий одно и двусторонние гребни, шахматная фигурка – ладья, пуговицы. Особый интерес представляет коллекция обуви – остатков туфель, поршней, сапог. Посуда представлена фрагментами керамики, фарфора, бересты [Артемьев, 1999].

Археологические исследования на территории острога возобновились в 2019 г. Исследования с использованием карт XVIII в., космоснимков, раскопок позволили точно установить местоположение острогов. Установлено, что раскопы 1990-х гг. были заложены на территории третьего по счёту острога, построенного в середине XVIII в. под руководством начальника Нерчинской секретной экспедиции Ф. Соймонова. Определено местоположение первых острогов, построенных М. Урасовым и воеводой А. Пашковым (1658), в отряде последнего находился протопоп Аввакум. Также зафиксировано положение земляных бастионов, построенных в середине XVIII в. для дополнительной обороны города [А. Константинов, Оленченко, 2019].

В окрестностях современной Читы изучалось поселение Засопошное, основанное в конце XVII – начале XVIII в. Поселение располагалось на мысе, выходящем к протоке Ингоды и насчитывало более десяти жилых домов, питейный дом, кузнечную и гончарную мастерские. По свидетельству П. С. Палласа, это место использовалось для сооружения плотов для сплава по Ингоде. Найденны оклады двух соединенных бревенчатых домов – остатки кузнечной и гончарной мастерской. Здесь найдены многочисленные осколки глиняной посуды, фрагменты глиняных тиглей для разлива бронзы, оплавленные льячки, поделки из железа и цветных металлов. Кроме того, на площади поселения встречались серебряные копейки петровского времени, медные монеты середины и конца XVIII в., нательные кресты, гвозди, ступицы колёс, подковы, ножи, наконечники стрел, свинцовые пули, пуговицы, бусы, костяные гребни и т. д. Жители посёлка наряду с земледелием занимались охотой и рыбной ловлей. Культурный слой достигал мощности 30–40 см [Ковычев, 2016] (приложение, с. 177).

Также в Чите в районе бывшей Михайло-Архангельской церкви (Музей декабристов) в начале XXI в. проведены раскопки, которые позволили выйти на уровень культурного слоя, который датировался временем декабристов. Выявлены остатки тюремного острога, действовавшего в 1827–1830 гг., в том числе основание острожной стены, которая разделяла дворы большого и малого тюремных казематов. Установлено, что острожены диаметром 0,25–0,3 м вплотную устанавливались в траншею глубиной 1–1,3 м и забутовывались с использованием речной гальки. Также выявлены основания двух небольших домиков, которые были построены декабристами на собственные средства. Наиболее сохранившийся из них имел размеры 3,4 x 3,2 м. Сохранилось три нижних венца, плахи полов, основание небольшой печки из самодельного низкогокачественного кирпича. При разборке пола найдены монеты и серия древних тщательно обработанных ретушью каменных орудий (скребки, наконечник стрелы) из яшмы и халцедона. Судя по всему, монеты и каменные орудия составляли коллекцию исторических раритетов, собранную декабристами. Также обнаружены украшения – бусины, фрагмент серёжки, предметы быта – ложечка, фрагменты керамических сосудов [Верещагин, 2018].

В 1976 г. в Петровске-Забайкальском проводились исследования на декабристском некрополе. В результате найдена могила Саши Ивашева – сына декабриста В. П. Ивашева, его жены К. П. Ивашевой (в девичестве Камиллы Ле-Дантю), который умер в возрасте год и три месяца. Он был похоронен перед склепом А. Г. Муравьевой, о чём свидетельствовали акварели Н. А. Бестужева и письмо М. Н. Бестужева. Могила ребёнка оберегалась декабристами, последним из которых был И. И. Горбачевский, похороненный на этом же кладбище. На могиле была установлена первоначальная форма надгробия, выполненная художником Н. М. Полянским.

Выявлена утерянная могила коменданта Петровской тюрьмы генерал-лейтенанта С. Р. Лепарского, в похоронах которого участвовали и декабристы. Сохранились старые фотографии его могилы с надгробием, впоследствии утраченным. Установлено, что захоронение совершено в подземном склепе, сооружённом из кирпича, бруса и досок. Генеральские эполеты и кожаные ботфорты С. Р. Лепарского переданы в Музей декабристов г. Петровск-Забайкальский. На могиле установлен надгробный памятник, воссозданный Н. М. Полянским. Дополнительные документальные исследования позволили установить имена детей декабристов, захороненных в склепе А. Г. Муравьевой. Ими оказались младенцы О. Муравьева и И. Фонвизин. Установлено примерное место захоронения солдата-декабриста М. В. Шутова [М. Константинов, Цуприк, 2016] (приложение, с. 178).

Особое направление археологических исследований представлено изучением развалин единовременного Чикойского Иоанно-Предтеченского монастыря (основан в 1820-х гг.) близ с. Урлук в горно-таёжной местности [Дроботушенко, Филимонов, 2001]. Там же,

на Чикое, исследованы этноархеологические памятники XIX – начала XX в. (печи для варки дёгтя и русская заимка), в том числе и землянка одного из поселенцев в районе с. Красный Чикой.

Археологические исследования проводились на территории Успенской церкви в с. Калинино (Монастырское) Нерчинского района. Церковь построена в 1709 г. и являлась центром Нерчинского мужского монастыря. Церковь является старейшим каменным строением от Байкала до Тихого океана. Раскопки позволили выявить православный некрополь, который находится за алтарём церкви. За алтарём были похоронены монахи – в прошлом казаки-землепроходцы. Также велись поиски могилы Гедеоны – одного из иерархов Русской православной церкви начала XVIII в., вице-президента Святейшего Синода, обвинённого в государственной измене. Он как государственный преступник содержался в монастыре «под крепким караулом» и был похоронен у северного входа в храм (реабилитирован в 1740 г.). Известно, что на этой же территории, видимо, ближе к р. Шилке находился «малый острожек», построенный в 1653 г. М. Урасовым [А. Константинов, 2017] (приложение, с. 178).

В Приаргунье зафиксированы следы первых серебряно-свинцовых заводов, таких как Аргунский и Уровский, а также кладбище того времени. На Ононе проведено историко-архитектурное изучение Акшинской крепости. Таким образом, русская археология в соединении с письменными, архитектурными и этнографическими источниками позволяет ярче и конкретнее представить историю Забайкалья.

Контрольные вопросы

1. Кто такие тюрки-уйгуры? Какой след они оставили в забайкальской истории?
2. Какой след на забайкальской земле оставили кидани? Что собой представляла империя Ляо и какова её судьба?
3. Какие монгольские племена проживали на территории Забайкалья? Назовите основные памятники монгольской эпохи. Кто и когда занимался их изучением?
4. Чем интересен «Чингисов камень»?
5. Что известно об истоках культуры тунгусов? Расскажите о их быте, занятиях, религиозных верованиях и обрядах.
6. Какие монголоязычные племена проживали в Забайкалье в XV – первой половине XVII в.? Расскажите о их быте, хозяйственном укладе, религиозных верованиях?
7. Какие археологические памятники связаны с русской колонизацией края?

2. ХРЕСТОМАТИЯ

2.1. ИССЛЕДОВАТЕЛИ

М. М. Герасимов

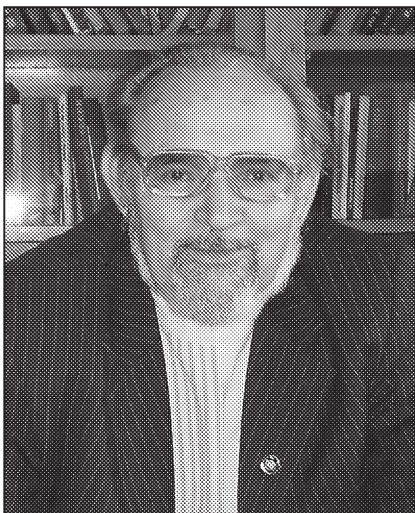
Герасимов Михаил Михайлович (15.09.1907, Санкт-Петербург – 21.06.1970, Москва), археолог, антрополог, скульптор, д-р ист. наук (1956), заслуженный деятель науки РСФСР (1969). Ученик профессора Б. Э. Петри. Участвовал в раскопках под его руководством с 11 лет. В возрасте 15 лет стал сотрудником Иркутского областного краеведческого музея, открыл неолитическое погребение в Глазково. В 1925 г. обнаружил палеолитическое местонахождение у Переселенческого пункта в г. Иркутске, в 1926 г.

опубликовал первую научную статью. В 1927 г. открыл палеолитический памятник Мальта, ставший впоследствии всемирно известным. В 1931 г. опубликовал брошюру о нём. В 1932 г. выступил с докладом на I конгрессе ИНКВА в Ленинграде.

В 1933 г. поступил в аспирантуру при Государственной академии истории материальной культуры. С 1944 г. работал в Москве в АН СССР. Разработал уникальный метод реконструкции лица человека по черепу, доказав, что таким образом можно достичь портретного сходства. Воссоздал облик около 200 древних людей и свыше 20 исторических деятелей. Произвёл реконструкцию облика мужчины, череп которого в 1947 г. был найден А. П. Окладниковым при раскопках плиточной могилы в Херексурин-Ури на р. Селенге. В лаборатории Герасимова его ученицей Н. Н. Мамоновой выполнен ряд реконструкций древних забайкальцев, в том числе человека из Шилкинской пещеры.

М. М. Герасимов проводил полевые исследования в Забайкалье, открыл в 1936 г. на Фофановой горе ряд неолитических погребений и две стоянки, датированные им временем, предшествующим неолиту Байкальско-Селенгинского бассейна. В 1959 г. вновь вернулся к Фофановскому могильнику, где изучил 41 погребение неолита и бронзы. Скульптуры, созданные Герасимовым и его сотрудниками, представлены в музеях Москвы, Санкт-Петербурга и других городов, в том числе г. Читы. Метод реконструкции Герасимова используется антропологическими лабораториями многих стран. Его труды получили всемирное признание. За книгу «Основы восстановления лица по черепу» (1949) удостоен Сталинской премии (1950). Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Константинов М. В., Константинов А. В. Герасимов Михаил Михайлович // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Г. Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 96–97.

И. И. Кириллов

Кириллов Игорь Иванович (14.12.1937, с. Сухобузимо Красноярского края – 18.06.2008, г. Чита), археолог, д-р ист. наук (1981), профессор (1983), член Международной академии социальных наук, заслуженный работник Высшей школы РФ (1998). По окончании в 1955 г. средней школы работал в Центральных электромеханических мастерских треста «Забайкал-уголь», служил в погранвойсках в Приморье. По окончании в 1963 г. ЧГПИ – преподаватель, с 1972 г. зав. кафедрой истории, с 1974 г. проректор по науке, с 1988 г. зав. кафедрой отечественной истории ЧГПИ – ЗабГГПУ. Участник археологических экспедиций А. П. Окладникова на Амуре и в Забайкалье. Под его руководством защитил кандидатскую «Каменный век Восточного Забайкалья» (1968) и докторскую диссертации «Восточное Забайкалье в древности».

И. И. Кириллов возглавлял лабораторию археологии и этнографии, руководил Верхнеамурской археологической экспедицией. Он организовал планомерные разведки древних памятников по рекам Ингоде, Онону, Шилке, Аргуни, Хилку, Чикою. Открыл значительное количество древних поселений, погребений, петроглифов, жертвенников и т. д., в том числе археологические комплексы Сухотино, Дарасун, Аксеново-Зиловское, Дворцы, Кия, Зоргол, Ламинская Гора и др. Выявил неолитические могильники на оз. Ножий, у с. Молодовск и др. Вёл раскопки древних поселений Санний Мыс, Чиндант, Амогolon, Арын-Жалга, Танга. Исследовал погребения культуры плиточных могил, бурхотуйской культуры и монгольского средневековья. Им выделены ундугунская и дворцовая культуры, идентифицированы памятники эпохи сяньби. Изучал памятники русской археологии: Засопошное, Иргенский острог.

И. И. Кириллов является автором около 200 научных публикаций, в том числе шести монографий, трёх учебных пособий. Ряд публикаций вышел в США и Китае. Инициатор создания Музея археологии Забайкалья в ЧГПИ (с 2008 г. его имени). Руководитель научной школы археологов и историков. Студенты, посещавшие его кружок, регулярно с 1967 г. участвовали в РАЭСК. Член диссертационных советов в Новосибирске и Владивостоке. Активный популяризатор исторических знаний. В 80-х гг. председатель Президиума Читинского областного отделения ВООПИиК. Награждён орденом «Знак Почета» (1986), медалями, в том числе «За заслуги перед Читинской областью» (1997). В 2009 г. читинскими археологами выпущен сборник статей «Древнее Забайкалье: Культура и природа», посвящённый памяти И. И. Кириллова.

Константинов М. В. Кириллов Игорь Иванович // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Г. Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 163–164.

Кропоткин Пётр Алексеевич (1842–1921). Удивительно интересна биография П. А. Кропоткина. Князь по происхождению (его родословная идёт от Рюриковичей), лучший ученик привилегированного Пажеского корпуса, личный паж Александра II, он, двадцати лет от рождения, сознательно выбрал службу в Сибири, предпочитая простор и волю камерной придворности. В чине казачьего сотника П. А. Кропоткин направился в Благовещенск, в распоряжение губернатора Н. В. Буссе для несения службы в Амурском казачьем войске.

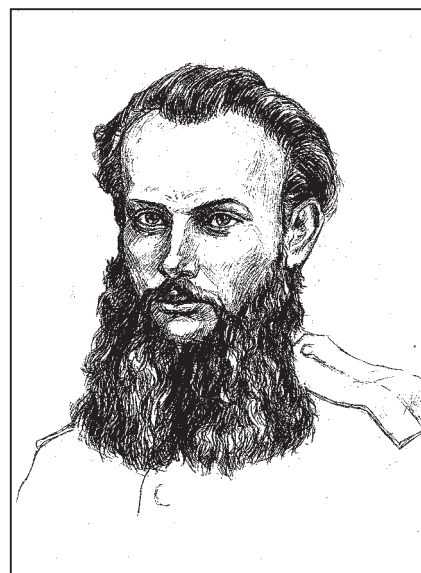
По стечению обстоятельств П. А. Кропоткин остался в Чите при военном губернаторе Забайкальской области Б. К. Кукеле. На пять лет (1862–1867) Сибирский край становится для него родным. Он являлся секретарём всевозможных пореформенных комиссий, доверенным лицом для самых ответственных поручений. В совершенно необыкновенном развороте событий, по заданию самого губернатора, П. А. Кропоткин встречается с революционером М. Л. Михайловым, отбывавшим ссылку в Казаковском промысле, знакомится с декабристами И. И. Горбачевским и Д. И. Завалишиным.

Пока же легкий на подъём молодой человек, словно птица, летает по сибирским просторам: он то в Усть-Кяхте, то в Кабанске, добирается до Иркутска, сплавляется на лодке и барже по Ингоде, Шилке и Амуру, дважды с особыми миссиями оказывается в Китае, совершает маршрут по горному безлюдью Лены и Витима, осматривает берега Байкала, склоны Саяна. В московских газетах публикуются его сибирские репортажи. Фактически из них широкие общественные круги узнают о существовании Читы, ставшей городом всего лишь за 11 лет до приезда П. А. Кропоткина. Позже в романтически приподнятых «Записках революционера» П. А. Кропоткин вспомнит город своей молодости, афористически заключив: «История маленькой Читы была историей всей России».

В 1866 г. по поручению руководства Сибирского отдела Географического общества П. А. Кропоткин организовал и возглавил экспедицию по Лене и Витиму для обнаружения «скотопробного» пути с целью обеспечения «живым мясом» работников северных золотых приисков. Неожиданно для всех он избрал маршрут с севера на юг с завершением в г. Чите. В итоге сложного трёхмесячного путешествия по горному таёжному безлюдью доступный путь для прогона домашнего скота был найден, наука же обогатилась новыми оригинальными наблюдениями по географии и истории.

Кропоткин так отзывался о природе тех мест: «Глухая, молчаливая тайга, альпийская горная страна с её северным колоритом, с её бешено ревущими пятнистыми реками, блестящими гольцами, глухими темными падами и ослепительными наледями...». Основная проблема, волновавшая исследователя, формулировалась так: распространялись ли ледниковые явления на Сибирь? П. А. Кропоткин приходит к выводу, что ледниковые явления распространялись и на Восточную Сибирь, по крайней мере, на северо-восточную её часть. Осматривая разрезы золотоносных приисков, исследователь неоднократно встречал остатки мамонтов и носорогов, связывая их с ледниковыми отложениями.

Во время Олекминско-Витимской экспедиции он счёл необходимым потратить время на антропологические описания «тех немногих человеческих особей, которые мы встречали» – «... две-три полуголодные семьи тунгусов на Витиме, пять-шесть якутских и тунгусских семей при устье Муи, две-три бурятских семьи на Енгадине». Кропоткин

П. А. Кропоткин

отмечал всевозможные детали, касающиеся знаний и обычаев его проводников-тунгусов. Вот одна удивительная подробность: «Когда я готовился к экспедиции, мне попалась среди другого материала... небольшая карта, вырезанная тунгусом ножом на куске бересты. Эта берестяная карта (она, между прочим, является отличным примером полезности геометрической способности, даже для первобытного человека...) так поразила меня своей очевидной правдоподобностью, что я... выбрал путь, обозначенный на ней».

П. А. Кропоткин совершил специальную поездку по Байкалу, для того «чтобы ревизовать пещеры» на Кадильном мысу, где и было найдено три черепа. Рассуждая о характере пещеры и находок, исследователь заключает: «Поле слишком обширно для догадок, чтобы все их высказать. Достоверно только одно, что в древние времена в Сибири действительно были народы, жившие в пещерах или землянках, остатки которых еще донныне находятся в окрестностях Окинского караула... затем на Чикое (притоке Селенги), на Белом Иркуте, в байкальских горах, на Талой около Тунки и, вероятно, еще во многих местах».

Судя по публикациям, П. А. Кропоткин отмечал любую вещественную находку, выявленную в стратиграфических разрезах, будь то бронзовый нож, монета или кусочек серебра. Особенно показательно то, что исследователь своё отношение к изучению древностей напрямую определял как археологическое исследование. В отчёте о «Поездке в Онинский караул» у него встречаются следующие строки: «Лучше уж не вводить археологов в соблазн, называя Тунку крепостью. Для археологов, зато гораздо интереснее будет старая казачья церковь... и жалко будет, если с разрушением ее пропадет для потомства этот интересный исторический памятник».

Во время путешествия по Маньчжурии (1864) П. А. Кропоткину встретилась «груда камней, накрытая хворостом, с отверстием внутрь. Тут закутанный в бересту под хворостом лежал труп человека; был это погибший шаман или ороchonский военачальник, которого похоронили на вершине хребта, не знаю». В том же путешествии Кропоткин отметил «громadный вал, возведенный некогда по северной границе Монголии на несколько сот верст, почти рассыпался и развалился, и только след его обозначается на холмах в степи». По народной традиции вал приписывается Чингисхану, а по научным данным является валом, сооружённым киданями. Есть сведения о том, что П. А. Кропоткин провёл раскопки в Ханкулато-Хото на территории так называемого «Чингисханова городища».

П. А. Кропоткин был первым из выдающихся обществоведов, непосредственно наблюдавших жизнь сибирских народов. Опираясь на периодизацию Л. Моргана, исследователь относит тунгусов к стадии дикости, а бурят – к стадии варварства. Их историю, обычаи П. А. Кропоткин рассматривает на фоне всемирной истории. Благодаря ему для последующих поколений исследователей была зафиксирована этнографическая обстановка в Забайкалье 60-х гг. XIX в., ещё явственно сохранявшая черты первобытно-родовых отношений, утраченные в последующем.

За время путешествий П. А. Кропоткин исписал сотни страниц дневников. В них научные данные перемежались с наблюдениями о тяжёлой жизни бодайбинских рабочих, амурских переселенцев или же польских ссыльных, дерзнувших поднять восстание на Кругобайкальской дороге. Острое восприятие многотрудной жизни народа, раздумья над смыслом бытия, всё большее осознание полной бесполезности усилий по продвижению постепенно угасших александровских реформ – всё это заставляет П. А. Кропоткина принять ответственное решение – оставить службу и отбыть в Петербург.

В Петербурге Пётр Алексеевич вёл жизнь, полную метаморфоз. С утра он мог побывать в Зимнем дворце на царском приёме, затем выступить с докладом на учёном собрании Географического общества, а вечером, накинув для маскировки тулупчик, оказаться под именем Бородина в рабочем бараке. Арестованный за революционную пропаганду

и заточенный в Петропавловскую крепость, он находит в себе силы сочинять сугубо научное «Исследование о ледниковом периоде» – двухтомный новаторский труд о геологическом прошлом Земли. В нём лишенный свободы учёный обобщил результаты собственных полевых наблюдений в Финляндии, Саянах и Забайкалье. Работа над третьим томом была прервана дерзким побегом П. А. Кропоткина... Затем были Швейцария, Франция, Англия – 40 лет эмиграции, наполненной политической борьбой, новыми тюремными отсидками, трибунными выступлениями и спокойной творческой работой в залах научных библиотек. В Британской энциклопедии, где П. А. Кропоткину доверялась «Россия», он напишет статьи о Сибири и Забайкалье.

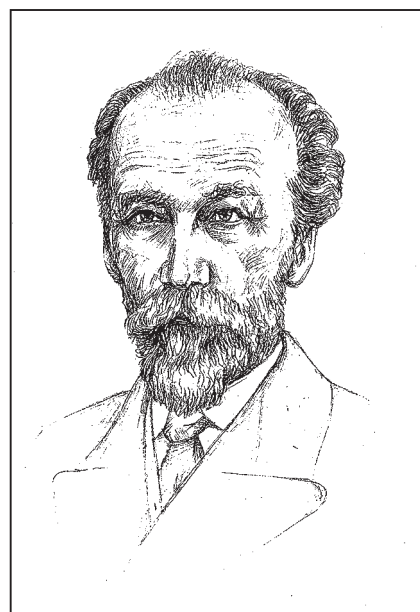
Именем Кропоткина названа станция метро в Москве, горный хребет на севере Иркутской области, голец в Забайкальском крае. В 1992 г. в Чите состоялась Российская научная конференция, посвящённая 150-летию П. А. Кропоткина. К конференции был выпущен сборник тезисов под названием «Пётр Алексеевич Кропоткин – гуманист, учёный, революционер». В юбилейные дни в центре Читы на одном из приметных старинных зданий была открыта мемориальная доска, выполненная замечательным художником Н. М. Полянским. На ней изображён двадцатилетний Кропоткин, каким он запечатлён на фотографии, сделанной перед отъездом из Петербурга в Сибирь.

Константинов М. В. Провинциальная археология. – Чита: Заб. гос. гум.-пед. ун-т, 2008. – С. 19–30.

Кузнецов Алексей Кириллович (13.02.1845, г. Херсон – 12.11.1928, г. Москва), археолог, музеевед, общественный деятель, почётный гражданин г. Нерчинска. Участник революционных кружков, арестован по «нечаевскому делу» и приговорён к каторжным работам сроком на 10 лет с последующим бессрочным поселением в Сибири. С 1873 г. на Карийской каторге, где ему было дозволено организовать школу и детский приют. После шестилетней каторги вышел на поселение (Нерчинск).

В 1880 г. вместе с М. В. Суровцевым создал общество попечения о народном образовании в Нерчинске, стал его первым председателем, организовал общество любителей музыки. Поддерживал нелегальную связь с узниками Кары, за что в 1881 г. арестован и 1,5 года содержался в Нерчинской тюрьме, а затем был освобождён под залог. В 1886 г. стараниями А. К. Кузнецова в Нерчинске открыты краеведческий музей и библиотека. В 1891 г. музей посетил (по пути из Владивостока в Санкт-Петербург) и дал ему высокую оценку наследник престола цесаревич Николай.

В 1889 г. Кузнецов переехал в г. Читу. Один из организаторов Забайкальского отделения Приамурского отдела ИРГО (1894). В 1895 г. при отделении открыты музей и библиотека. Кузнецов избран директором музея. В 1901 г. решением местных властей отстранён от должности директора, коллекции музея убраны в сарай, в результате чего 2/3 из них утрачены. В апреле 1904 г. возвращён к должности и начал создавать музей заново. В 1905 г. почётный член обкома партии социалистов-революционеров. В 1906 г. решением суда как один из руководителей «Читинской республики» приговорён к смертной казни через повешение, которая была заменена десятилетней каторгой в Акатуге.

А. К. Кузнецов

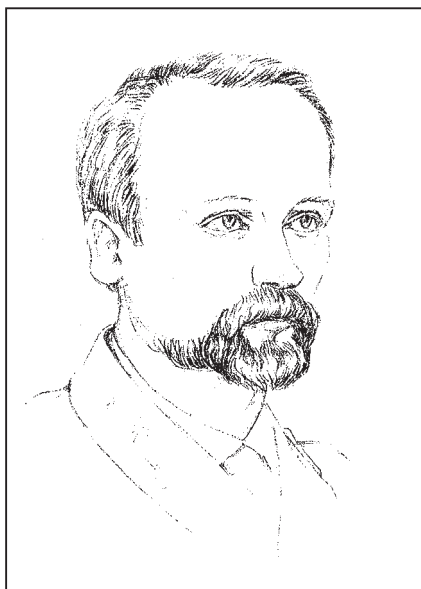
В 1908 г. отправлен на поселение в Якутию, где также создал школу, а затем восстановил экспозицию музея (ныне Якутский республиканский краеведческий музей им. Е. М. Ярославского).

В 1913 г. получил разрешение вернуться в Читинский музей, где восстановил сгоревший в 1911 г. музей и возглавлял его до 1927 г. В 1914 г. в результате преднамеренного поджога сгорел отдел музея с этнографическими коллекциями. Профессионально фотографировал, по доходам от этой деятельности принят в Читинское купеческое общество по 2-й гильдии. Совершал поездки по Забайкалью как фотограф, вместе с тем начал собирать археологические коллекции, привлекая для этого крестьян, чиновников и священников. Провёл археологическое обследование таких рек, как Онон, Ингода, Иля, Аргунь, оз. Бальзино, окрестностей городов Нерчинска и Читы. Открыл в Восточном Забайкалье первые 25 стоянок каменного века и 20 «лапидарных» памятников (надписей, маяков, курганов). Исследовал развалины Кондуйского городка.

Составленный А. К. Кузнецовым археологический атлас был представлен на Международном конгрессе в Москве (1892). Исследователь вёл переписку с В. В. Радловым, Д. А. Клеменцем и Н. М. Мартьяновым (Минусинск). Особо остро ставил вопрос о сохранности археологических памятников. Он избирался председателем Забайкальского отделения Приамурского отдела ИРГО, почётным директором сада им. Жуковского в Чите, почётным членом Читинского отделения Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев Гласный Читинской городской Думы, член обкома партии эсеров.

В 1928 г. по совету врачей уехал в Москву. Награждён золотой медалью им. графа Ф. П. Литке РГО. Похоронен на Новодевичьем кладбище. По решению правительства ДВР (1921) Читинскому краеведческому музею присвоено его имя. Оно было восстановлено в 1995 г., к 100-летию открытия музея и 150-летию Кузнецова.

Патронова А. Г., Константинов М. В. Кузнецов Алексей Кириллович // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Г. Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 185–186.

П. С. Михно

Михно Петр Саввич (1867–1938). Имя Петра Саввича Михно уважаемо в среде сибирских музейных работников, археологов и краеведов. Он верой и правдой служил «любимой, родной нам научно-исследовательской работе». Эти страстные слова родились в гиблой тюремной камере: ими Пётр Саввич завершил письмо, направленное в НКВД, с просьбой разрешить ему участвовать в Восточно-Сибирском съезде учёных в г. Иркутске. Ответа, разумеется, не последовало. Теперь из недр ведомственных архивов извлечено «Дело П. С. Михно» – его итожит справка с изложением приговора, перечеркнувшего жизнь человека (Архивно-уголовное дело ФСБ № 3720).

Пётр Михно был арестован на основании «Постановления об избрании меры пресечения и предъявления обвинения», помеченного визами начальника УНКВД и прокурора от 26 ноября 1937 г. Арест «активного участника контрреволюционной белогвардейской организации и агента японской разведки» произведён 2 декабря. До 70-летия директора Кяхтинского музея, «затаенного шпиона» оставалось всего 18 дней. Юбиляр встретил день рождения во внутренней тюрьме УНКВД г. Иркутска.

В «Анкете арестованного» с его слов записано: родился 20 декабря 1867 г. в семье казака г. Ровно Полтавской губернии, по национальности – украинец, закончил Глуховский учительский институт; живёт и работает в г. Кяхте; есть семья: жена – Клавдия Дмитриевна, 56 лет, домохозяйка; сын – Николай Петрович, 25 лет, студент Горного института; жена сына – Валентина Сергеевна, врач Иркутского противочумного института. Похоже, что именно в Иркутске (может быть, на квартире сына) и арестовали музейного работника, уже по старости снятого с воинского учёта, беспартийного, в белых армиях не служившего.

Впрочем, что такое аресты, допросы и тюремные камеры П. С. Михно знал по собственному опыту. Власть относилась к нему немилосердно. П. С. Михно арестовывали в 1922 и 1931 гг., но что-то спасало его тогда от расправы. В 1938 г. разоблачение «врага-шпиона» стало окончательным.

В одном из протоколов допросов изложена биография П. С. Михно. В 1888 г. он прибыл в Троицкосавск (Кяхта), где был назначен учителем четвёртых классов городского училища. Троицкосавск слыл вольнолюбивым городом. Здесь помнили декабристов, читали Герцена и Маркса, обсуждали новейшие политические идеи и много сил отдавали просветительской работе. П. С. Михно сразу подключился к сбору коллекций для музея, чтению лекций в воскресной школе и Народном университете. Очень скоро он вошёл в круг политических ссыльных. Познакомился со ссыльным народовольцем Н. А. Чарушиным, осуждённым по «процессу 193-х», и знаменитой Е. К. Брешко-Брешковской, которую в дальнейшем нарекли «бабушкой русской революции» за её многолетнюю пронеённую через каторгу верность идеям борьбы за свободу. Из этого круга общения молодой учитель вынес свой жизненный ориентир: «благо народа в его просвещении». Через четыре года молодого учителя повысили по службе, назначив инспектором Троицкосавского городского училища.

П. С. Михно неоднократно путешествовал по Монголии. Его интересовали в числе других тем – этнографические. Весьма интересны его зарисовки, характеризующие хамнеган, в которых он видит общие черты с монголами и тунгусами. «Живя среди угрюмых гор, обитаемых лишь дикими зверями, они занимаются главным образом охотой... Здоровье хамнеган завидное... Живут хамнегане в берестяных юртах, редко в войлочных; имеют лошадей, коров, овец и коз, но в малом количестве».

Успешно развивались и музейные дела. П. С. Михно совершал ближние и дальние поездки с целью сбора гербариев и археологических коллекций. Особенно удачным оказалось посещение с. Дурены в 30 км к востоку от Кяхты. На песчаных выдувах вокруг этого села он собрал огромное число различных древних вещей, среди которых наиболее приметными были обломки гуннских сосудов, что и позволило в дальнейшем открыть здесь обширное гуннское селище. Но реальная жизнь не отпускала полностью к «уснувшим древностям». 1905 г. всколыхнул учительство. Для некоторых из них это закончилось тюремным заключением с обвинением в политических преступлениях. Инспектор городского училища, как мог, пытался защитить учителей, представив «хороший отзыв» о них.

В порядке предупреждения П. С. Михно перевели из г. Кяхты в г. Читу, хотя и без понижения в должности. Молодой инициативный педагог-инспектор пришёлся в Чите ко двору и как бы заменил собой А. К. Кузнецова, отправленного властями на каторгу. П. С. Михно избрали директором музея. На его плечи легла и забота об общественной библиотеке. Три года читинской жизни пришлись на тяжёлые годы реакции, и кто знает, что стало бы с городскими культурными учреждениями без инициативного и смелого Петра Саввича.

Из Читы П. С. Михно отправили в дальний Акшинский район, но затем всё-таки вернули в Кяхту. Февральскую революцию инспектор народных училищ встретил

радостно, поскольку «наступил конец безобразий, творимых правительством». Затем пришел Октябрь: «Я знал, что власть захватили большевики, и этот переворот я приветствовал». Поманив свободой и надеждой, новая власть ввергла страну в пучину страшных бед.

В протоколах допросов особо отражено «самоуправство» П. С. Михно, попытавшегося защитить Кяхту от потрясений гражданской войны. К городу двигались красные партизаны, а белый гарнизон, состоявший из частей войск Крымова, отказался защищать его. Будучи гласным городской думы, П. С. Михно поставил подпись под протоколом, по которому в город для его защиты были введены китайские войска. Советская власть приговорила его к трём годам лишения свободы условно, с громкой формулировкой – «за ввод китайских войск на территорию СССР».

С 1922 г. П. С. Михно стал директором краевого музея. На его плечи легла забота об уникальной исторической экспозиции и богатейших фондах. В помощь ему была многолетняя кяхтинская традиция уважения к музейному делу. А главной проблемой стали опустевшие (в связи с исчезновением купцов-спонсоров) финансовые закрома. Несмотря на постигшую музей бедность, энергичный директор интенсивно вёл сбор археологических, геологических и ботанических коллекций. Собирал также материал по охотничьему промыслу для представления на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве. Путешествуя, он добрался до Мензы, посетил чикойские сёла Урлук, Ланцово (Альбитуй), Саввичи (Н. Нарым), Хилкотой и др. Большое внимание П. С. Михно уделял археологии и археологам. В 1924 г. в Кяхту прибыл молодой талантливый учёный Георгий Дебец. Его привлекли материалы со стоянок каменного века. Нашлись для него дела в Кяхте и в три последующих года. Камеральная работа дополнялась совместными походами двух исследователей по дюнным стоянкам.

В 1926 г. из Улан-Удэ в Монголию через Кяхту проследовали две экспедиции. Одну из них возглавлял Николай Рерих, вторую – Бернгард Петри. Их радушно встречал, помогая во всем, Пётр Михно. В 1927 г. П. С. Михно собрал большую коллекцию каменных орудий у с. Зарубино на Селенге, а около Харанхоя из стенок оврага извлёк кости носорога, быка, лошади, джигетая. Там же были найдены обломки яиц страуса, каменные скребла, отбойники, нуклеусы. Об этих находках П. С. Михно, будучи в Ленинграде, сообщил Г. П. Сосновскому. Встретившись в Кяхте, они развернули поиски новых памятников. Особо интересным для исследователей стало 200-километровое путешествие по Чикою, совершённое в августе 1928 г.

В своих экскурсиях и находках П. С. Михно докладывал на музейных собраниях, что находило отражение в публикациях. Но о некоторых его открытиях можно узнать только из материалов следствия. Конечно, следователей НКВД интересовали не поиски древних вещей, а другие сюжеты. Им нужно было установить «шпионские связи» П. С. Михно. Старый человек мужественно отрицал все обвинения, делая упор на то, что все силы отдавал науке: «Ни для кого не тайна, что в музейную работу я вкладывал весь свой ум, свою душу, просиживал там целые дни за работой. Не пользовался я выходными днями и отпусками. Я весь был поглощен музеем и научными исследованиями». И далее дополняет: «Экскурсии для изучения Бурятии почти исключительно совершал на свои сбережения». Охотно вспоминал П. С. Михно только об открытии пещер под Кираном, Киретью и В. Маргинтуем, о «стене грандиозных размеров», построенной древними людьми в тайге возле Тамира, о писаницах на скалах у с. Н. Маргинтуй.

Сам П. С. Михно во время ареста в 1931 г. свою просьбу отпустить его на научно-исследовательский съезд сопроводил вескими критическими соображениями: «Сейчас для Географического общества создается такое положение, что общество и богатая научная библиотека при нем могут погибнуть, рушатся все связи, которые общество имело

с научными обществами и учреждениями как в СССР, так и за границей, и крепость их с 1894 г. и по сие время». Географическое общество оказалось в то время ненужным властям. Для власти история и краеведение стали опасными. Их намертво сдавили в кровавых «ежовых рукавицах». Особо стойких защитников исторической науки и музейного дела объявляли антисоветчиками и шпионами. Так и был расстрелян 23 ноября 1938 г. непокорный Пётр Саввич Михно.

В 1957 г. трибунал Забайкальского военного округа принял решение о реабилитации П. С. Михно «за отсутствием состава преступления». Погубленную жизнь вернуть невозможно, но честь и имя – вполне. Влюблённый в «родную научно-исследовательскую работу», Пётр Михно стал для потомков символом арестованного, уничтоженного, но воскресшего музейного краеведения, вобравшего в себя высокие принципы свободно знания и народного просвещения.

Константинов М. В. Провинциальная археология. – Чита: ЗабГГПУ, 2008. – С. 63–66.

Окладников Алексей Павлович (03.10.1908, д. Константиновщина Знаменской волости Иркутской губернии – 18.11.1981, г. Новосибирск), исследователь древностей Северной, Средней и Центральной Азии, академик АН СССР (1968), Герой Социалистического Труда (1978). Будучи школьником, занимался в краеведческом кружке с. Анга, который вёл учитель И. Т. Жидков. Его отец П. С. Окладников, занимался этнографией.

А. П. Окладников обучался в Иркутском педагогическом училище и институте, принимал участие в работе кружка народоведения профессора Б. Э. Петри в Иркутском университете. В 1926 г. провёл исследования в верховьях р. Лены, где обнаружил Шипкинские писаницы. В том же году вёл исследования в Забайкалье, открыв в низовьях р. Селенги около сёл Кабанск, Ньюки и на Фофановой горе погребения, стоянки и писаницы. В 20 лет стал заведующим этнографическим отделом Иркутского краеведческого музея. В 1932–1934 гг. – руководитель Ангарской археологической экспедиции. В 1934–1938 гг. – аспирант Государственной академии истории материальной культуры (с 1937 г. ИИМК АН СССР). В 1936 г. открыл поселение Буреть в Прибайкалье. В 1938 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Неолитические могильники в долине р. Ангары». В этом же году открыл уникальное погребение неандертальца в пещере Тешик-Таш в Узбекистане. С 1939 г. А. П. Окладников – старший научный сотрудник ИИМК. В 1940–1945 гг. занимался изучением долины р. Лены. Докторская диссертация «Очерки по истории Якутии от палеолита до присоединения к российскому государству».

С 1949 г. А. П. Окладников возглавлял Ленинградское отделение ИИМК, с 1951 г. там же руководил сектором палеолита и неолита. Преподавал в государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена. С 1947 г. возглавлял Бурят-Монгольскую археологическую экспедицию, проводившую исследования на таких реках, как Джида, Чикой, Хилок. В 1950–1960-е гг. включил в район исследований долины рек Ингоды, Онона, Шилки. С 1961 г. в Сибирском отделении АН СССР, с 1966 г. директор Института истории, филологии и философии. В Забайкалье открыл и изучил поселения Арын-Жалга, Ошурково, Санний Мыс, Чиндант, мастерскую на Титовской сопке, Шилкинскую пещеру, многочисленные петроглифы и погребения. Выделил бурхотуйскую культуру.

А. П. Окладников

Неоднократно бывал в Агинском Бурятском национальном округе, содействовал сохранению Цугольского и Агинского дацанов и формированию коллекций Агинского краеведческого музея. Выступал с научно-популярными лекциями в пгт. Агинское, сёлах Дульдурга, Будулан. В 1977 г. посетил г. Алханай и обнаружил древние рисунки на скале Храм-Ворота.

В 50–60-х гг. в забайкальских экспедициях под его руководством работали учителя, студенты и школьники из Читы и различных сёл. Содействовал становлению школы археологов в Чите и открытию Музея археологии ЧГПИ. Вместе с ним в экспедициях работали его супруга, художник В. Д. Запорожская и дочь Е. А. Окладникова, в дальнейшем доктор исторических наук. Возглавлял советские экспедиции в Монголии и США.

А. П. Окладников представлял советскую науку на международных конгрессах во многих странах мира. Один из зачинателей советского рериховедения. С 1962 г. заведующий кафедрой всеобщей истории Новосибирского государственного университета. С 1967 г. ответственный редактор издания «Известия СО АН СССР. Серия общественных наук». Руководил работой коллектива историков по созданию 5-томной «Истории Сибири». Лауреат Сталинской (1950) и Государственной премий (1973), награждён орденами Ленина (1967, 1978), «Знак Почёта» (1945, 1947, 1954), Трудового Красного Знамени МНР (1978), Труда серебряной степени Венгерской Народной республики.

Константинов М. В., Константинов А. В. Окладников Алексей Павлович // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Г. Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 230–231.

И. С. Поляков

Поляков Иван Семенович (1845–1887), неутомимый путешественник и учёный, пользовался при жизни заслуженной известностью. «Поляков уже заявил себя, его труды весьма почтенны, такие, как он, задались не карьерой, не акционерным обществом, а служением человечеству и самой обездоленной его половине», – так сообщала о Полякове известная общественная деятельница А. П. Философова в письме И. С. Тургеневу и советовала писателю познакомиться с Поляковым, в котором она увидела поразительное сходство с Евгением Базаровым из «Отцов и детей». Всем помнится ключевая фраза тургеньевского героя: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник». Таким дерзновенным работником в «природной мастерской» был и Поляков. Литературного героя Базарова и реального учёного И. С. Полякова роднила не только глубокая увлечённость наукой, но и разночинское происхождение.

Небезынтересно совпадение: на родине Полякова, у забайкальских бурят, широко распространена фамилия Базаров. Поляков же имел прямое отношение к бурятскому народу. В его облике ясно читались азиатские черты. Он был тех кровей, которые в Забайкалье уважительно называют гуранскими. Его мать – бурятка, отец – русский. Семья была казацкой, из станицы Цурухайтуевской на Аргуни. Дата рождения Полякова – 12 июня 1845 г. Мальчишкой, только обучившись грамоте, он познакомился с иркутским краеведом Н. Я. Кашиным и увлечённо помогал ему собирать коллекции растений и насекомых. Эти натуралистические этюды сыграли не последнюю роль в дальнейшей жизни бедного казацкого паренька, но позже. Пока же совсем ещё юный Иван Поляков (1859), подчиняясь родительской воле, поступает в Иркутское военное училище.

Благодаря большому старанию он выучился не только писарскому делу, но и учительскому и стал совмещать службу в том же училище с работой в гимназии. В это время И. С. Поляков познакомился со многими интеллигентными людьми: полковником О. Ф. Ренгардом, публицистом М. В. Загоскиным, но особо значимой стала встреча с П. А. Кропоткиным. В 1866 г. П. А. Кропоткин пригласил И. С. Полякова в качестве научного сотрудника в Олёкминско-Витимскую экспедицию. Первому из них было 23 года, второму – на три года меньше. Кто мог тогда подумать, что князь Кропоткин и бедняк Поляков станут верными друзьями, вместе пройдут многие испытания?! Их объединили молодость, гуманистические взгляды и страстная вера в науку.

В экспедиции И. С. Поляков проводил зоологические и ботанические исследования, «собрал представительный гербарий, до 200 штук птиц». В его отчёте содержатся заметки о промысловой охоте, имеющей этнографическую ценность. Для Полякова эта экспедиция стала серьёзной научной школой, необходимым прологом для дальнейшей самостоятельной работы. Уже на следующий год он направился в Восточный Саян, где проводил разнообразные природно-исторические исследования, в том числе изучал древние дюнные стоянки в Тунке. Сам по себе этот факт отмечался историографами, однако в тени осталось то, что молодой учёный применил новаторскую для своего времени типолого-морфологическую характеристику древних изделий.

Можно совершенно определенно утверждать, что столь детальный и разносторонний анализ каменных изделий был собственным изобретением И. С. Полякова, поскольку российских и зарубежных предшественников у него не было. Скорее всего, И. С. Поляков творчески переложил принципы хорошо известной ему зоолого-ботанической систематики применительно к «мёртвым телам», одухотворенным целенаправленной деятельностью человека.

Внешне опыт морфологического анализа тункинских артефактов выглядит скромно, но, по сути своей, – это уникальный прорыв из естественно-научной области в историческую, важное структурное звено в возведении здания новой научной дисциплины – первобытной археологии.

Молодой учёный включит в состав собираемых коллекций древние человеческие черепа, в полной мере осознавая их антропологическую ценность. В его научном отчёте по итогам поездки найдут место и выразительные этнографические зарисовки, касающиеся образа жизни тункинских и джидинских жителей, в том числе традиционных, восходящих к глубокой древности, способов охоты.

В своей статье «Высыхание Евразии» (1904) П. А. Кропоткин сделал важное примечание: «Мой друг Поляков, известный своим особенным даром отыскивать повсюду в Сибири каменные орудия в огромных количествах, обычно находил следы стоянок неолитического человека по берегам таких древних, давно исчезнувших озёр. “Там, – говорил он обычно, глядя на какую-нибудь речную долину в Сибири, – был берег озера, которое наполняло когда-то долину. Должно быть, они жили вдоль этого берега. Вот хорошее защищенное место; я уверен, им оно должно понравиться. Давайте копать здесь”. И непременно через несколько часов мы находили каменные топоры и другие орудия, иногда в огромном количестве».

Провинциальные исследования начинающего, ещё не знающего себе цену учёного, не пропали втуне, как это может показаться на первый взгляд. Он найдёт дорогу в Петербургский университет, а затем станет сотрудником Зоологического музея Академии наук, защитит магистерскую диссертацию по сибирским полевкам, даст научное описание лошади Пржевальского, продолжит полевые изыскания в различных районах России (Онежское озеро, Кавказ, Урал, Обь, Сахалин), откроет на Дону палеолитическую стоянку Костенки, проведёт раскопки в Японии (этот факт заслуживает особого вни-

мания). Но даже среди многочисленных экспедиций и открытий его восточносаянская Тунка не потускнеет. Именно с анализа находок Полякова в Тунке (а также немного более поздних раскопок И. Д. Черского) начнёт монументальную «Археологию России» А. С. Уваров. Впрочем, И. С. Поляков был не только «поставщиком» материала для теоретических обобщений.

В 1881 г. вышел в свет очередной том прекрасного издания «Живописная Россия» (хранящийся в библиотеках как особая ценность) с разделом «Каменный век», написанным И. С. Поляковым. Его перу принадлежат и две первые российские специальные книги по эпохе камня. Ещё будучи студентом второго курса физико-математического факультета разряда естественных наук Санкт-Петербургского университета, Иван Поляков принял участие во Втором археологическом съезде 1871 г., где представил доклад о следах первобытных обиталищ в Олонецкой губернии. Тогда И. С. Полякову было 26 лет, но он уже получил известность и признание в научной среде. На Антропологической выставке в Москве в 1879 г., ставшей крупным достижением российской науки, И. С. Поляков выступил с докладом, в котором подверг критике, по его словам, ещё бытующее мнение, что в Сибири в плане археологических изысканий ничего не сделано и каменные орудия оттуда неизвестны. Он рассказал о многочисленных находках из различных сибирских районов, в том числе о тункинских, при этом подчеркнул, что в Сибири первобытные отношения в остаточном виде живут и поныне.

Приведённые факты и соображения не оставляют сомнений в том, что И. С. Поляков своей подвижнической деятельностью максимально способствовал становлению первобытной археологии как самостоятельной научной дисциплины и сам был одним из первых отечественных специалистов в этой области.

Географическое общество регулярно публиковало научные отчёты И. С. Полякова. Судя по ним, исследователь занимал видное место в отечественной географии. Так, в своде отчётов «История полувековой деятельности Императорского Русского Географического Общества» за 1896 г., составленном знаменитым П. П. Семеновым-Тянь-Шанским, материалы о И. С. Полякове помещены на двадцати страницах. Из этого справочника можно узнать не только о программах экспедиций Полякова, проделанных им маршрутах и полученных результатах, но и о его научных докладах на собраниях общества и редакторской работе.

Очень ответственно относился И. С. Поляков к редактированию трудов Географического общества. В 1875 г. он редактировал «Записки по общей географии», в которых опубликованы материалы Кропоткина по орографии Восточной Сибири; в следующем году был подготовлен том «Записок», содержащий знаменитое «Исследование о ледниковом периоде» того же автора; наконец, ещё один том «Записок» он редактировал совместно со своими коллегами в 1879 г. Географическое общество трижды отмечало заслуги Ивана Семёновича своими наградами (1868, 1873, 1879).

Имя и труды И. С. Полякова, умершего в возрасте 42 лет (1887), занимали достойное место в дореволюционной историографии, но в дальнейшем его заслуги забыли, упоминая о нём, пожалуй, только как о первооткрывателе Костенок. Важные историографические работы А. А. Формозова, в которых немало страниц посвящено И. С. Полякову, возвратили его в ряды первых российских археологов. Свою же задачу мы видели в том, чтобы выявить вклад Полякова в изучение сибирских древностей и раскрыть их принципиальную важность для отечественной науки в целом.

В 1995 г. на забайкальской родине И. С. Полякова отметили его 150-летний юбилей. В Чите открыта посвящённая ему мемориальная доска. Она расположена по соседству с Кропоткинской. Памятны строки из письма Ивана Полякова: «От вас, глубокоуважаемый мною отец, и покойной моей матери я получил в наследство здоровое тело и голову»

и честное ваше имя. Имя мое и ваше знают теперь во многих местах, не только у нас в России и Сибири, но даже в иностранных землях...». Всю жизнь с Полякова как с казака взимали подать – «ревизский хлеб», а его любимой пословицей оставалась та, что слышал он в детстве: «Терпи, казак, атаманом будешь». Он стал «атаманом» в науке, по-ломоносовски пройдя путь из дальних российских окраин в столичную университетскую и академическую среду.

Константинов М. В. Провинциальная археология. – Чита: ЗабГГПУ, 2008. – С. 31–36.

Ю. Д. Талько-Грынцевич

Талько-Грынцевич Юлиан Доминикович (12.08.1850, близ г. Ковно – 16.04.1936, г. Краков, Польша), археолог, антрополог, врач. Родился в дворянской семье. Из древнего литовского рода, ведущего начало с XIV в. Обучался в Ковенском духовном колледже, гимназии, Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, затем перевёлся на медицинский факультет Киевского университета им. Св. Владимира, который закончил в 1874 г. Работал врачом в Звенигороде на Украине. После встречи с археологом А. А. Бобринским увлёкся изучением древних погребений. В 1892–1908 гг. окружной врач в Троицкосавске. Обслуживал население пограничной округи на протяжении 800 верст от Мензы до Тунки, выезжая к больным на лошадях. Неоднократно был командирован в Монголию для борьбы с эпидемиями. Лечил русского консула в столице Монголии Урге. Занимался вопроса-

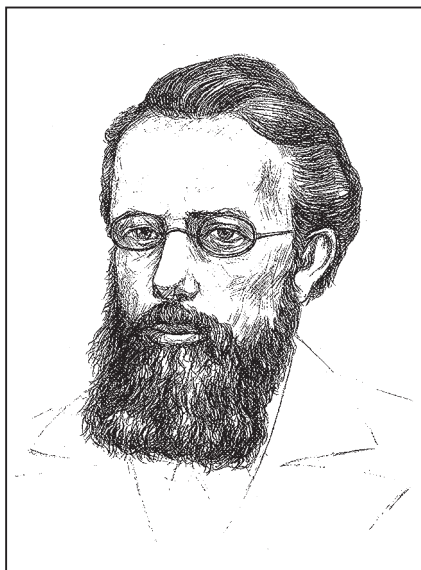
ми эпидемиологии чумы, установил, что переносчиком чумы является тарбаган.

Ю. Д. Талько-Грынцевич был одним из организаторов и руководителем Троицкосавско-Кяхтинского отделения Императорского Русского Географического общества и краеведческого музея. Ввёл в практику систематические публикации отчётов, протоколов заседаний и результатов исследований кяхтинских краеведов, в том числе собственных материалов по антропологии. Собирал минералогические, ботанические и этнографические коллекции. Установил связи с учёными и музеями Европы. Осуществлял обмен коллекциями с музеем антропологии в Париже. Проводил масштабную археологическую разведку и раскопки. Изучал погребения от неолита до средневековья, в том числе грунтовые, плиточные, в срубках, керексуры. Открыл и дал историческую интерпретацию гуннским захоронениям в Судже (Ильмовой пади). Разработал периодизацию древних культур Забайкалья. Выступал с докладом на XII Археологическом съезде в Харькове (1902), представив на нём исследования погребений, а также материалы поселений, открытых П. С. Михно и А. П. Мостицем. В том же году посетил Львов, Варшаву, Краков, Вильнюс. В Санкт-Петербурге представил работу «Материалы по антропологии бурят, монгол, тунгусов» с диаграммами, таблицами, фотографиями. Оказывал содействие экспедициям Н. М. Пржевальского, Н. М. Ядринцева, П. К. Козлова, Г. Н. Потанина, направлявшимся в Центральную Азию.

В 1908 г. вернулся в Польшу, где возглавил кафедру антропологии в Ягеллонском университете. Автор мемуаров, значительная часть которых посвящена сибирскому периоду жизни. Награждён большой золотой медалью ИРГО за работу по этнографии и антропологии (1905). В 1996 г. в Чите состоялся Международный конгресс «100 лет гуннской археологии. Номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте и исто-

рической перспективе. Гуннский феномен», посвящённый 100-летию открытия Талько-Грынцевичем гуннских памятников в Забайкалье.

Константинов М. В., Эльбарт Н. В. Талько-Грынцевич Юлиан Доминикович // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Г. Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 285–287.

И. Д. Черский

Черский Иван (Ян) Дементьевич (Доминикович) (03.05.1845, имение Сволна Дриссенского уезда Виленской губернии – 25.06.1892, Якутская область), геолог, палеонтолог, географ, исследователь Сибири. В 1863 г., будучи учеником седьмого класса Дворянского института, примкнул к революционному движению. За участие в польском восстании 1863–1864 гг. арестован, отдан в солдаты и сослан в Сибирский линейный батальон, квартировавший в Омске. Благодаря А. Л. Чекановскому и Г. Н. Потанину участвовал в геологических и палеонтологических исследованиях в районе Омска. Составил палеонтологическую коллекцию.

По состоянию здоровья И. Д. Черский был уволен со службы и оставлен в Омске на правах политического ссыльного (1869). Занимался практической анатомией в городской больнице, давал частные уроки. Подготовился для поступления в Казанский университет, но не был допущен к вступительным экзаменам.

В 1871 г. с разрешения властей он переселился в Иркутск, где принял участие в работе Восточно-Сибирского отдела ИРГО, работал сотрудником музея. Впервые составил геологическую карту побережья Байкала, открыл первое поселение древнекаменного века (поздний палеолит) на территории России – Военный госпиталь в Иркутске. Проводил эксперименты по изготовлению каменных и костяных орудий. В 1873 г. командирован в Китай, где собрал значительную ботаническую коллекцию.

В 1881–1882 гг. И. Д. Черский путешествовал в Южном Забайкалье, исследуя бассейн р. Селенги, по Якутскому тракту до Верхоленска; изучал современную и ископаемую фауну, проводил метеорологические наблюдения. В бассейне Селенги обследовал небольшую пещеру близ устья р. Итанца (Итанцинская пещера) со следами жизни первобытного человека. Выдвинул идею об эволюции рельефа, составил одну из первых тектонических схем Внутренней Азии. В 1891 г. по поручению АН отправился в Якутию для исследования останков мамонтов, а также местностей, расположенных по течению рек Колымы, Яны и Индигирки.

На пути из Среднеколымска в Нижнеколымск И. Д. Черский скончался. Похоронен в Колымске, на берегу р. Омолон. Его именем названа горная система в Якутии и Магаданской области, хребет в Забайкальском крае и две горы в Прибайкалье. Награждён золотой медалью им. графа Ф. П. Литке (1886) ИРГО.

На пути из Среднеколымска в Нижнеколымск И. Д. Черский скончался. Похоронен в Колымске, на берегу р. Омолон. Его именем названа горная система в Якутии и Магаданской области, хребет в Забайкальском крае и две горы в Прибайкалье. Награждён золотой медалью им. графа Ф. П. Литке (1886) ИРГО.

Константинов М. В., Дроботушенко Н. Е. Черский Иван (Ян) Дементьевич // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Г. Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 331–332.

2.2. НАУЧНЫЕ СОЧИНЕНИЯ

Природная обстановка и формы адаптации человека

Образ жизни палеолитического населения в значительной степени определялся охотой. Она велась в сложных климатических условиях, характеризующихся, прежде всего, низкими температурами, удерживающимися большую часть года.

В каргинском межледниковье, по крайней мере в его оптимальную фазу, климат был весьма сходен с современным. Примерно таким же было соотношение сосново-берёзовых лесов (с примесью ели и сибирского кедра) и степных пространств. В эпоху сартанского оледенения леса деградируют, уступив место открытым пространствам холодных степей, среди которых встречались сосновые и берёзовые редколесья, а также заболоченные пространства с кустарниковой берёзкой. В основном же в ландшафтах господствовали разнотравно-полынно-злаковые ассоциации с большим участком ксерофитов-полыней и лебедовых.

В зимнее время в перегляциальных полупустынях Забайкалья было на 10–12 °С холоднее, чем сейчас, при этом климат был ещё более сухим, а количество осадков, особенно зимних – меньшим. Депрессия летних температур по отношению к современным предполагается того же порядка. В периоды кратковременных поздне-сартанских интерстадиалов температуры повышались, но значений межледниковий не достигали.

По данным геолога Д. Б. Базарова, принимавшего участие в исследовании археологических памятников, плейстоценовому климату Западного Забайкалья присущи «все параметры аридности и сверхконтинентальности»: низкие среднегодовые температуры воздуха до –8–12 °С, дефицит влаги, малоснежье в холодный период, низкие среднеянварские (–30–40 °С) и среднеиюльские (10–15 °С) температуры, большие амплитуды суточных и годовых колебаний температур. Вместе с тем природа Забайкалья имела весьма привлекательную особенность – богатую и разнообразную фауну, включающую как сибирские, так и центральноазиатские виды.

Всё это обусловило существование такой формы охоты, которая предполагает организацию долговременных общинных поселений. Располагались такие поселения, надо полагать, как бы в центре промысловых угодий с радиусом действий охотников предположительно в несколько дней пути, но не более. В охотничьих маршрутах, начинавшихся и в итоге заканчивавшихся на поселениях, необходимы были и кратковременные остановки.

Выбирая место для базового поселения, люди учитывали не только наличие промысловой фауны в окрестностях, но и его комфортабельность. Это чётко прослеживается на примере поселения Толбага, датируемого начальным периодом позднего палеолита. Обитатели Толбаги посчитали за лучшее поселиться не на краю террасы, непосредственно у реки, а уйти на относительно крутой (10–12°) склон сопки, что поначалу оказалось полной неожиданностью для проводивших поиск археологов.

Тем не менее избранный древними толбагинцами участок обладал рядом незаменимых достоинств. Он располагался в глубине амфитеатра, созданного сопками, закрывающими поселение от ветров с севера, востока и запада. Из-за нахождения на высоте 30–60 м над уровнем реки зона поселения, несомненно, быстрее освобождалась от холодных утренних туманов, скорее обогревалась и обсыхала, чем какой-либо более низкий «долинный» уровень. Устойчивая инверсия температуры в зимнее время, возникающая при стекании холодного воздуха в котловины, приводила к тому, что на месте толбагинского поселения было на 5–7 °С теплее, чем на берегу реки. С поселения открывался вид на значительный участок р. Хилок и её двух притоков. По соседству находились отвесные скалы, глухие боковые распадки и другие элементы сильно пересеченного рельефа, несомненно, способствовавшие организации загонной охоты.

Очень близок по характеру к Толбаге одновозрастной ему памятник Варварина Гора в долине р. Брянь. Общность проявлялась в облике жилищ, наборе каменных изделий, составе фауны. Оба поселения, несомненно, относились к одной культуре, начальной поры позднего палеолита (35–25 тыс. л. н.).

Можно предположить, что она создана родственными общинами, но не исключено и то (позволим себе фантазии!), что Толбага и Варварина Гора – поселения одной и той же общины, изменившей своё основное место обитания. В последнем нет ничего нереального, поскольку оба памятника разделяет по прямой через хребет не более 80 км. В Толбаге и Варваринной Горе широко представлены фаунистические останки. Судя по ним, главное место в охотничьей добыче занимали носорог и лошадь, далее следуют архар, дзерен, винторогая антилопа, байкальский як, северный олень, кулан, серый волк. Кроме того, на Варваринной Горе найдены заяц-беляк, заяц-толай, сурок, лисица, корсак, бурый медведь и сибирский горный козёл; в Толбаге – благородный олень и бизон.

Скорее всего, фауна двух памятников не отражала полный состав териофауны участков поселений и в то же время как бы дополняла друг друга, раскрывая экосистему горностепных ландшафтов плейстоценовой эпохи. Ясно, что охота производилась на достаточно широкий круг животных, водившихся в дальних и близких окрестностях. Особый вопрос – о присутствии мамонта... На Варваринной Горе найдена поделка из бивня мамонта, а в Толбаге – фрагмент бивня. Остаётся не ясным – был ли мамонт объектом охоты? По крайней мере, он явно стоит на одном из последних мест в фаунистических списках. Это соответствует сложившимся представлениям о соотношении плейстоценовых видов животных в Забайкалье, с его малоснежьем, где привольно чувствовал себя носорог, и весьма неуютно мамонт.

В эпоху сартанского оледенения состав промысловой фауны остаётся практически тем же, что и в каргинское межледниковье. Охотники Читкана, Студёного-2, Санного Мыса, обитавшие в период 25–18 тыс. л. н. охотились на носорога, бизона, винторогую антилопу, горного козла. Их потомки, обитавшие на Усть-Мензе и Студёном, вплоть до норильской стадии добывали носорога, винторогую антилопу, байкальского яка, бизона. Обращает на себя внимание присутствие в фауне носорога, тогда как в других районах Сибири он исчезает значительно раньше. Сухой и холодный климат с минимальным прерывистым снежным покровом был для этого вида, очевидно, наиболее благоприятным. Отпадает ныне версия о том, что винторогая антилопа вымирает в начале верхнего плейстоцена. Она существует вплоть до конца позднесартанских интерстадиалов.

Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ: ИОН БНЦ СО РАН; Чита: Чит. пед. ин-т, 1994. – С. 145.

Древнейшее произведение искусства

В одном из толбагинских жилищ обнаружена редчайшая находка – скульптурное изображение головы медведя. Оно выполнено из отростка позвонка шерстистого носорога. <...> Для придания... очертаний головы медведя древний скульптор сгладил гребень... и отчленил глубокой выемкой характерную для медведя нижнюю губу. Об этом свидетельствуют и оставленные орудием... следы «трения» в прорези пасти зверя. <...> Работа производилась каменным орудием. Скульптор сумел экономными приёмами создать реалистическое изображение медвежьей головы. Особую живость выражению его морды придаёт приподнятый кверху кончик носа, смоделированный таким образом, что хорошо воспринимаются даже широкие ноздри принимающегося зверя. Поразительно точно изображена характерная для медведей оттопыренная нижняя губа (у других хищников губы плотно прижаты к зубам). Свойственные медведю маленькие глаза едва угадываются на скульптуре, но, тем не менее, создан законченный образ со всеми присущими ему особенностями и пропорциями.

Без сомнения, скульптура создана древним мастером, хорошо знавшим как натуру, так и материал и прекрасно владевшим резцом. Пространственно близких аналогий скульптура не имеет. С учётом возраста культурного горизонта толбагинская скульптура может быть определена как древнейшая скульптура Азии и одна из древнейших в мире.

Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ: ИОН БНЦ СО РАН; Чита: Чит. пед. ин-т, 1994. – С. 145.

Забайкальские палеолитические жилища

Выделены различные типы жилищ – одинарные (одноочажные), сложносоставные, большие многоочажные. Одинарные жилища выявлены на всех многослойных поселениях (кроме Усть-Мензы-3). Можно уверенно говорить о том, что они представляют собой основной тип жилища. Одинарные жилища обнаружены на Песчаной Тропе, Косой Шивере-1, Студёном-1, -2, Усть-Мензе-1, -2, Усть-Кяхте-17, Сухотино-4. Проведённая реконструкция с использованием эксперимента, данных этнографии и этноархеологии позволяет увидеть в них жилище конической формы – чум (традиционное жилище сибирских народов). Одинарные жилища имеют размеры основания от 1,7 x 2,6 до 4,4 x 5,1 м. Примерно в центре обязательно располагается небольшой очаг, обычно с округлой или дугообразной внешней обкладкой.

Второй тип жилищ – сложносоставные. В их конструкцию входят три-четыре очага с тяготеющими к ним камнями и предметным материалом. Выявлены всего три сложносоставных жилища (Усть-Менза-2 – два, Усть-Менза-3 – одно). Имеются различные варианты их реконструкции. Возможно, они являются остатками длинных жилищ с несколькими очагами под единой коньковой жердью. Не исключено, что общий объём скрывает в себе три внутренних полога. Еще один вариант заключается в том, что перед нами одинарные вплотную расположенные жилища. Размеры оснований сложносоставных жилищ варьируют от 3 x 9 (?) до 3 x 14 м.

Третий тип – большие многоочажные жилища. Для них характерны очаги (от 3 до 6), расположенные по центральной оси, предметный материал, внешняя обкладка. Подобные жилища выявлены на Санном Мысе, Студёном-2 – два (культурные горизонты 4/5, 5), Усть-Мензе-2 (22-й горизонт), Сухотино-4 (6-й горизонт), Толбаге.

Точное количество жилищ назвать трудно, поскольку это зависит от того, как интерпретировать сложносоставные жилища. Минимальное количество жилищ – 54, максимальное – 61. Выявленные жилища датируются временем конца каргинского межледниковья – началом атлантического периода (35–6,5 тыс. л. н.), что по археологической периодизации соответствует позднему палеолиту – мезолиту. Для палеолита характерны различные типы жилищ – большие многоочажные, сложносоставные, одноочажные (одинарные). Последние являются основным, а к концу палеолита и единственным типом жилищ. Для мезолита также характерны только одноочажные (одинарные) жилища. Но они становятся меньше по размеру (от 2 до 4 м в основании), что свидетельствует, на наш взгляд, о том, что жизнь человека стала более подвижной.

Характер жилищ тесно связан с существовавшими природными условиями, часто сложными, а подчас и экстремальными для древнего человека. Поэтому сооружение жилищ – наиболее яркий пример адаптации человека. Соорудив жилище, человек создавал искусственную среду обитания, возникавшую в результате сочетания внешнего покрытия и очага. Огонь давал не только тепло, но и освещал жилище, продлевая «рабочий день». В зависимости от обстоятельств человек использовал различные типы жилищ, варьировались и их размеры. Применение различных типов жилищ (в сочетании с размерами и находками) свидетельствует о их разнообразной функциональности. Некоторые жилища служили кратковременным убежищем для небольших групп охотников,

другие – местом проживания семейного коллектива (парной семьи). Наличие больших многоочажных жилищ свидетельствует о сложной социальной организации общества.

Особенностью забайкальских жилищ является то, что все они наземные. Ни в одном случае не прослежено ни малейших углублений. Крайне редко встречаются углублённые очаги и хозяйственные ямы. Последние обнаружены только на Варвариной Горе и Санном Мысе. Сооружение наземных жилищ было обусловлено, на наш взгляд, значительным промерзанием грунта в условиях низких температур и малоснежной зимы. Кстати, мерзлота в свою очередь способствовала сохранности жилищ, которые уже были перекрыты речными отложениями. В итоге, видимо, выработалась традиция, в соответствии с которой сооружались только наземные жилища.

Все жилища были кратковременными, сезонными. Большинство их использовалось в «период открытой воды». Об определённой степени долговременности можно говорить только в отношении Толбаги и Варвариной Горы. Можно уверенно говорить о том, что в соответствии с особенностями природной обстановки Забайкалья люди вели подвижный, бродячий образ жизни на протяжении всего изучаемого периода. Только на зиму они строили более основательные утеплённые жилища (речь идёт о покрытии). В то же время для Забайкалья пока не удаётся разработать детальную поселенческую стратегию. Дело в том, что названные «зимники» – Варварина Гора, Толбага – более древние по сравнению с остальными. Пока не выявлено поселений, где зимовали, например, те же «студеновцы». В настоящее время ведутся поиски поселений этого периода на более высоких отметках.

Ещё одна особенность забайкальских жилищ в том, что человек практически не использовал кость для их сооружения. И связано это опять же с условиями палеогеографической обстановки. Только однажды в конструкции жилища встречены кости животных. В обкладке санномысского жилища найдены череп шерстистого носорога и рога винторогой антилопы. Череп закрывал единственный разрыв в кладке, вероятно в этом месте был вход.

Вероятно, череп и рога являлись не только строительным материалом. Возможно, череп играл роль своего рода «натурального макета». Напомним также, что в жилище на Варвариной Горе в одной из ям-кладовочек находился череп хищника и целые трубчатые кости лошади. А. П. Окладников считал, что это культовое захоронение головы хищника, сопровождаемое жертвенным приношением. Кстати, в хозяйственной яме санномысского жилища также выявлены нижняя челюсть шерстистого носорога и обломок черепа горного козла. Эти примеры наводят на мысль о том, что в жилищах отправлялся религиозный ритуал.

В жилище протекала основная хозяйственная и бытовая деятельность человека, что объясняется экстремальными природными условиями. Центром этой деятельности были очаг и приочажная зона. Именно здесь концентрируется основная масса находок. В ряде случаев удаётся определить место входа, которое также использовалось более активно. Площадь, примыкающая к внешней обкладке, как правило, свободна от находок и её можно определить как зону отдыха.

Жилища не только создавали условия для существования человека, но и стимулировали его творческую деятельность. В них найдены украшения и произведения искусства. В числе последних уже получивший широкую известность «толбагинский медведь», а также орнаментированный «жезл начальника» со Студёного-2. Имеются произведения искусства и на поселении Сухотино-4.

С точки зрения забайкальских исследований мы попытались оценить состояние сибирского «жилищного фонда». Были сделаны определённые выводы относительно его изученности, интерпретации отдельных комплексов и т. д. Отметим, что забайкальские

жилища составляют значительную часть этого фонда, причём наиболее изученную. Хочется выразить надежду на то, что наши исследования послужат стимулом для аналогичных исследований в других регионах Сибири. Это позволит расширить и уточнить источниковедческую базу, сделать более определённые выводы.

Константинов А. В. Древние жилища Забайкалья: палеолит, мезолит. – Новосибирск: Наука, 2001. – С. 231–233.

Палеолитические жилища поселений Косая Шивера-1, -2 (Западное Забайкалье)

Поселения Косая Шивера-1, -2 находятся в 18 км выше устья р. Мензы на её правом берегу в пади Широкая (Красночикойский район, Забайкальский край). В 1987 г. на поселении Косая Шивера-1, на месте неглубокого шурфа, был заложен раскоп размерами 5 × 5 м.

В центре комплекса находится очаг овальной формы диаметром до 0,6 м, выложенный по периметру десятью гальками. Обкладка очага плотная, однорядовая. При сооружении очага в основном использованы плоские удлинённые гальки, уложенные на широкие плоскости. Заполнение очага – чёрная углисто-сажистая масса мощностью до 2 см. По углю, взятому из очага, получена дата 12070 ± 300 (ГИН-6123). Вокруг очага расположено углистое пятно овальной формы диаметром до 2 м. Мощность заполнения варьирует от 1 см рядом с очагом до тончайшей прослойки по краям. Следующим элементом является внешняя обкладка. В неё входит 21 хорошо окатанный валунчик размерами от 8 × 17 до 20 × 42 см. Обкладка однорядовая, фрагментарная. Большинство камней уложено на широкие плоскости. Камни обкладки расположены неравномерно и их можно объединить в четыре группы с количеством камней от 2 до 9.

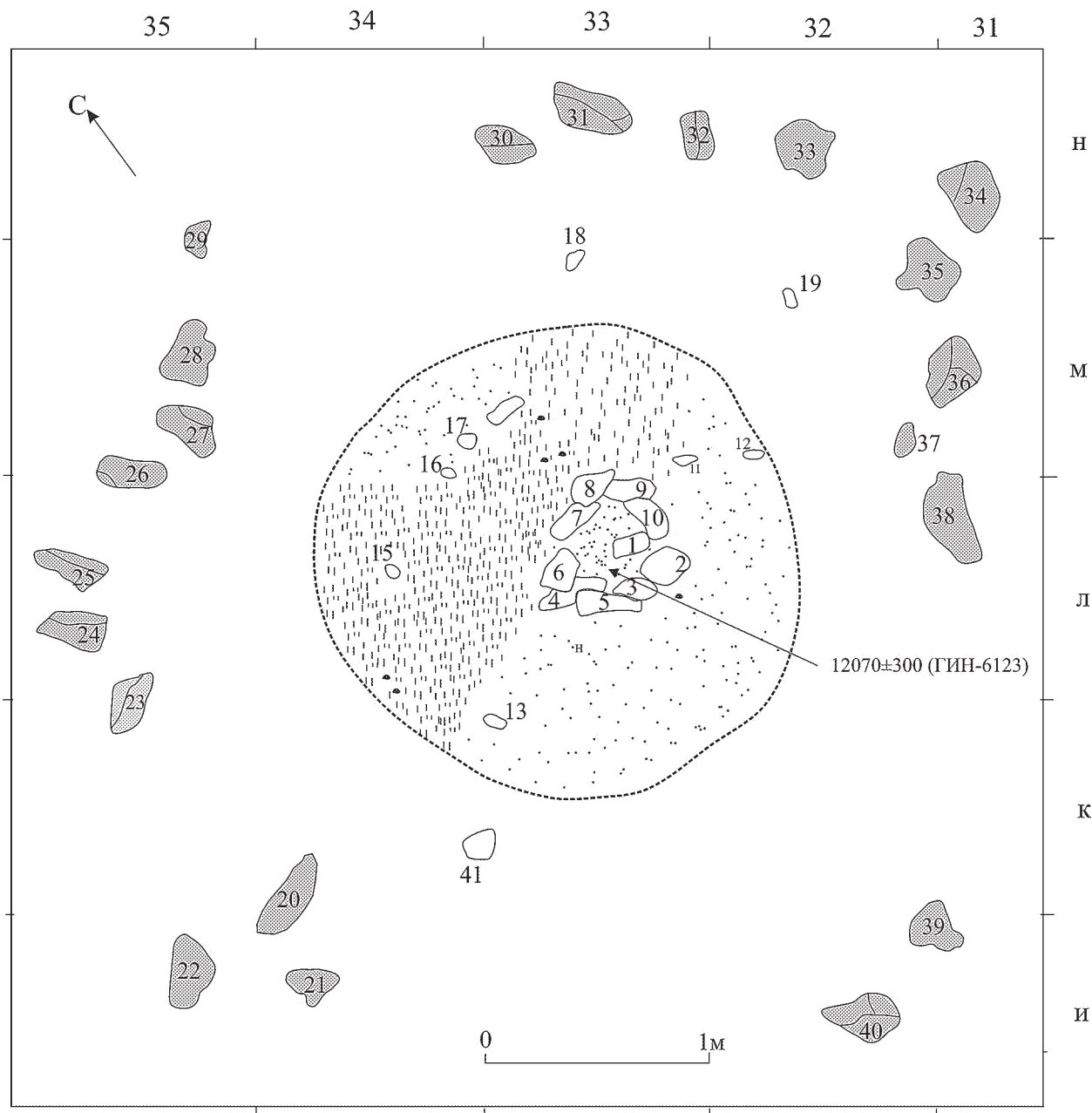
С комплексом связаны довольно многочисленные находки – 764 экз., за его пределами находки отсутствуют. В данной работе мы не ставим цель сделать анализ находок и ограничиваемся только их кратким перечислением. Основная масса находок сосредоточена вокруг очага в пределах углистого пятна к северо-западу и северо-востоку от очага. В самом очаге обнаружен только один отщеп. Несколько отщепов, как уже упоминалось, находилось под очажными камнями. В числе находок – 4 нуклеуса, 7 орудий, 348 отщепов, 398 чешуек, 7 микропластинок, косточка.

Изучение жилища на поселении Косая Шивера-2 началось в 1992 г. и завершилось в 2017 г. В результате точно рассчитанных действий при закладке раскопа жилище размерами 6,5 × 11,8 м полностью вписалось в поле раскопа размерами 6,5 × 12,5 м.

Жилище в его археологическом выражении представлено очагами, внешней обкладкой и предметным материалом. Для сооружения жилища использованы хорошо окатанные речные гальки и валунчики (всего 160 камней), которые в изобилии находятся рядом вдоль берега и по руслу реки. Они использовались для сооружения очагов (28 камней), внешней обкладки (98 камней), а часть из них является, так сказать, «интерьерными» (34 камня). Ось жилища образуют пять вытянутых в линию очагов (расстояние между ними составляет от 0,5 до 1 м). Все они округлой формы, по периметру выложены камнями и имеют диаметр: очаг № 1–0,9 м, очаг № 2–1,1 м, очаг № 3–1,2 м, очаг № 4–0,8 м, очаг № 5–0,8 м. ... Камни тщательно подобраны и уложены на широкие плоскости. На поверхности нескольких камней видны следы забитости, видимо, они использовались в качестве наковаленок.

Оконтуривают жилище камни внешней обкладки, которые точно определяют его внешние границы. Всего в обкладке использовано 98 речных валунчиков. Заметим, что эти камни не являются фундаментом. Предназначались они для придавливания к зем-

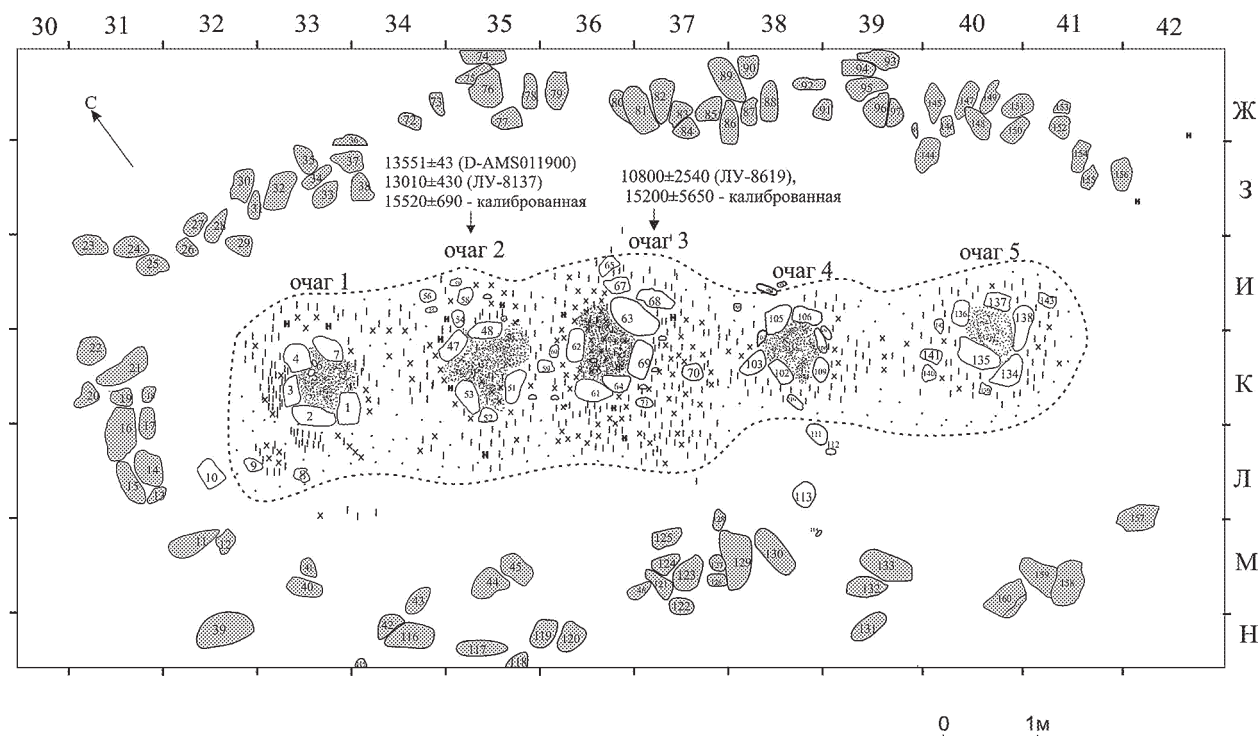
ле края покрытия жилища. Обкладка имеет овальную форму и производит впечатление монументальности. Камни не образуют сплошную линию. Они занимают отдельную позицию, образуют группы, в которых от 2 до 30 камней. Камни в обкладке уложены в один, два, три, а порой и в четыре ряда. В группах камни в основном лежат вплотную друг к другу. Более разряжённая обкладка с юго-западной стороны, обращённой к реке. Здесь в обкладке имеется несколько разрывов. Возможно, с этой стороны в жилище было несколько входов.

Жилище. Косая Шивера-1

Все выявленные 1137 находок обнаружены в пределах жилища и, как правило, прилегают к очагам. Среди них 17 микронуклеусов и их фрагментов, 17 орудий, микропластинка с зубчатой ретушью, микропластинка с эпизодической ретушью, 605 чешуек, 314 отщепов, 118 микропластинок, 73 фрагмента микропластинок, 2 фрагмента пластин. Фаунистические остатки в жилище не выявлены. Видимо, причина тому – плохая их сохранность в песчаных отложениях террасы. Но их присутствие всё-таки фиксиру-

ется по мельчайшим пережжённым фрагментам в очагах, а также характерным следам в культурном слое. Исходя из стратиграфического положения, жилище можно датировать концом верхнего палеолита.

Жилище. Косая Шивера-2

На наш взгляд, оба изученных комплекса дают блестящий материал для доказательности возможности археологического выделения жилищ без обращения к данным этнографии. Попытаемся ещё раз определить, что было выявлено нами в прямоугольных полях раскопов обеих поселений. Благодаря точно рассчитанным археологическим действиям оба комплекса вошли в пределы поля раскопов. Об этом свидетельствует то, что между камнями внешней обкладки и границами поля наблюдается свободная кольцевая полоса.

Комплексы носят следы явного «антропогенного присутствия». Это подтверждают: 1) большое число бесспорных артефактов; 2) очаг (очаги) чёткой конструкции, предназначенный для поддержания огня, от которого сохранилась углисто-золистая масса; 3) углисто-золистое пятно, расположенное вокруг очага (очагов), как продолжение его заполнения; 4) речные гальки и валунчики – явно чужеродный материал для иловатой аллювиальной прослойки.

Они могли быть принесены на береговую поверхность только человеком, а не какой-нибудь природной силой. Налицо и то, что эти камни отбирались рядом на бечевнике реки, переносились на древнюю поверхность террасы, а затем размещались и укладывались на заранее намеченные места «плашмя», т. е. на широкие поверхности, образуя обкладку очага (очагов) и внешнее кольцо. Отдельные элементы структуры взаимосвязаны между собой. Так, очаг (очаги) и углистое пятно находятся примерно в центре комплексов или по длинной его оси. Предметный материал выявляется только в очаге (очагах) и углистом пятне, расположенном вокруг. Внешняя обкладка выполнена из тех же по характеру, но больших по размеру речных валунчиков, что и очаги. Из всего этого вытекает, что перед нами не просто скопление культурных остатков, а искусственно созданный комплекс. При характеристике данного комплекса возможно применение таких

терминов, как «системность», «ритмичность», «компактность», «соразмерность». Комплекс имеет горизонтальное простираие, отчётливо увязываясь с единой «опорной» поверхностью в виде указанной иловатой прослойки минимальной мощности.

Сочетание горизонтальной (реально существующей) и вертикальной (воссоздаваемой) структуры позволяет продолжить логическую реконструкцию до полного или замкнутого внутреннего объёма. Такой объём в данном случае будет непременно жилым. Об этом свидетельствует очаг и предметный материал, явные следы активной жизнедеятельности человека в пределах указанного пространства. Таким образом, мы приходим к выводу, что перед нами не просто искусственная структура непонятого назначения, а достаточно узнаваемые остатки жилища человека.

Таким образом, на каждом из поселений выявлено по одному палеолитическому жилищу, которые относятся к различным типам. На Косой Шивере-1 выявлено одноочажное жилище с диаметром овального основания 4,9 м. На Косой Шивере-2 – многоочажное жилище с основанием овальной формы размерами 6,5 × 11,8 м. Оба жилища пока являются единственными структурами в культурных горизонтах. Возможно, при дальнейшем расширении раскопов будут выявлены и другие структуры, включая жилища. В каждом случае остатки жилищ отличаются хорошей сохранностью и выразительностью. Остатки конструкции жилищ поселений Косая Шивера-1, -2 могут служить своеобразными эталонами для выделения жилищ и на других памятниках.

Константинов А. В. Палеолитические жилища поселений косая Шивера-1, -2 (Западное Забайкалье) // Гуманитарный вектор. – 2018. – Т. 13, № 6. – С. 56–68.

Эпоха мезолита

Мезолит как самостоятельную эпоху удалось выделить благодаря исследованиям на многослойном поселении Студёное-1. Его отличает четкая последовательность 26 культурных горизонтов, из которых 5 горизонтов (10–13/2) относятся к мезолиту; они подстилаются палеолитическими и перекрываются неолитическими слоями. Важным дополнением к Студёному-1 стала Усть-Менза-1, где открыто 10 горизонтов мезолита (9–20) в том же самом археостратиграфическом окружении... Очень существенным для расширения источниковедческой базы является переоценка возраста Ошурково, которое, по нашим представлениям, относится к раннему и среднему мезолиту.

По костным остаткам определяется, что обитатели поселений охотились на благородного оленя, косулю, джейрана, барана, лошадь, кабана. Териофауна такого рода свидетельствует о том, что в окрестностях поселения водились как лесные, так и степные звери, точнее животные горной лесостепи... Охота на перечисленных животных могла быть продуктивной только при наличии лука и стрел. Между тем каменных наконечников стрел не обнаружено... Наконечники стрел могли быть вкладышевыми: выявлено две костяные основы с глубокими, чёткими прорезями. Они – двуязычные, узкие (до 1 см) и как ножи в использовании были бы не удобны. Одна основа имеет заострённое жало и уплощённый насад, от второй основы сохранилась только средняя часть. Пазы костяных основ, несомненно, предназначались для вкладных лезвий – микропластин. Ещё большая уверенность в этом появилась с обнаружением костяного наконечника стрелы (без пазов).

Особо отметим другой костяной предмет, определяемый нами как охотничья заколка. Она изготовлена из метакарпаля косули. Современные забайкальские охотники легко узнавали в этой заколке предмет, называемый укэном, ланцуком или карбашином, который входит в снаряжение охотника на пушного зверя. Добытый зверёк с помощью такой заколки (ныне она чаще всего железная) через пасть и глаз нанизывался на кожаный ремешок. Конец ремешка привязывался за спиной к поясу и, подобно португее,

перебрасывался через плечо на грудь, где заколка затыкалась за поясной ремень. Самое главное было в том, что добытый зверёк располагался за спиной у охотника, при этом тушка зверя (в отличие от рюкзачного способа) оказывалась в вертикальном положении, мех её не сминаясь и не пачкался кровью. Такой способ переноски добычи в древности был необходим только охотнику, вооружённому луком и стрелами. Употребление костяных заколок косвенным образом указывает на применение этого оружия.

Особое значение в хозяйстве имело рыболовство. По определённым костям установлено, что обитатели поселений ловили небольших сибирских ельцов и сибирскую плотву (до 20 см), а также крупных налимов и щук (длиной до 50 см). На Студёном-1 обнаружены рыболовные крючки. Два цельных, слабоизогнутых, с кососрезанным основанием и шлифованной поверхностью крючка длиной до 7 см были изготовлены из рогов косули. Крючки, очевидно, закреплялись на специальных удлинённых планках с отверстиями для крючка на одном конце и нарезками для привязывания лесы – на другом. Найдено также два прямых костяных стерженька из небольших косточек, которые могли быть частью составных крючков. И те и другие крючки использовались, несомненно, при ловле рыбы более крупной, чем представленная в остеологическом материале.

В раннемезолитическом горизонте Ошурково найдено два гарпуна. Они двузубчатые с округлённым основанием. Рядом с одним из них обнаружилась птичья кость, похожая на вязальную спицу. С помощью гарпунов вели своеобразную охоту на рыбу. Спица могла пойти в дело для вязания сетей. Наверное, существовали и иные способы добычи рыбы, более производительные. Так в дело могли пойти плетёные корчаги – верши, по небольшим речкам устанавливались заездки-западни и т. д.

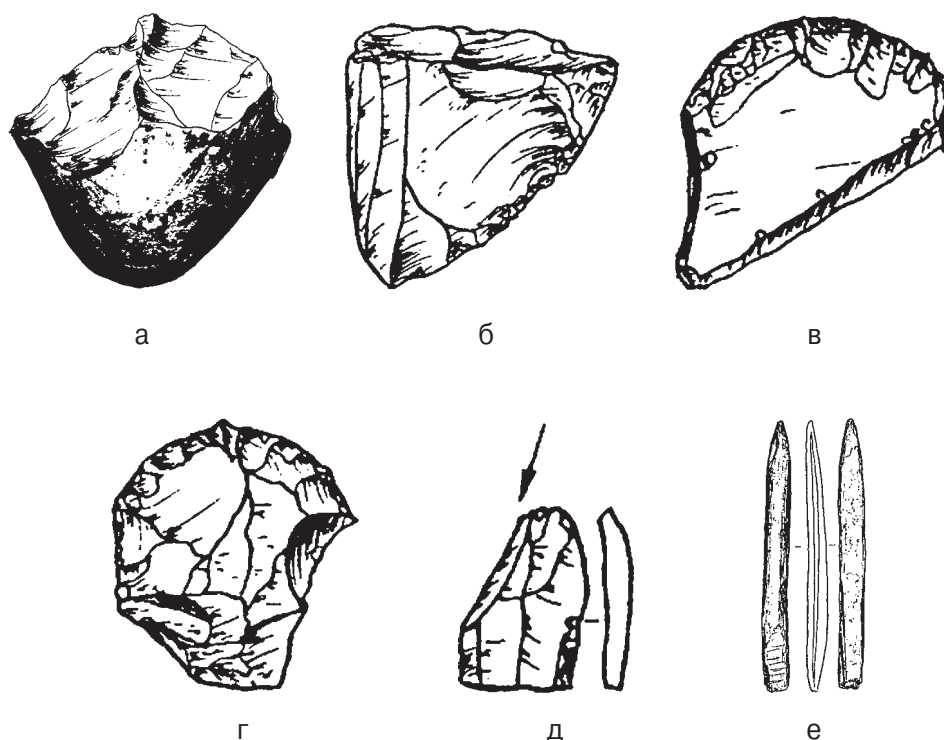
Материальную культуру мезолитических обитателей поселений ярко характеризует каменная индустрия. Она представлена развитой техникой расщепления камня, основанной на получении больших серий микропластин с торцовых клиновидных микронуклеусов. По пропорциям торцовые нуклеусы делились на гобийские и обычные. У первых ширина в 1,5–2 раза больше высоты, у вторых ширина равна высоте или меньше её в 1,5–2 раза. Микропластинки использовались, прежде всего, как вкладыши, при этом часто без дополнительной обработки. Целые экземпляры обычно имели длину 3,5–4 см. Как правило, брюшко у них слегка изогнутое. Большинство же микропластинок обломано. Употреблялись также нуклеусы для снятия более крупных пластинчатых заготовок.

В инструментарий, кроме отмеченных вкладышевых основ и микропластинок, входили угловые резцы из микропластинок, трансверсальные резцы из пластинок, остроконечники из крупных пластинок подтреугольной формы, долотовидные орудия из небольших отщепов, округлые и концевые скребки, в том числе высокой формы, скребла из отщепов и галек различных модификаций, скобели из отщепов с ретушированной выемкой, чоперы и топоры из речных галек.

Из костяных изделий, кроме уже упомянутых гарпунов, рыболовных крючков, наконечников стрел, следует назвать костяные иглы и вкладышевые основы для ножей. Последние обнаружены только в Ошурково.

Происхождение забайкальского мезолита, очевидно, местное. Мезолитические комплексы объединяет с подстилающими палеолитическими горизонтами широкое употребление микронуклеусов и микропластин, округлых и концевых скребков, угловых резцов. Вместе с тем на материалах этих памятников достаточно отчётливо прослеживается развитие от палеолита к мезолиту. В мезолите, по сравнению с палеолитом, техника расщепления камня становится более совершенной. Палеолитические формы нуклеусов для пластинок и отщепов уступили преобладающие позиции торцовым клиновидным микронуклеусам. Примерно такие же линии развития прослеживаются и в наборе орудий

труда: макроформы вытесняются микроформами. Это наглядно устанавливается по соотношению скребел и скребков на материалах Студёного-1. В мезолит перешли такие формы орудий, как остроконечники, долотовидные орудия, трансверсальные и угловые резцы, различные формы скребков. Вообще подбирается своеобразный набор изделий, который в комплексе не встречался ни в палеолите, ни в неолите.

Мензинская культура: а – чоппер; б – нуклеус; в, г – скребок; д – резец; е – костяной наконечник

Не менее интересно сравнивать хозяйство людей эпохи палеолита и мезолита. В палеолите от его начала и до конца люди охотились на крупных животных – шерстистого носорога, лошадь и др. В мезолите природно-климатическая обстановка изменилась, причём сначала она стала особенно холодной, а затем близкая к современной. На первом месте теперь стоят благородный олень и косуля. Охота как ведущая форма хозяйства сохранилась, но в значительной степени изменилась по объектам и по способу.

Состав голоценовой териофауны, как уже неоднократно отмечалось исследователями, приводит к возникновению индивидуальной охоты. Она ведётся с помощью лука и стрел. Предполагать существование рыболовства в эпоху палеолита трудно, поскольку орудия рыболовства или кости рыб не найдены ни на одном из памятников селенгинского бассейна. В мезолите дело обстояло иначе: в культурных горизонтах появляются кости рыб и орудия рыболовства – крючки, гарпуны. Возникновение рыболовства, несомненно, связано с переустройством хозяйства при переходе от плейстоцена к голоцену, с поисками новых путей в его развитии и новых возможностей в добывании продуктов питания.

В целом хозяйство в мезолите осталось присваивающим, но характер его в значительной степени изменился. Не исключено, что в период мезолита в этих местах была одомашнена собака, как это было, например, в соседнем Прибайкалье.

В мезолите сохраняется традиция сооружения жилищ с каменными обкладками, но проявляется тенденция к уменьшению их площади, а также массивности кладок, по-

являются малые жилища вообще без внешней обкладки. Предельно тонкими становятся культурные горизонты. Это, вероятно, связано с большей подвижностью населения в мезолите, вынужденного вести охоту за животными, обитающими в основном не стадами, а индивидуально (или небольшими группами).

На основании изложенного можно сделать вывод, что мезолит – самостоятельная эпоха в истории восточного региона Байкальской Азии с характерными для неё укладом, техникой обработки камня и кости, орудиями труда, с существенной тенденцией к преобладанию микроформ. В то же время самостоятельность мезолита не исключает взаимосвязи её с другими эпохами. Мезолит можно также назвать эпохой переходной, но лишь в той степени, в какой эта переходность характерна для любого другого этапа в истории человечества, поскольку каждый из них – лишь звено в цепи исторического процесса. Выделение эпохи мезолита приводит к «укорочению» палеолита. Палеолит заканчивается близко к концу верхнего плейстоцена. В самом конце плейстоцена, примерно 11 тыс. л. н., начался мезолит – новый прогрессивный период истории древнего забайкальского населения.

Длительность мезолита определяется в 4–4,5 тыс. л. Около 6,5 тыс. л. н. мезолит сменяется неолитом с его важнейшим чётко выраженным археологическим признаком – керамической посудой.

Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ: ИОН БНЦ СО РАН; Чита: Чит. пед. ин-т, 1994. – С. 147–150.

Древние погребения

В пади Мельничное на р. Чикой в пределах раскопа найдено грунтовое погребение. Останки человека находились на глубине 0,8 м от современной поверхности. Скелет обильно засыпан охрой; лежал на спине, головой на север. Нижние конечности согнуты и развёрнуты набок, верхние – согнуты в локтях и подняты кистями вверх, запястье правой руки прислонено к черепу. В погребении найдены пиррофилитовые бусины на левой стопе, тонкая бляшка из раковины со спиралевидным орнаментом, просверленный зуб изюбря и пластинчатое острие.

В пади Токуй, на левом берегу р. Мензы, в 7 км к юго-западу от с. Менза выявлен грунтовый могильник. В 2005 г. раскопано два погребения.

Погребение 1. Скелет и артефакты полностью выпали из стенки оврага, но сохранились кучно на небольшой площадке 1,5–2,0 м ниже бровки оврага (до дна оврага ещё 3 м). Высота над рекой 19 м. Сохранился череп и отдельные кости скелета, пропитанные красной охрой. Погребальный инвентарь представлен 10 обломками шлифованных орудий, из них 9 – из зелёного нефрита и 1 – из белого нефрита. Орудия разбиты намеренно, это своеобразный акт умерщвления каменных изделий, производившийся в соответствии с погребальной традицией. Здесь же найдены 24 клыка сурка тарбагана и 3 клыка кабана, и те и другие со следами красной охры, возможно, они использовались в качестве украшений. Керамика представлена 17 фрагментами от одного круглодонного тонкостенного сосуда с прямым гладко срезанным венчиком и небольшим валиком под ним. Сосуд украшен штамповым орнаментом в виде горизонтальных параллельных полос, оставленных вдавлениями треугольного конца лопаточки. На внешней поверхности сосуда сохраняются оттиски перевитых нитей; на внутренней поверхности есть следы окраски охрой; возможно, в данном сосуде содержалась охра. Погребенный определён как мужчина 27–30 лет. По черепу из погребения выполнен скульптурный портрет.

Погребение 2. Сохранилось почти полностью; от скелета утеряны частично кости обеих стоп. Располагалось на глубине 110 см от современной поверхности. Погребальная яма заложена с основания черной палеопочвы голоценового оптимума, расположенной

ниже современной поверхности на 50 см. Стенки ямы почти вертикальные. Размеры погребальной ямы – 1,3×1,7 м. В погребальной яме находился скелет взрослого человека, ориентированный головой на север, длинная ось по скелету – север – юг. Погребенный лежал в скорченном положении на правом боку, лопатки – в вертикальной позиции, ноги в согнутом положении, колени подтянуты к груди, левая нога перекрывает правую, руки согнуты в локтях, кисти соединены в районе черепа. Череп располагался глазницами вниз, затылочная часть отколота и приподнята. Под скелетом отмечены следы огня в виде угольков. В отличие от первого погребения следов охры не выявлено. Нет и погребального инвентаря. Последний факт более всего соответствует традициям мезолита. Датирование, проведённое в Институте физики и астрономии (Копенгаген, Дания), показало древность 7414 ± 34 от наших дней. Погребение принадлежало женщине в возрасте 40–50 лет.

Могильник Жиндо расположен на правом берегу р. Чикой, на нижней части склона возвышенности, входящей в систему отрогов Малханского хребта. В 2 км ниже по течению реки левый берег Чикоя уже принадлежит Монголии. В зоне оврага, от его вершины до устья, в пределах 600 м находится могильник, состоящий из серии грунтовых погребений. Изучается с 2005 г. Выявлено пять погребений разной степени сохранности.

Погребение 1. Погребение существенно разрушено. На площади 4 м² на участке при поверхностной зачистке супесчаного слоя найдены отдельные разрозненные кости скелета и 8 мелких бусин из перламутра с отверстиями в центре, бусинка из камня цилиндрической формы, фрагмент микропластинки из халцедона, костяное шило. В погребении представлены останки ребёнка возрастом около 3 лет; определены его особенности, патологии, аномалии. Радиоуглеродное датирование по костям показало дату 6813 ± 42 (UA44176).

Погребение 2. Выявлено в борту оврага на глубине 1,1 м от современной поверхности. Вероятно, погребальная яма была заложена ещё до начала формирования современного почвенного слоя. Она врезана в серый плотный карбонатизированный суглинок и полностью этим суглинком заполнена, в связи с чем её границы не устанавливаются. Расчищено два скелета. Костяки ориентированы параллельно реке, черепами вниз по её течению, с ориентировкой на северо-запад. Ближе к кромке оврага – скелет 2, вплотную к его левой руке – скелет 1. В погребении, особенно в районе черепов, наблюдались следы красной охры.

Скелет 1 лежал на спине, череп с глазницами развёрнут в сторону реки, руки вытянуты вдоль тела и слегка согнуты в локтях, так, что кисти расположились близко к тазу. Ноги согнуты в коленях и развёрнуты направо (в ту же сторону, что и череп). Стопа правой ноги обвалилась в овраг. Длина скелета 1,35 м. Череп пронзён через левую височную по направлению к правой височной кости костяным наконечником стрелы длиной 6 см. В районе грудной клетки обнаружены 13 фрагментов микропластинок «в линию», как бы в пазах вкладышевого ножа. В районе левой бедренной кости – 31 фрагмент микропластинок «в линию» – лезвие длинного вкладышевого ножа. В районе таза – остриё из микропластинки с обломанным кончиком и вентральной краевой ретушью. Скелет принадлежал мужчине 25–30 лет, определены его особенности, патологии, аномалии. Радиоуглеродная дата составила 6995 ± 39 .

Скелет 2. Череп раздавлен. Сохранилась левая сторона скелета, в том числе кости от грудной клетки, таза, верхней и нижней конечностей. Скелет лежал на спине. Левая рука вытянута вдоль тела. Левая нога согнута в колене, также как у скелета 1. Правая часть скелета, а также стопы обеих ног обвалились в овраг. Длина сохранившейся части скелета 0,9 м. В районе правой ключицы – 2 костяных наконечника с продольным желобком и скошенным насадом, 4 микропластинки, угловой резец из микропластинки,

6 бусинок из перламутра, 3 костяных бусинки, два острия даурского типа из микропластинок. Скелет принадлежал мужчине 30–40 лет; установлены его особенности, аномалии, патологии. Датировка по C14 составила 7050 ± 35 .

Погребение 4. Полностью разрушено. Отдельные кости скелета собраны на дне оврага. Останки принадлежали женщине 30–40 лет.

Погребение 5. Полностью также разрушено. Отдельные кости найдены на дне оврага. Погребён был мужчина 25–30 лет.

Константинов М. В. Мельничное-1 // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / под ред. Р. Ф. Гениатулина. – Новосибирск: Наука, 2001. – С. 204.

Антропологические исследования неолитических памятников Забайкалья (падь Токуй, Жиндо, Усть-Менза-2) / С. В. Васильев, С. В. Веселовская, Р. М. Галеев [и др.]. // Сибирские исторические исследования. – 2018. – № 3. – С. 107–138.

Об антропологических особенностях древнего населения Забайкалья

Применение комплекса антропологических методов к неолитическим материалам Забайкалья позволило получить новые интересные сведения относительно особенностей населения Восточной Сибири, что, в свою очередь, добавляет, словно фрагменты мозаики, штрихи к общей картине заселения этой территории и формирования современных антропологических типов. Анализ остеологического материала из неолитических памятников Падь Токуй, Жиндо показывает, что даже на ограниченной территории Забайкалья в неолите проживало весьма разнородное население.

Два мужских черепа, которые в силу сохранности были проанализированы по полной программе, имеют сходные характеристики лицевого скелета при резких различиях в размерах и форме мозговой коробки. Сопоставление с современными, с синхронными и более древними группами выявило, что изученные объекты как бы имеют наследников в более позднем населении. Череп из Жиндо (погребение 2, скелет 1) напоминает мансийские черепа современной Западной Сибири. Череп из Пади Токуй (погребение 1) по размеру близок к наиболее крупноголовым неолитическим сериям Сибири и к некоторым современным восточносибирским сериям. В то же время последний имеет исключительно малую абсолютную и относительную высоту черепной коробки – черта, не имеющая аналогов ни в современном, ни в неолитическом населении Сибири. Однако эта черта встречается среди палеоантропов. Возможно, здесь мы имеем дело с архаичным сколом населения, имеющего метисное происхождение за счёт смешения с сибирскими палеоантропами (денисовцами?). Что касается признаков лицевой части, то можно говорить о выраженном монголоидном комплексе, который уже отчётливо сформировался к 6 тыс. до н. э.

Выполненные по этим черепам графические и скульптурные реконструкции подчёркивают своеобразие облика обоих индивидов. Отличительными чертами внешнего облика являются значительная уплощённость лица на всех уровнях при средней его ширине; выраженные монголоидные особенности глазной области, эпикантус; крайне незначительное выступание носа; выраженный прогнатизм (один из типов профилировки лица человека – выступающие вперед челюсти).

Для мужчин из Пади Токуй (погр. 1) и Жиндо (погр. 2, скелет 1) характерен средний по современным масштабам прижизненный рост (167 и 166 см соответственно), в то время как у второго индивида из могильника Жиндо определяется высокая прижизненная длина тела. Для мужчины из Пади Токуй были характерны немного укороченные руки, в то время как для мужчины из Жиндо все показатели соотношения длин конечностей имеют средние значения. Женщины отличаются средним ростом и значительным развитием рельефа костей, что свидетельствует о большой физической нагрузке. На всех скелетах присутствуют следы воздействия холодного стресса.

Таёжный Чикой в эпоху бронзы

Эпоха бронзы представлена двумя периодами: ранним (3,8–2,8 тыс. л. н.) и поздним (2,8–2,2 тыс. л. н.). Период ранней бронзы ознаменовался появлением металла. Наиболее ранние металлические предметы принадлежат погребальному комплексу Кристинкиной пещеры. Спектральный анализ вещей показал, что все они изготовлены из оловянистой бронзы, с содержанием олова 7,1 и 7,1 %. Большая часть предметов (наконечники стрел, ножи) была изготовлена методомковки. Это обстоятельство указывает на древность предметов в рамках бронзового века, об этом же свидетельствует и их форма, ещё тесно связанная с их каменными прототипами. Тем не менее в ранний период бронзового века металлурги Чикоя освоили и отливку в закрытых формах. В такой форме было изготовлено шило из Кристинкиной пещеры и пуговица со Студёного. Обломок литейной формы для отливки шильев имеется в коллекции Усть-Мензы-1.

В период позднего бронзового века искусство металлургии поднялось на более высокую ступень. Отметим, что бронзовые предметы в коллекциях памятников представлены единичными экземплярами. Но такое положение дел, несомненно, связано с бережным отношением к металлу, с возможностью переплавки или перековки изделий в случае их излома. Тем не менее даже имеющиеся материалы позволяют говорить о высоком уровне металлургии бронзового века. Ряд сведений о древней металлургии района можно получить при изучении каменных коллекций поселений. Примечательно, что в период бронзы на поселениях возрастает количество таких крупных изделий, как чопперы, песты, молотки, отбойники, оббитые гальки. Это связано с их употреблением в горном деле для отбивки, дробления, толчения и растирания руды. Работой по твёрдым материалам, каким является руда, возможно объяснить выбоины, смятости их рабочих поверхностей. В этой же сфере применялись, во всей видимости, и сечкообразные мотыги.

В период ранней бронзы сохраняются практически все достижения неолитической эпохи в технике расщепления и приёмах вторичной обработки камня. По-прежнему ведущая роль оставалась за пластинчатыми формами. По ряду моментов отмечается некоторое движение вперёд. Так, нуклеусы ранней бронзы в сравнении с позднелитическими типологически более разнообразны; появляются новые типы пластинчатых изделий в виде наконечников стрел с боковой выемкой; краевая обработка демонстрирует большое число вариантов; шире практикуется бифасиальное оформление орудий.

Вместе с тем имеют место и изменения, обусловленные знакомством населения с новым материалом – металлом. Это отразилось, прежде всего, на группе пластинчатых изделий – их доля несколько уменьшается (59,1 %). В то же время наблюдается увеличение орудий на отщепах (35,7 %), появляется некоторая небрежность в оформлении инструментов. Эти процессы нашли дальнейшее развитие в последующее время – период поздней бронзы. Здесь изделия на отщепах уже количественно преобладают над категорией пластинчатых орудий (соответственно 52,0 и 38,1 %). Исчезают некоторые типы пластинчатых изделий. Увеличивается процент крупных инструментов (9,9 %), в первую очередь пестов, молотков, отбойников, чопперов. Ухудшается техника вторичной обработки.

Таким образом, период бронзы демонстрирует постепенный упадок в технологии обработки камня, что отражается на составе и форме каменных изделий. Изучение керамического материала позволяет установить, что в пределах таёжного Чикоя от раннего неолита до поздней бронзы имеет место, в целом, развитие единой тенденции. Она нахо-

дит выражение в технике изготовления посуды, основанной преимущественно на технике выколачивания стенок сосудов колотушкой. Изменение претерпевает лишь поверхность колотушки – в период металла наряду с нитями получает распространение резная поверхность.

В орнаментике сосудов прослеживается развитие от скупых орнаментальных мотивов в виде узкой полоски орнамента в период раннего и среднего неолита к сплошной орнаментации поверхности с использованием принципа зональности в позднем неолите-бронзе; от одного штампа в неолите к набору удачно дополняющих друг друга штампов и иных приёмов украшения, например, налепных валиков в период металла. Изменения претерпевает форма сосудов – от простых остро донных горшков раннего и среднего неолита к более сложным формам – с округлым и плоским дном, выпуклыми стенками, слегка суженными горловинами, своеобразными венчиками в позднем неолите и бронзе.

Чётко прослеживается тенденция к улучшению качества теста и совершенствованию обжига посуды. Особое место в керамике, очевидно, не связанное с автохтонной традицией, занимают триподы. Их принципиально иная, весьма сложная форма указывает на то, что триподы являются чужеродным элементом на памятниках таёжной зоны. Не исключено, что триподы как раз были заимствованы у степняков – «плиточников», стоящих на более высоком уровне социально-экономического развития. Общий облик поселений и характер каменной индустрии не оставляет сомнений в том, что основными занятиями населения в чикойской тайге в эпоху неолита и бронзы были охота, рыболовство и собирательство. Вместе с тем в период поздней бронзы возникают ростки нового передового хозяйства: возникают зачатки скотоводства. Это заключение основывается на находках костей одомашненных животных – козы, овцы, свиньи и коровы на поселениях Студёное-1 (горизонт 1А) и Усть-Менза-3 (горизонт 1).

Совершенно очевидно, что в эпоху бронзы забайкальский мир перестал быть однородным по хозяйственным началам. В степи уже существовало кочевое скотоводство, а тайга ещё жила по своим прежним охотничьим традициям, но всё-таки приобщалась к новому, в том числе за счёт контактов со степняками. Эти два мира – кочевой и таёжный – ещё многие века будут контактировать и конкурировать друг с другом. Степной мир по этнокультурным ситуациям будет весьма изменчив – от безымянных плиточников к именитым хуннам, а затем тюркам, монголам и бурятам, а таёжный мир в этническом плане окажется более устойчив и к эпохе средневековья обозначит себя в рамках истории тунгусского народа.

Константинов М. В., Екимова Л. В., Верещагин С. Б. Таёжный Чикой на рубеже камня и бронзы / отв. ред. В. Я. Шумкин. – Чита: ЗабГУ, 2016. – С. 63–65.

Оленный камень как гуманистический символ древних этносов

Оленные камни – уникальные исторические памятники, относящиеся к концу второго и первому тысячелетиям до новой эры. В поле зрения учёных они оказались с 30-х гг. XIX в., детально изучаются в наше время, но глубинный смысл, назначение и высокие гуманистические идеи, заложенные их создателями, остаются в полной мере не раскрытыми.

Оленные камни с большой выразительностью отражают духовные силы древних обитателей Южной Сибири и Центральной Азии. Они донесли до нас представления ранних кочевников о жизни и смерти, земном и небесном, сакральном и профанном.

Возникает вопрос: почему же обитатели степей отдавали предпочтение благородному оленю, а не какому-то быстрому степному, летящему как солнце, и типичному степному животному – джейрану или дзерену, сайгаку или кулану?! Или же они могли бы запечатлеть в камне тогда ещё часто встречаемую дикую неутомимую лошадь или же

весьма полезного в сухих степях и пустынях верблюда?! А они, степняки, в своих мифологических построениях и ритуальных символах на первый план выдвинули оленя, который в степях, скорее, гость, а не хозяин.

Следует обратить внимание на то, что именно благородный олень обладает биологическими свойствами, координирующимися с биологией человека. И эти свойства заключены в рогах благородного оленя: они у него не просто крупные, но и особые по своей структуре. Рога благородного оленя содержат вещество, питающее силу самого оленя, но весьма полезные и для человека. Не случайно в Сибири не только охотились на оленей, но и разводили их в неволе. Современная медицина определяет его как пантокрин. Наиболее продуктивны для получения пантокрина молодые, только что нарощие рога благородного оленя – панты, но биологическая основа для пантокрина сохраняется и в крупных, даже сброшенных рогах. Об этом хорошо знает старшее поколение русских и бурятских охотников и народных лекарей. Нет сомнений, что древние охотники на благородных оленей знали полезные свойства таких рогов. Им это становилось понятно уже из того, что сброшенные оленьи рога нечасто встречались на охотничьих тропах, поскольку сгрызались многими животными, от мышей до волков.

Биологические свойства рогов благородного оленя, особенно пантов, таковы, что они полезны для мужчин и женщин. Они целебны, усиливают трудоспособность и поддерживают сексуальную силу и мужчин и женщин, что достоверно устанавливает и фармакология, и народная медицина. Отсюда становится понятно, что изображение оленей с большими ветвистыми рогами – это символическая забота о здоровье и умножении потомства. Это пожелание блага роду, племени и народу. Это стремление к долгой жизни сначала под реальным солнцем, а после земной кончины – возобновление жизни в неизведанном тёмном мире – под солнечным диском, обозначенном на оленьем камне.

Оленьи камни – это память о мёртвых и забота о живых!

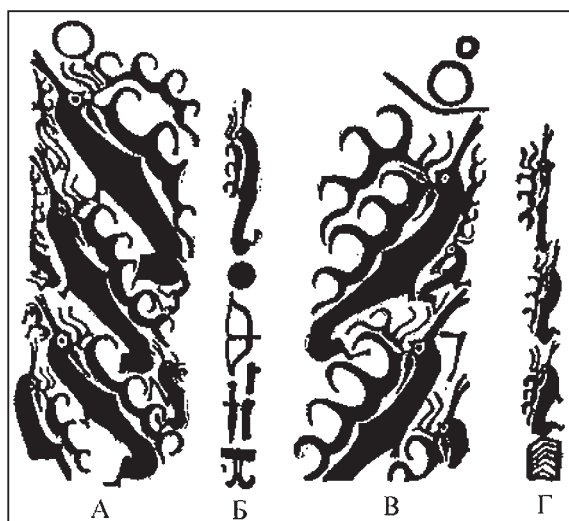
Исходя из характера оленьих камней, можно предположить, что они устанавливались как на могильных полях – некрополях, так и в местах ритуальных поклонений и посещались во время родовых праздников и поминовений. Это полностью соответствует археологическим данным.

Известно, что оленьи камни связаны с двумя типами захоронений: керексурами и плиточными могилами. Они принадлежат народам, отличающимся друг от друга не только по этнической, но и по расовой принадлежности, соответственно европеоидам и монголоидам, сошедшимся на просторах Внутренней Азии и, судя по всему, нашедшим мирные основы существования.

Оленьих камней изначально было множество, что демонстрировало высокие духовные силы и потребности этносов. На степных просторах они сохранялись тысячелетия, но в настоящее время их становится всё меньше, особенно в Забайкалье. Почти не осталось оленьих камней на местах их древних расположений, они или исчезают бесследно, или перемещаются в музеи, где нередко теряются их паспортные данные, или же они не используются в полной мере в научных, образовательных и просветительских целях.

Сотворённые из прочных каменных плит, одухотворённые деятельностью древних мастеров, художников и мыслителей, они являются символами вечности, любви и мудрости, соединённости мифологического и реалистического восприятия мира. Оленьи камни вполне могут стать достойными современными символами Южной Сибири и Центральной Азии, многовековой общности Забайкалья и Монголии, исторического единства разных по происхождению и культуре рас и народов.

Оленьи камни являются бесспорным доказательством древности гуманистических идей, родившихся на основе понимания глубинных основ устройства человеческой жизни и реального опыта заботы о ближних, подкреплённых размышлениями о кратковременности земного существования и неотвратимости смерти, о многом другом, идеальном и материальном.

Изображения на Иволгинском оленем камне

Оленные камни – это свидетельство того, что первые гуманистические идеи возникли в первобытную эпоху, т. е. ещё до рождения цивилизации с её письменностью, наукой, театрами, городами и государствами.

Оленные камни – это показатель приобщённости кочевников глубинных территорий Азии, обычно относимых к суровым варварам, к высоким идеям добра и мира, любви и взаимопомощи.

Оленные камни – это своего рода преддверие и провидение, а вместе с тем как бы материально закреплённая формула идей будущего библейского Экклезиаста:

«Всему (свое) время и (свой) час для всякого дела под небесами:
 Время родиться и время умереть,
 Время насаждать и время вырывать посаженное,
 Время убивать и время исцелять,
 Время разрушать и время строить,
 Время плакать и время смеяться,
 Время причитать и время плясать,
 Время разбрасывать камни и время собирать камни,
 Время обнимать и время отстраняться от объятий,
 Время искать и время терять,
 Время сохранять и время выбрасывать,
 Время разрывать и время сшивать,
 Время молчать и время говорить,
 Время любить и время ненавидеть
 Время для войны и время для мира».

Наверное, и создатель Иволгинского оленного камня, завершив тяжкий искусный труд, мог сказать самому себе:

«Познал я ту заботу, которую задал Бог сынам человеческим,
 Чтобы они мучались ею.
 Всё сотворил он прекрасным в своё время
 И ещё вложил в сердце человека вечность...».

Оленные камни и есть отражение вечности, ещё не осознанной до конца в современном мятущемся и неустроенном мире.

Константинов М. В. Оленный камень как гуманистический символ древних этносов // Известия Иркутского государственного университета. – 2015. – № 15. – С. 18–24.

Памятники хунну и сяньби в Восточном Забайкалье

Погребения хуннской группы датируются нами II в. до н. э. – серединой I в. н. э., когда хунну занимали господствующее положение в Центральной Азии. Их поселения и могильники появились в это время в различных районах северо-азиатской степи, в том числе в Восточном Забайкалье. Данный факт подтверждают материалы могильника Кия-13, раскопанного в местечке «Ущелье», на левом берегу р. Кии, левостороннего притока р. Шилки. Могильник принадлежал представителям родоплеменной знати одной из групп хунну, проживавших в пределах Восточного Забайкалья.

Крупные по размерам курганы – от 4 до 8,6 м в диаметре, имевшие кольцевидные каменные выкладки, были сконцентрированы на небольшой мысовидной площадке, зажатой со всех сторон склонами ущелья. Могильник был явно спрятан от посторонних глаз, хотя и располагался по соседству с более ранними по времени плиточными могилами... Отметим, что на территории Восточного Забайкалья это единственный пока могильный комплекс хунну. Остальные погребения расположены одиночно и в разных местах указанного района.

В хуннских погребениях были найдены предметы вооружения, конской сбруи и украшений; обломки бронзовых зеркал с китайскими надписями; фрагменты тонкого войлока от подстилки и покрывал, которые были окрашены в тёмно-красный и чёрный цвета и разрисованы чередующимися окружностями и дугами; глиняная посуда и кусочки лаковых изделий (чашечек?); а также составные части наборных поясов. Среди последних выделяются каменные, деревянные, бронзовые и железные пластины, орнаментированные резьбой, позолотой и изображениями животных (драконов, тигров, змей и т. д.). Частой находкой в погребениях являются черепа и кости домашних животных: овец, коров и лошадей. Черепа обычно располагаются в головной части погребений: на крышке гроба или каменного перекрытия.

О пребывании хунну в Восточном Забайкалье свидетельствуют также многочисленные предметы хуннской культуры, обнаруженные на стоянках Ингоды, Онона, Шилки, Нерчи и Аргуни. Мы уже отмечали, что среди них особо выделяются фрагменты характерных для хунну толстостенных глиняных сосудов чёрно-серого цвета. Поверхность их носит следы вертикального лощения, округлые венчики круто отогнуты наружу, днища плоские и часто имеют отпечаток квадратного шипа от поворотного круга. По плечикам сосуды украшены волнистым или угловатым орнаментом, иногда помещенным между двумя параллельными линиями. На дюнных стоянках Восточного Забайкалья встречаются также железные наконечники стрел типично «хуннских» форм, железные ножи, латные пластины, фрагменты бронзовых и даже золотых блях с зооморфными сюжетами.

Отмечая широкий ареал распространения памятников хунну по степным и лесостепным районам Восточного Забайкалья и особенно нахождение здесь могильника представителей родоплеменной знати хунну, можно предположить, что во II–I вв. до н. э. на берегах Ингоды, Онона и Шилки проживали преимущественно хуннские племена, включавшие в свой состав адаптированные группы местного населения. Последние, судя по всему, уже утратили наиболее характерные черты своей прежней культуры и восприняли культуру завоевателей в том её виде, в каком она фиксируется в рассмотренных выше памятниках.

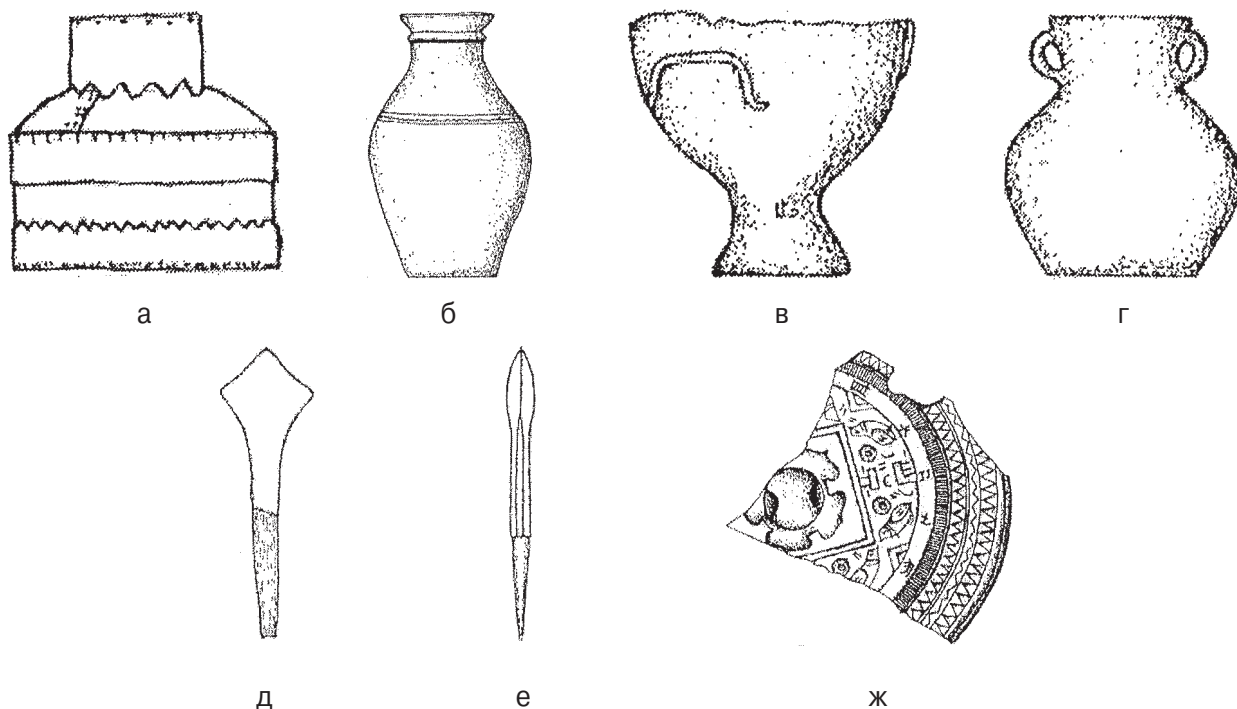
Что касается Приаргуны и соседних с ним районов Внутренней Монголии, то здесь, в предгорьях Большого Хинганского хребта, проживали многочисленные группы монголызычных племён сяньби, а к востоку от них – родственные им племена ухуань. Все они выделились из состава племенной группировки дун-ху, потерпевшей поражение от хунну в 209 г. до н. э. в юго-восточных районах Центральной Азии и вынужденной после

этого искать спасения на севере. В дальнейшем, однако, почти все беглецы оказались под контролем хунну, очень многое заимствовали из хуннской культуры, но сохранили при этом и свою самобытность. В материалах памятников сяньби, исследованных по обе стороны Аргуни российскими и китайскими археологами, данные факты находят своё подтверждение.

Казалось бы, что речь должна идти о едином комплексе сяньбийских памятников и о единой культуре сяньби, распространённой в указанном районе. Однако на деле в составе этих памятников чётко фиксируется несколько вполне самостоятельных групп, различающихся элементами погребального обряда и инвентаря. Различия настолько очевидны, что есть основания соотносить каждую такую группу с отдельным родоплеменным подразделением сяньби, тем более что самих сяньби можно рассматривать как «обширный этнос» (или «суперэтнос»), включавший в свой состав различные кланы...

Для территории Приаргунья мы выделяем пока две такие группы: зоргольскую и ду-ройскую. Каждая из них характеризуется нами как отдельная археологическая культура, поскольку речь идёт о памятниках, имеющих существенные различия в погребальном обряде, инвентаре и, очевидно, во времени.

Для погребений зоргольской культуры характерны небольшие каменные выкладки овальной формы и глубокие могильные ямы (до 2–3 м), ориентированные по северному сектору с отклонением в ту или другую стороны. Умершие лежат в деревянных гробах часто очень сложной конструкции или на берестяных подстилках. Погребальные сооружения иногда спрятаны в боковые подбой, перекрытые загородками из жердей и бересты. В инвентаре обязательными атрибутами являются глиняные сосуды разных форм, стоящие на берестяных кружках-подставках, берестяные туески, украшенные многочисленными рисунками – граффити, предметы быта, вооружения, конской сбруи, украшения и копыта животных. Найдены фрагменты зеркала ханьского времени, бронзовый котёл и остатки сложносоставного пояса с бронзовыми бляхами, украшенными фигурами драконов и змей.

Зоргольская культура: а – берестяной туесок; б, в, г – сосуд; д, е – наконечники стрел; ж – обломок бронзового зеркала

На территории российского Приаргунья зоргольская культура представлена могильниками Зоргол-1 и Дурой-2, расположенными в окрестностях сёл Зоргол и Дурой, на левом берегу Аргуни, на расстоянии 70 км друг от друга. Несмотря на значительный территориальный разрыв, погребальный обряд и инвентарь этих двух памятников одинаковы, что может свидетельствовать о принадлежности их одной родоплеменной группе (клану?). Район обитания этой группы приходился, судя по всему, на левобережье Аргуни – на участок реки между сёлами Кайластуй и Средняя Борзя.

По правому берегу Аргуни и по её правосторонним притокам расселялись, по-видимому, другие родоплеменные группы – родственные зоргольской, но имевшие отличия в погребальной обрядности и инвентаре. Свидетельством этому могут служить материалы могильника Лабудалин, исследованного китайскими археологами в 80 км к юго-западу от с. Зоргол – в долине правостороннего притока Аргуни – р. Гэньхэ, и могильника Чжалайнор, расположенного вблизи оз. Далай-нор, но также в бассейне Аргуни (Хайлар). Основные отличия заключаются в отсутствии в китайских памятниках некоторых типов погребального инвентаря (включая берестяные туюски, украшенные рисунками-граффити) и подбоев в стенках могильных ям, что характерно для погребений зоргольской культуры. По другим показателям, они близки между собой.

Поэтому можно полагать, что племена, оставившие данные памятники, входили в состав одного этнического подразделения, выделившегося из состава сяньби. Таким подразделением, судя по всему, были племена тоба, история которых напрямую связана с Приаргуньем. О раннем периоде этой истории известно немного. Китайские летописи сообщают, что после войны в 209 г. до н. э. часть племён дун-ху, потерпевших поражение от хунну, бежала из юго-восточных районов Центральной Азии далеко на север и длительное время обитала на Верхнем Амуре в предгорьях Большого Хинганского хребта. Здесь сформировалось два новых племенных объединения: сяньби и ухуань. Тоба были западной частью сяньбийского этноса, но в китайских хрониках они начинают упоминаться только с 50–60-х гг. III в., когда становятся соседями Поднебесной.

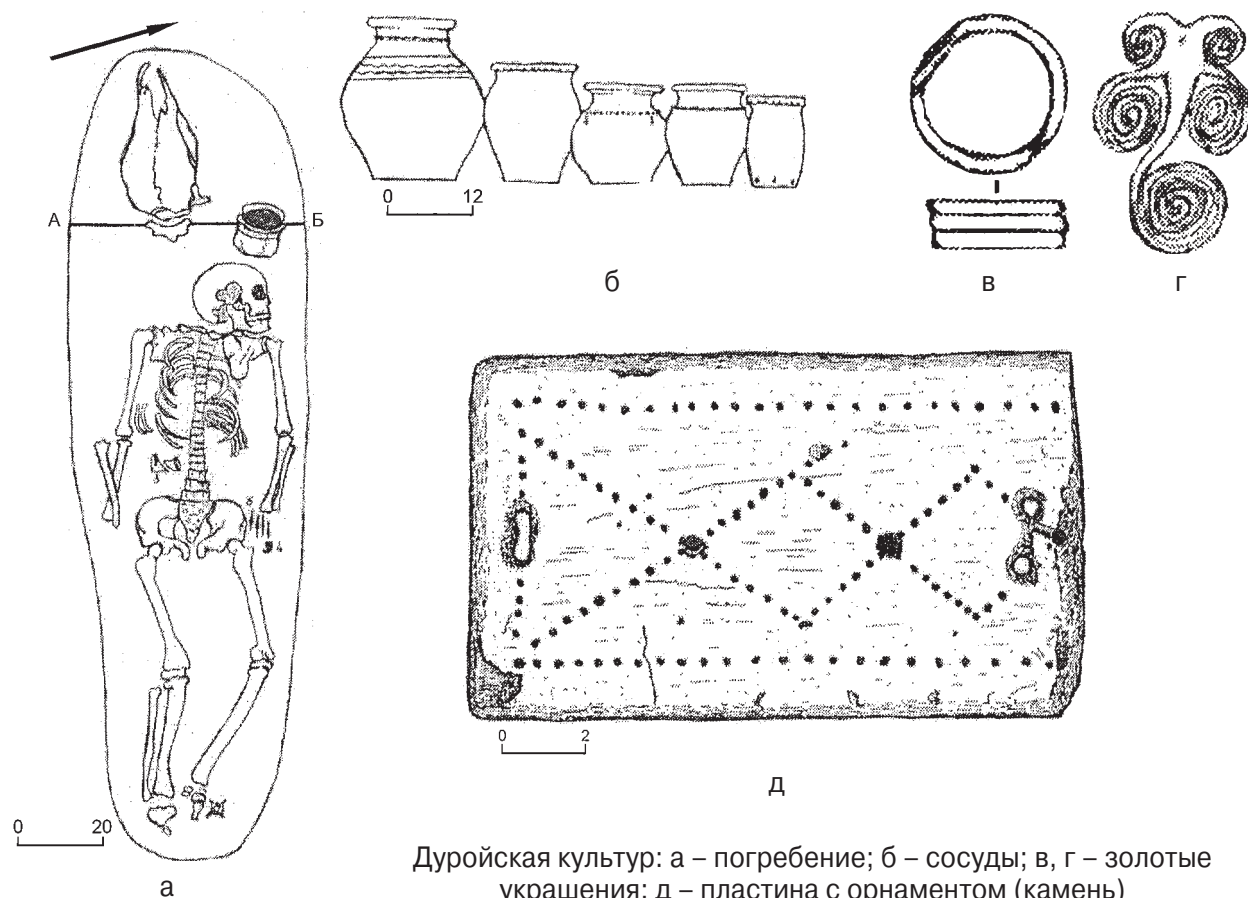
Более того, процесс переселения тоба из северных районов на юг получил отражение в художественной графике данных племён, которая представлена на берестяных туюсках, кружках-подставках и на лентах бересты, перекрывавших подбой могильных ям в могильнике Зоргол-1. Везде повторяется один и тот же сюжет: группа быков, запряжённых в постромки, тянет за собой цуг из возков, кибиток и юрт, поставленных на колёса и полозья. Цель авторов данных рисунков очевидна: зафиксировать на бересте реальные факты из жизни соплеменников и в опосредованном виде отразить стремление потомков дунху к родовым кочевьям, занятым хунну.

Возвращаясь к Восточному Забайкалью, отметим, что в конце II в. в этом районе происходит замена памятников зоргольской культуры – дуройскими. К числу памятников указанной культуры относятся могильники Дурой-1, Большая Канга-1 и Копчил-1. Территория, занятая данными памятниками, несколько больше, чем у зоргольской культуры, однако конкретные границы её ещё не определены. Последовательная смена двух культур и стоящих за ними погребений фиксируется даже в топографии могильников. Так, например, на площади смешанных могильников у с. Дурой погребения зоргольской культуры располагаются особняком от могил, включаемых нами в дуройскую культуру. Нет «дуройских» погребений и в составе могильника Зоргол-1. По вещевому комплексу и погребальному обряду они также отличаются от зоргольских, хотя по ряду признаков имеют с ними сходство. Это свидетельствует о принадлежности данных памятников другой этнической группе сяньби, не входившей в состав тоба.

Для погребений Дуройской культуры характерны однослойные надмогильные выкладки, отсутствие забутовки могильных ям и относительно небольшая их глубина:

от 50 до 100 см. Умершие лежат на грунте, без дополнительных деревянных конструкций, в вытянутом положении, головой по западному сектору. В изголовье их располагаются глиняные сосуды (реже берестяные туески) и черепа животных: лошади, верблюда, коровы или барана (для детских погребений), уложенные на специальной приступке. От старой, «зоргольской», традиции сохранилась практика размещать в погребениях копыта различных животных (от 2–4 особей), а также фрагменты речных раковин. В инвентаре присутствуют предметы быта, вооружения, конской сбруи и украшений, многие из которых аналогичны зоргольским.

Вместе с тем часть предметов относится к более поздним формам, а некоторые из них впервые появляются только в памятниках данной культуры. Это касается отдельных типов наконечников стрел, керамики, специфических по форме колчаных крюков с поперечной планкой на конце, нагрудных блях – гривен, некоторых видов украшений и т. д.

Дуройская культура: а – погребение; б – сосуды; в, г – золотые украшения; д – пластина с орнаментом (камень)

Именно поэтому дуройскую культуру мы связываем не с тоба, а с другими группами племён сянби, которые появились в Восточном Забайкалье в конце II в. н. э., т. е. в период сянбийского великодержавия. Скорее всего, они также пришли из районов Северного Хингана, проживая до этого по соседству с племенами ухуань. В Восточном Забайкалье эти племена оставались до начала жужаньских завоеваний. Создание жужаньского каганата на территории Монголии привело к интенсивным подвижкам больших масс тюркоязычных кочевников, которые начали выдвигаться к северу и северо-востоку – в том числе в сторону Восточного Забайкалья. На этой основе закладывался фундамент новых синкретичных по характеру восточно-зabayкальских культур середины и второй половины I тыс. н. э.

Ковычев Е. В. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. // Известия лаборатории древних технологий. – Иркутск: ИрГТУ, 2006. – Вып. 4. – С. 242–258.

Рисунки на бересте

На могильнике Зоргол-1 в Приаргунском районе исследованы новые погребения... Остановимся на характеристике многочисленных рисунков, обнаруженных на поверхности берестяных туесков и кусков бересты... Они выполнены глубокими и выразительными линиями, переходящими иногда в тончайшую штриховку или точечный орнамент.

В сюжетном отношении большинство рисунков идентично. На них отображена реальная кочевая жизнь, многочисленные сцены перекочёвок, охота на диких животных, панорамы кочевых стойбищ...

Кибитки, стоящие на колесах, соединялись в один цуг с другими сооружениями, поставленными на волокуши. В цуге обычно присутствуют три жилых объекта, иногда разной конструкции, в том числе юрты. У всех юрт тщательно прорисован решетчатый каркас, наружная обвязка из ремней, двери и дымовые отверстия. Соединённые в цуг жилища перемещались при помощи волов (быков), прекрасные изображения которых сохранились на кусках бересты. Особенно выразительна фигура одного из быков, на шее которого двумя полосами обозначено ярмо, а на туловище широкая обтягивающая попона. От ярма к цугу тянутся оглобли волокуши и ремни постромок. Позади первой волокуши тщательно выписана фигура возницы в широкополом халате с длинными рукавами и небольшой шапочкой, из-под которой выбиваются косички. Приталенный покроем одежды и крутые бёдра выдают в вознице женщину...

На рисунках показаны сцены охоты, туги с бунчуками, схематические изображения деревьев, символизирующих, очевидно, священное дерево, ...образ шамана показан весьма выразительно на одном из панорамных рисунков древнего кочевого стойбища. Зоргольские рисунки – это новый, неизвестный доселе пласт в пиктографической летописи кочевого мира.

Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Литвинцев А. Ю. Граффити на бересте из сяньбийского могильника Зоргол-1 // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. – Улан-Удэ, 1998. – С. 54–56.

«Селенгинский камень»

В средних числах июля 1909 г. экспедиция, командированная Финно-угорским обществом в Монголию, остановилась лагерем недалеко от монастыря Хандо-вана...

Мы вытащили камень на свет божий; он оказался целиком испещрённым письменами; часть его была отломлена; вскоре мы нашли и другой камень – продолжение первого, длиною свыше двух метров. С трудом удалось поднять его при помощи длинных шестов... Оба камня лежали перед нами... Мы торжествовали: и действительно мы имели полное основание радоваться и гордиться нашей находкой и трудом, не пропавшим для нас даром...

Камень имел четырёхугольную форму, был отшлифован и равнялся в длину 3,8 м; он был вставлен в выдолбленный цоколь, на котором ещё до сих пор сохранились высеченные рисунки (черепаховый орнамент). Верхушка камня была увенчана другим камнем вроде крыши... От времени надпись на нём пострадала и целые строки теперь не поддаются чтению, так как от многих букв остались только следы и те часто не ясны.

Как явствует из перевода надписи, камень был поставлен какому-то кагану уйгуров и огузов. Титул этого кагана был «Тенгрида-болмыш Иль Итмиш Бильга Каган».

Рамstedт Г. И. Перевод надписи «Селенгинского камня» // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. – 1914. – Т. 15. – С. 34–50.

Из китайского источника об уйгурах (конец IX в.)

Вначале обычаи уйгуров отличались простотой и искренностью, и различия между князьями и народом не были очень большими. Поэтому помыслы народа были едиными и уйгуры были сильны и непобедимы. <...> Танский двор делал им богатые пожалования. Каган Дэн-ли (749–779 гг.) впервые зазнался, стал строить дворцы для жилья. У женщин имелась пудра, краски для бровей и одежда, украшенная парчовыми вышивками, всё это изготовлено в Срединном государстве. Расточительство вызвало разложение варварских обычаев.

Шао Бовэнь. Записки об услышанном и увиденном (Цит. по: Воробьев М. В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времён до IX в. включительно). – Владивосток: Дальнаука, 1994. – С. 325.

Чудейский утёс, городище

Относится к раннему средневековью. Располагается на левом берегу р. Чёрной (притока р. Шилки), в 7 км выше устья, на поверхности одноимённого утёса высотой 60 м. Городище по типу относится к горно-мысовым, с использованием естественной скальной защиты.

Площадь более 6 тыс. м². Присутствует Г-образная система фортификационных сооружений в виде двойного рва и трёх валов, ограничивающих городище с северо-восточной и юго-восточной сторон; с юго-западной стороны защищено скальным обрывом, с северо-запада – крутым склоном. Вход с южной стороны, где сохранились перемычки во рвах, идущие на уровне среднего вала. Внутреннее пространство городища имеет четыре линии западин, от 7 до 13 западин в каждой, ориентированных параллельно оборонительным сооружениям. Всего зафиксирована 41 западина подквадратных очертаний котлованов построек типа полуземлянки, только одна из них расположена за линией фортификации у северо-западного угла городища. В непосредственной близости от памятника обнаружены следы высохшего верхового источника, который мог использоваться средневековым населением. Во время рекогносцировочных исследований найдены фрагменты керамики троицкого типа мохэской археологической культуры. Входит в Шилкинскую систему городищ по р. Шилке и её притокам, которые могут быть датированы концом I – начала II тыс. н. э.

Алкин С. В. Чудейский утёс // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р. Ф. Генатулин. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 340–341.

«Вал Чингисхана»

Пограничное фортификационное сооружение. Состоит из вала и рва, протянувшихся на 700 км по территории Монголии, России и Китая. Датируется X в. Современная высота вала до 1,5 м, ширина до 15 м. С северной стороны сохранились следы рва, что указывает направление линии обороны. По территории России проходит в районе пгт Забайкальск, рудника Абагайтуй и с. Кайластуй Краснокаменского района. Вал связывает девять городищ, которые расположены на расстоянии 15–30 км. По китайской стороне следует параллельно Аргуни.

В 1735 г. вал описан Г. Ф. Миллером (Мюллером), который определил его как границу между различными народами. Миллер отмечал, что тунгусы и монголы именуют его Керим (также они называли Великую Китайскую стену и другие укрепления). В 1864 г. П. А. Кропоткин, следуя из Староцурухайтуевского караула через территорию Маньчжурии до Благовещенска, дал описание вала и провёл раскопки в Ханкулато-Хото на территории так называемого «Чингисханова городища».

В дальнейшем многие российские путешественники посещали вал и сопутствующие ему городки. В 1915 г. вал на участке от устья р. Ган до с. Олочи на р. Аргуни осмотрел С. М. Широкогоров и его спутники. Они отмечали, что местное население связывает вал с именем основателя Великой Монгольской империи либо с именем знаменитого князя Гантимура. Черепица, каменные плиты и изваяния с городка в 6 км от устья р. Ган использованы для украшения церкви в с. Новоцурухайтуй.

Во второй половине 20-х гг. вал на китайской территории изучал В. А. Кормазов, в 30-х – В. В. Поносов, который впервые определил его как пограничный рубеж эпохи киданей (Империя Ляо).

С 70-х гг. маньчжурский участок вала с городищами изучается китайскими исследователями. Сопоставляя археологические данные со сведениями исторических источников, они пришли к выводу, что создание фортификационных сооружений связано с обороной северо-западных пределов империи киданей от нападений племён угу, юйцзюэ, шивэй и северных цзюбу. Необходимость в этом созрела во времена правления императоров Шэн-цзуна (982–1031) и Син-Цзуна (1031–1055). В 1994 г. охранные раскопки вала в районе пгт Забайкальск провели читинские археологи.

Алкин С. В. «Вал Чингисхана» // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р. Ф. Гениатулина. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 86–87.

«Чингисов камень»

Эпиграфический памятник монгольского времени. Представляет собой гранитную с закруглённым верхом стелу с выбитой надписью. Обнаружен в начале XIX в. в Восточном Забайкалье. Датируется 1225 г., т. е. временем, когда Чингисхан вернулся из похода в Среднюю Азию. Является древнейшим из сохранившихся памятников старомонгольской письменности. Надпись посвящена Исунке (Есунке), сыну Джочи-Карсара, племяннику Чингисхана.

По свидетельству горного инженера А. Таскина, первым обратил внимание на загадочный камень в 1802 г. начальник Нерчинских заводов И. Черницын, по приказу которого он был доставлен в Нерчинский Завод. Исследователь Сибири Г. И. Спасский сообщил о камне с высеченной «восточными буквами» надписью в 1818 г. в журнале «Сибирский вестник». Камень в это время находился в библиотеке минералогического кабинета (музея) при горнозаводской школе (с 1823 г. горном училище) в Нерчинском Заводе.

Г. И. Спасский сообщал, что первоначально он стоял в пяти верстах от развалин города, расположенных в низовьях р. Хирхиры, левого притока р. Урулюнгуи (бассейн Аргуни). Ламы и толмачи в то время легко читали на камне имя «Чингис-хан». С тех пор он и стал известен под названием «Чингисов камень». О камне с таинственной надписью сообщили в столицу. В 1830 г. Кабинет Его Императорского Величества счёл нужным забрать плиту и в 1832 г. «Чингисов камень» с караваном выплавленного на Нерчинских заводах серебра прибыл в Санкт-Петербург. Здесь сначала он попал в Министерство финансов, затем в Азиатский музей Академии наук и, наконец, в Эрмитаж.

Переводу и прочтению отдельных слов надписи посвящены работы Р.-Н. Ванчикова, И. Я. Шмидта, Н. Я. Бичурина, Д. Банзарова, И. Ключкина, Г. Габеленца, Е. Радлова, С. Мурояма, Ц. Дамдисурэна, Б. Ринчена, Х. Перлээ, Л. Амбиса, Л. Лигети, И. Рахвевильца и др.

В 1851 г. надпись на плите исследовал бурятский учёный Д. Банзаров. Он сделал следующий перевод надписи: «Когда Чингис-хан, после нашествия на народ сартагул (хивинцев), возвратился и люди всех монгольских поколений собрались в Буга-Сучигае, то Исунке получил в удел триста тридцать пять воинов хондогорских». В 1927 г.

монголовед И. Клюкин сделал новый перевод: «Когда Чингисхан, по возвращении с захвата власти сартагулов, всех нойонов народа монгол поставил на состязание в стрельбе, то Исунке на триста тридцать пять маховых сажен расстояния (прицела) выстрелил из лука». В настоящее время в описании экспоната в Государственном Эрмитаже используется следующий вариант перевода: «Когда после завоевания сартаульского народа Чингисхан собрал нойонов всего монгольского улуса в местности Буха-Суджихай, Есунхэ выстрелил (из лука) на 335 саженей».

Константинов А. В. «Чингисов камень» // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Г. Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 337–338.

О раскопках некрополя на горе Окошки

На горе Окошки, в 2 км к северу от Хирхиринаского города, собраны важные для нашей темы материалы...

Четвёртое погребение сохранилось полностью. Сохранился дощатый, окованный железными полосами гроб, на котором лежали седло с костяными стремянами, узда с железными удилами, лук и берестяной колчан со стрелами. В обтянутом шёлком гробу уцелели останки мальчика примерно 6 лет, в шёлковой шапочке, крытой шёлком шубке, шёлковой рубашке, в штанишках и сапожках. Кроме того, на нем была юбка ламского типа. Шуба также отличается ламским покроем. На ламское достоинство мальчика указывает и то, что пояс с серебряными бляхами и кошелёчком с кресалом и трупом не был подпоясан, а просто положен поверх шубы. Об особом положении мальчика свидетельствует и обнаруженная на правой стороне груди серебряная чаша типа буддийской «габала»... На высокий сан указывают перечисленные особенности погребения мальчика – одновременно и воина и ламы, обладателя «габала» – атрибута одного из высших таинств буддийского ритуала...

Древнемонгольские города / С. В. Киселев [и др.]. – М.: Наука, 1965. – С. 57.

Академик архитектуры Н. П. Крадин об особенностях Рождественской церкви в с. Кондуй

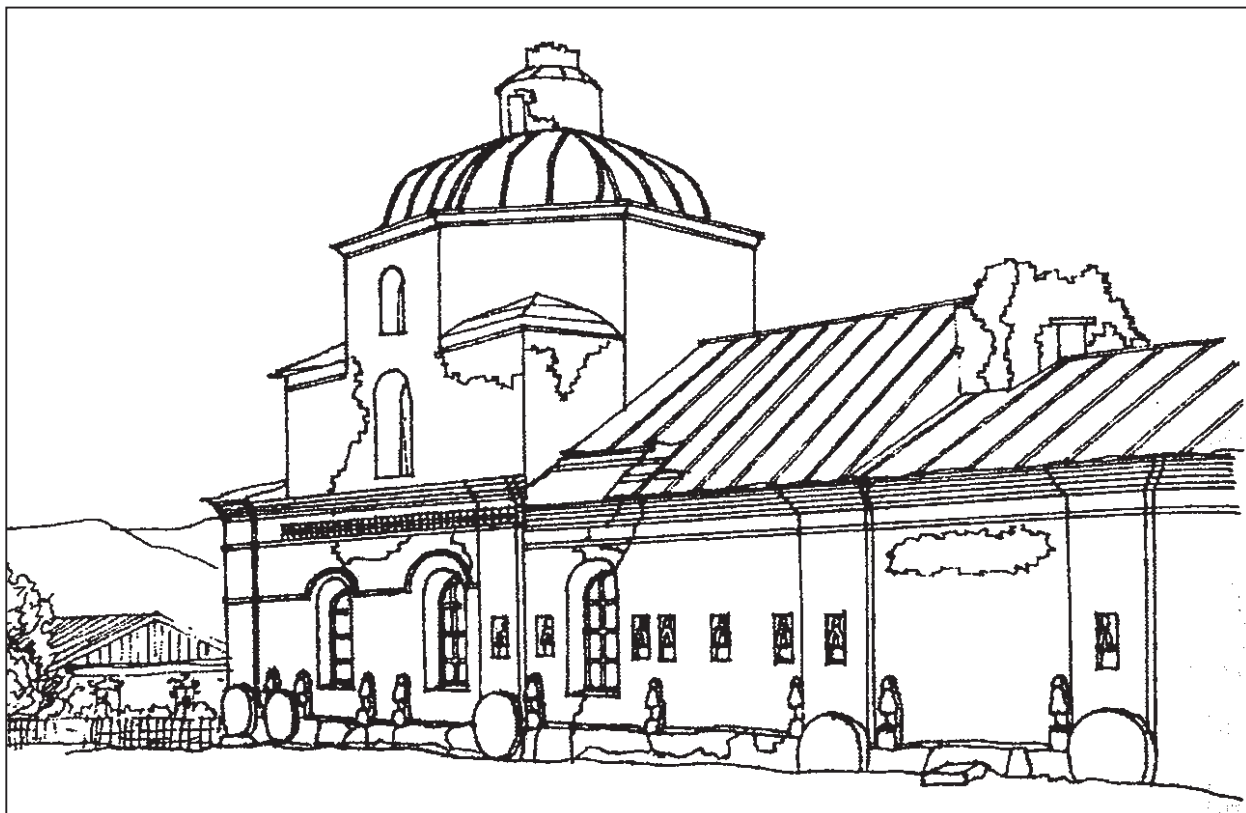
...Если Кондуйский городок достаточно хорошо и подробно исследован археологами и известен в специальной литературе, то о церкви этого не скажешь. Первое и единственное краткое описание её выполнено забайкальским исследователем А. К. Кузнецовым. Обмеров же церкви в то время не было сделано вовсе. Не сохранилось (во всяком случае, пока не выявлено) и проектных чертежей, а также фотографий первоначального вида.

В построенной в 1806 г. Кондуйской церкви, по всему периметру, в стены были вставлены 64 изваяния, но поставлены они были не как во дворце – горизонтально, а вертикально, причём тыльной стороной наружу. Таким образом морды драконов оказались вмонтированными в толщу стен, но, как не странно, рельеф затылков драконов стал чем-то напоминать человекоподобные фигурки. В результате многократных побелок стен церкви чёткость рельефных очертаний постепенно исчезла, а сходство с фигурками становилась всё отчетливее...

В октябре 1804 г. епископ Иркутский и Нерчинский Вениамин отправил в Св. Синод свой рапорт с изложением вопроса о необходимости строительства каменной церкви в Кондуйском селении... Рассмотрев рапорт епископа Вениамина, Святейший Синод 22 декабря 1804 г. специальным указом разрешил строительство в селении Кондуйе каменной Рождественской церкви, и в 1806 г. она была возведена. Местный житель, урядник Николай Эпов, исследуя развалины Кондуйского городища, обнаружил под толстым

слоем наноса большое количество кирпичей, камней, украшений и различных керамических изделий. Чтобы довести до конца свои предприимчивые поиски, он обратился в Нерчинское духовное правление с просьбой использовать остатки древнего дворца в качестве строительного материала для новой церкви. Такое разрешение вскоре последовало, и санные обозы потянулись за село к развалинам дворца монгольского хана.

Для церкви было выбрано самое видное место на пригорке в центре села. Не имея других архивных источников о кондуйской церкви, трудно сказать, по каким планам и чертежам её строили. Можно лишь предполагать, что в качестве образца мог быть использован какой-либо план, а в остальном, как показывает анализ сохранившегося храма, строительство велось местными силами...

Церковь Рождества Богородицы в с. Кондуй

Как уже отмечалось, кроме строительного материала (кирпич, камни) из развалин городка для строительства Рождественской церкви были использованы и декоративные элементы, в частности, драконовидные изваяния, а также основания (базы) колонн дворца. Они в основном использованы на фасадах храма... Гранитные блоки, являвшиеся базами колонн дворца, установлены в цокольной части...

Однако главная ценность и оригинальность Рождественской церкви состоит в том, что для её строительства в качестве материала были использованы остатки средневекового дворца монгольского хана. Сохранившиеся в стенах церкви декоративные элементы дворца представляют сегодня большую научную и художественную ценность.

Используя чуждые русской средневековой культуре декоративные элементы монгольского дворца, строители церкви, по-видимому, не задумывались – как это будет выглядеть? А может быть, именно понимая эту чуждость, они замуровали лики драконов в толщу стены, превратив изваяния из декоративных элементов просто в строительный материал, показывая скорее фактурность тыльной стороны блоков, но никак не пластику лицевой. И лишь случайное совпадение рисунка этой стороны с человекоподобными

фигурками породило их новую трактовку. Окажись подобного рода постройка где-нибудь в европейской стране или в той же Японии, она бы давно стала предметом паломничества туристов и любителей старины.

Крадин Н. П. Архитектурные памятники Кондуя // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток: ДВО РАН, 2002. – С. 233–244.

Кондуйский дворец

Расположен между речками Кондуй и Барун-Кондуй, северными притоками р. Урулюнгуй (примерно в 50 км к северу от города на р. Хирхира). Кондуйские развалины сильно отличаются от хирхириных. Там перед исследователями предстаёт сложный комплекс строений, группирующихся около цитадели. Здесь же основной архитектурный ансамбль составляет дворец.

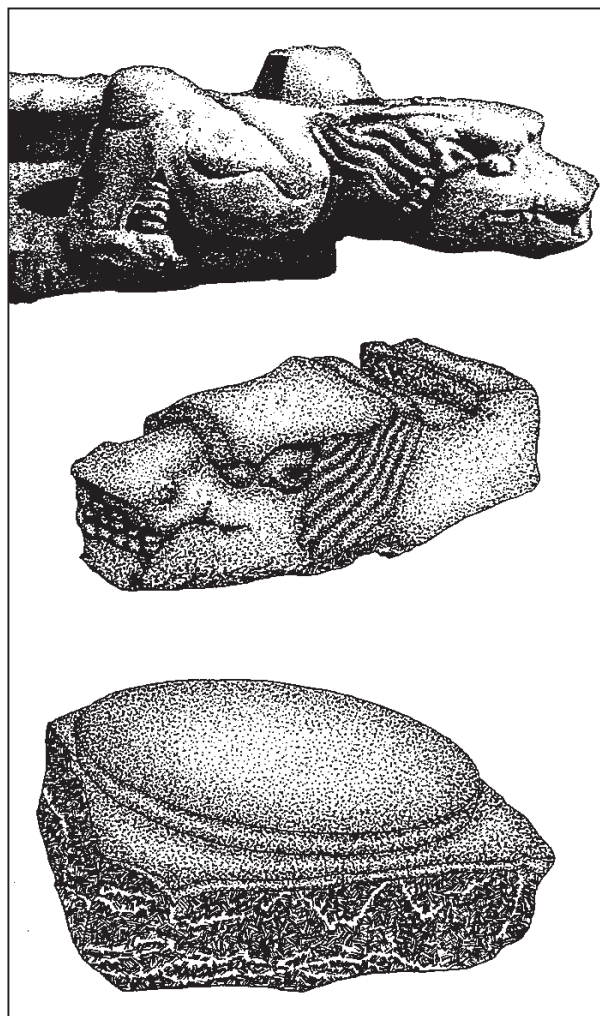
Кондуйский дворец был покрыт черепицей... Обнаружено огромное количество обломков черепицы, покрытой зелёной глазурью, большое количество обломков отливов и концевых дисков, украшенных драконами, а также фрагменты рельефов от скульптурных украшений коньков кровли и стен здания. Преобладают части изображений драконов, растительные элементы и «облака»... Кровли дворца – едва ли не одно из лучших произведений черепичного искусства той эпохи. На фоне окрестных гор в окружении цветущей степи кондуйские кровли создавали яркое зрелище.

Под черепицей на грунте найдены четыре гранитных изваяния драконов. Три из них – обычные гранитные головы драконов... Четвёртое изваяние – это массивная гранитная квадратная плита, один угол которой обработан в виде передней части драконо-черепаховидного чудовища, приподнявшегося на передние лапы. На плечах чудовища изображены пластинки панциря.

Главное здание дворца стояло на высокой двухметровой платформе, края которой украшали двухъярусные террасы. Верхняя терраса была ограждена деревянной балюстрадой, покрытой красным лаком. Такая же балюстрада шла и по нижней террасе, возвышавшейся над уровнем двора на 1–1,3 м. На нижней террасе были расставлены гранитные изваяния, изображавшие головы драконов, кабановидных и с рогами лани.

Всю тяжесть здания несли скрытые в толще стен деревянные столбы, поставленные на гранитные основания. Внутри здания им отвечали ряды деревянных колонн, также опиравшихся на гранитные базы...

Весь этот сверкающий красками ансамбль, по-видимому, погиб от пожара, следы которого встречались при раскопках постоянно – то в виде обугленных конструкций, то в виде ошлаковавшихся от сильно-

Фрагменты кондуйского дворца. Каменные изваяния. База колонны

го жара обломков кирпича и черепицы. Нужно думать, что гибель Кондуйского дворца произошла в сложные для монгольского государства годы конца XIV в. Тогда пылали не только города и усадьбы на окраинах Монголии, но был разрушен Каракорум с его знаменитым дворцом Угэдэя.

Сравнивая дворец в Каракоруме с Кондуйским, приходится признать – последний был построен в более позднее время. Доказывают это и более изысканные формы, и более богатое украшение. Он очень сильно отличается в этом отношении от строгого стиля дворца Угэдэя.

Древнемонгольские города / С. В. Киселев [и др.]. – М.: Наука, 1965. – С. 329–333.

Первый забайкальский поэт Ф. И. Бальдауф о Кондуйском городке:

...Седая наша сторона,
Мешая с былью небылицы,
Преданий множества полна.
Мне сказывал старик разумный:
Какой-то царь иль сильный князь,
Которого закон и власть
От берегов Аргуни шумной
До здешних простиралась гор,
Близ Кондуя имел свой двор.
Там были пышные палаты,
Но золотом и серебром богатый,
Царь богаче был всего
Подругой сердца своего.

Бальдауф Ф. И. Авван и Гайро: поэма. – Чита: Изд-во В. К. Эпова, 1911.

Священная скала

Проводник эвенк Трофим Павлов рассказал легенду, хорошо известную и сейчас. <...> «Скала с рисунками издавна считается у эвенков священной, только в настоящее время она не действует. А в старину она действовала, и когда охотник шел на охоту, он должен был подойти к этой скале и спросить у “хозяина”, сколько зверей он убьет на охоте. Если “хозяин” был расположен к охотнику, на скале появлялось столько новых животных, сколько охотник должен был убить. В то время каждый обязан был приносить этой скале жертвы. И сейчас, несмотря на то, что скала не действует, люди за прошлую ее доброту дарят ей всякие предметы». Чтобы объяснить, почему ныне скала не действует, Трофим, указывая на большой камень, лежащий у основания писаницы, сказал: «Этот камень когда-то лежал на самой вершине скалы. Однажды один плохой человек решил собрать около скалы ее жертвоприношения. Когда он их собрал и хотел уйти, то камень сорвался с вершины и придавил его. Человек этот так и остался лежать под камнем, но хозяин все равно очень рассердился на людей и покинул скалу».

Мазин А. И. Таёжные писаницы Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 129.

Погребальный обряд

После наступления смерти покойника раздевали, грудь и живот обмывали кровью жертвенного оленя или тёплой водой. Умершего одевали в лучшие одежды и укладывали на коврик. Затем изготавливали колоду, которая по внешнему облику напоминала лодку. Вымазав предварительно изнутри лодку-колоду кровью жертвенного оленя,

в неё укладывали покойника. В гроб вместе с мужчиной клали лук, колчан со стрелами, пальму, ножи и другие промысловые и хозяйственные предметы, которыми он пользовался при жизни. Около женщин – орудия для обработки шкур, шкатулку со швейными принадлежностями и мелкие личные вещи. Ребёнку клали шкатулку с идолами-охранителями, игрушки. Лодку-колоду с покойником надевали на заранее приготовленные, обрезанные и обтесанные из живых лиственниц два столба так, чтобы голова была направлена на запад. Личные вещи связывали в один узел и помещали на соседнее дерево. Шкуру жертвенного оленя вешали рядом, придавая ей вид живого животного.

Окончив обряд, его участники, пятась, отходили от места погребения и возвращались домой. Места захоронений обычно не посещались, их обходили стороной.

Вторичными захоронениями пользовались в очень редких случаях после проводов шаманом души умершего.

Мазин А. И. Традиционные верования и обряды эвенов-ороченов (конец XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 63–64.

Программа учебного курса

Введение

Забайкалье на географической карте мира. География Забайкалья: границы, районирование, природная среда. Озеро Байкал. Малые озёра. Речная система. Горные хребты. Великий мировой водораздел.

Политическая карта России. Административно-территориальное деление: Забайкальский край, Республика Бурятия.

Задачи археологического изучения края. Археологическое время. Общие контуры древней, средневековой и новой истории. Объекты археологического наследия. Основы периодизации. Хронология.

Археологические разведки и раскопки. Археологические экспедиции. Открытые листы. Виды археологических памятников. Пещеры. Мастерские по добыче и обработке камня. Стоянки. Поселения. Многослойные поселения. Городища и Дворцы. Поля погребений культуры плиточных могил. Плавильные печи. Петроглифы. Оленные камни. Курганные группы. Клады. Жертвенники. Комплексы археологических памятников. Археологические источники и их сохранность. Природно-культурные ландшафты и объекты. Этноархеологические памятники. Археологическая карта.

Научные центры, проводящие археологические исследования в Забайкалье. Вклад академической, вузовской и музейной археологии. Археология на забайкальских новостройках. Охрана памятников археологии в Забайкалье. Деятельность Центра по сохранению историко-культурного наследия. Изучение археологических памятников в зонах горных разработок и строительства автодороги Чита – Хабаровск.

Археологические музеи и экспозиции. Экспозиция по археологии в Забайкальском краевом краеведческом музее им. А. К. Кузнецова. Музей археологии Забайкалья им. И. И. Кириллова в Забайкальском государственном университете. Республиканский этнографический музей в г. Улан-Удэ. Нерчинский краеведческий музей, Агинский окружной краеведческий музей им. Г. Ц. Цыбикова. Районные и школьные музеи. Археологические коллекции в фондах музеев. Уникальные музейные экспонаты по археологии.

Археология и туризм. Национальные парки Алханай и Чикой. Постановка вопроса об открытии Археолого-этнографического музея на Сухотино.

Археология и педагогика. Участие студентов в археологических экспедициях. Археологические практики. Аспирантура по специальности археология в ЗабГУ. Читинские Региональные археолого-этнографические студенческие конференции Сибири и Дальнего Востока (РАЭСК). Школьные лагеря, отряды и конференции. Деятельность Забайкальской малой академии наук (ЗМАН) и её выпускники, ставшие профессиональными археологами.

Академик А. П. Окладников о значении изучения археологии Забайкалья. Отражение материалов по археологии Забайкалья в обобщающих исторических трудах. Региональная археология Забайкалья в проекте «Энциклопедия Забайкалья». Общая библиография: монографии, статьи, учебные пособия, популярные издания.

Значение археологии для понимания этногенеза забайкальских народов и их культуры. Вклад древних и средневековых забайкальских народов в мировую культуру. Прогрессивное влияние русской культуры на местное население. Перспективы развития забайкальской археологии. Забайкальская археология в соотношении «европоцентризма» и «азицентризма». Археологическое изучение памятников нового и новейшего времени.

Отражение деятельности археологов в СМИ. Газетные публикации А. П. Окладникова, В. Е. Ларичева, И. И. Кириллова и других исследователей. Публикации ко Дню археолога. Студенческая газета «Нуклеус».

Освещение 50-летнего юбилея Музея археологии ЗабГУ. Фильмы телекомпании Альтес. Археологический сайт Усть-Менза.

История археологических исследований

Народные представления о древностях. Народ чудь. Писаницы, маяки, громовые стрелы и др. Первые известия об археологических памятниках края. Записки русских послов в Китай: Николай Спафарий, Избрант Идес, Адам Бранд. Академические экспедиции XVIII в.: Д. Г. Мессершмидт, Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин, П. С. Паллас, И. Г. Георги. Исследования студентов Петербургского университета С. П. Крашенникова, А. П. Горланова. Документы Госархива Забайкальского края о первых экспедициях.

Представления А. Н. Радищева о сибирских древностях. Декабристы и археология. Научные исследования Н. А. Бестужева. В. К. и М. К. Кюхельбекеры о русской и тунгусской культуре. Изучение восточной культуры: Д. Банзаров, Н. Я. Бичурин, П. Л. Шиллинг, О. М. Ковалевский, М. А. Кастрен.

Археологические находки при горных разведках в XVII–XIX вв. Горный инженер Г. И. Спасский и его «Сибирский вестник». Раскопки курганов Окошки инженером А. И. Павлуцким. Литераторы о древних памятниках: Ф. И. Бальдауф, П. А. Словоцов и др. Польские ссыльные о забайкальских древностях. А. Л. Чекановский. Исследование Б. Т. Дыбовским плиточного могильника Бальзино.

Деятельность Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества (ВО ИРГО) в 50–60-х гг. XIX в. Исследования курганов и оленных камней учителем Д. П. Давыдовым. Разведки на Витимо-Олёкминском нагорье и в Тунке П. А. Кропоткина и И. С. Полякова. Научные достижения. Теория материкового оледенения. Открытие И. Д. Черским древних памятников Военный госпиталь, пещера Итанца. Н. И. Витковский на Ангаре и Селенге. А. С. Уваров о древностях Забайкалья в «Археологии России». Краеведческие исследования врачей П. А. Кельберга, Н. И. Кашина, Н. В. Кириллова. Академик В. В. Радлов о древней забайкальской истории. Писатель В. В. Птицын о древних богатствах даурских степей.

Забайкальская археология в конце XIX – начале XX в. Научная деятельность кяхтинских исследователей: Ю. Д. Талько-Гринцевич, А. П. Мостиц, П. С. Михно. А. К. Кузнецов и его исследования в Восточном Забайкалье. Первые забайкальские краеведческие музеи в Нерчинске, Чите и Кяхте. Академик В. В. Радлов о забайкальских древностях.

Экспедиции в Центральную Азию: Г. Ц. Цыбиков, Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин, Б. Б. Барадийн, П. К. Козлов. Этнографические исследования: Д. А. Клеменц, Р. К. Маак, А. Ф. Миддендорф, У.-Ц. Онгодов, А. М. Позднеев, М. А. Кроль, Ц. Ж. Жамцарано, А. Д. Корнакова, Ц. Г. Бадмажапов, Ч.-Л. Базарон.

Археологические исследования в советское время. Научно-педагогическая деятельность Б. Э. Петри. Археология и этнография в Университете Дальневосточной республики: В. И. Огородников, В. Я. Толмачёв, А. А. Половинкин, М. К. Азадовский, В. И. Медяков. Г. Ф. Дебеч о неолите. Экспедиции по Селенге Г. П. Сосновского и С. И. Руденко на Ононе. Разведки по Ингоде и Чите Е. И. Титова, А. И. Махалова и И. И. Михалкина. Исследования И. В. Арембовского на р. Аге. Судьбы учёных тоталитарной эпохи.

Исследования академика А. П. Окладникова, его основные труды по археологии края. Участие в забайкальских раскопках А. Д. Столяра, Э. А. Абрамовой, Е. А. Хамзиной, В. Е. Ларичева, С. Н. Астахова, Р. С. Васильевского, А. П. Дервянко. Археоло-

логическое и антропологическое исследование забайкальских древностей М. М. Герасимовым и Н. Н. Мамоновой. Изучение древнемонгольских городов С. В. Киселевым. Изучение культуры плиточных могил Л. А. Евтюховой, Н. Н. Диковым, Ю. С. Гришиным. Исследование хуннов А. В. Давыдовой и П. Б. Коноваловым.

Этнографические исследования: С. М. Широкогоров, В. К. Арсеньев, И. И. Серебренников, Э. Р. Рыгдолон, Г. Н. Румянцев, Г. М. Василевич, В. А. Туголуков, А. И. Мазин, Ф. Ф. Болонев, А. Г. Янков.

Археология в Читинском педагогическом институте – Забайкальском университете. Историк М. И. Рижский о древностях Забайкалья. Вклад И. И. Кириллова в региональную археологию и подготовку кадров. Разведки и раскопки Читинского отряда Дальневосточной археологической экспедиции. Создание Музея археологии на историческом факультете.

Деятельность Верхнеамурской и Чикойской археологических экспедиций и научных лабораторий археологии и палеоэкологии. Открытие новых памятников и культур. Изучение памятников средневековья Е. В. Ковычевым. Исследование палеолитических жилищ А. В. Константиновым. Таёжный неолит и бронза в исследовании Л. В. Семёной (Екимовой). Степная и лесостепная бронза в публикациях О. И. Кириллова. М. Н. Мещерин о средней поре верхнего палеолита.

Музейная и охранная археология: А. Е. Конюхова, Г. З. Лиханова, В. К. Колосов, С. Г. Васильев, О. В. Кузнецов, А. М. Мамкин, С. А. Афанасьев, Ю. С. Орлов, В. Г. Стрельников, А. И. Литвинцев, Р. Г. Федотов, В. И. Варфоломеев. Этноархеологические экспедиции на севере Забайкалья. Вклад в археологию забайкальских краеведов.

Исследования иркутских археологов. Разведки М. П. Аксёнова по Витиму. Изучение поселений и погребений на Витиме В. М. Ветровым. А. В. Харинский об эпохе раннего железа и средневековья.

Исследования якутских археологов. Разведки А. А. Алексеева на Олёкме. Н. Н. Кочмар о северных петроглифах. Исследование памятников наскального искусства И. А. Пономаревой при поддержке университета Гриффита (Австралия).

Археологические исследования Института археологии и этнографии СО РАН. И. В. Асеев о погребениях средневековья. Изучение петроглифов А. И. Мазиным. Амурский отряд С. В. Алкина на Шилке.

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии БНЦ СО РАН и Бурятский государственный университет. Отражение древней и средневековой истории в трёхтомной «Истории Бурятии». Исследования Л. Г. Ивашиной, А. Д. Цыбиктарова, Л. В. Лбовой, В. И. Ташака.

Институт археологии, истории и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ РАН. А. Р. Артемьев о русском освоении Забайкалья. Академик Н. П. Крадин об архитектуре первых городов и острогов Забайкалья. Вклад Н. Н. Крадина в изучение древнего кочевничества и средневековых народов Центральной Азии.

Геоархеологические исследования: В. А. Обручев, В. И. Громов, Н. А. Флоренсов, В. Х. Шамсутдинов, С. М. Цейтлин, Д. Б. Базаров, Л. Д. Базарова, А. Б. Иметхенов, А. Ф. Ямских, В. Л. Карасёв. Палеонтологическое изучение плейстоценовой и раннеголоценовой фауны Н. Д. Оводовым, Н. П. Калмыковым. Минералогические исследования артефактов Г. А. Юргенсона. Л. Д. Сулержицкий и радиоуглеродное датирование забайкальских памятников.

Изучение истории археологических исследований в Забайкалье. Историографические сюжеты в публикациях В. В. Радлова, А. П. Окладникова, Н. Н. Дикова. Историография палеолита в трудах В. Е. Ларичева. «Этюды об исследователях Сибири» М. В. Константинова. Монографии Н. В. Эйльбарт о польских исследователях.

Археологические и этнографические сюжеты в художественных произведениях (П. Л. Флоренский, В. Митыпов) и художественных картинах (И. П. Сверкунов, Д. Г. Гомбоев, И. Т. Блохин, И. Е. Соколовский, Н. М. Полянский, В. Д. Пинигин, Д. М. Намдаков).

Научные конференции по археологии в Забайкалье. Всесоюзная конференция «Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири» (1986). Международный симпозиум «Древние культуры Азии и Америки» (2003). Международная конференция «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири» (2013).

Участие забайкальских археологов в научных форумах в столичных центрах и за рубежом. Международные контакты с учёными США, Канады, Японии, Китая, Монголии и других стран.

Палеолит

Природа Забайкалья в плейстоцене. Периоды оледенений и межледниковий. Фауна и ландшафты. Соотношение природных и археологических этапов.

Вопрос о первоначальном появлении человека в Забайкалье: время и пути заселения. Открытие памятников ашельского времени: Сухотино-16 и Русло Гыршелунки. Культурная корреляция с ранними памятниками Сибири.

Открытие памятников среднего палеолита: Сухотино-1, Усть-Менза-5, Присковое, Коврижка. Изучение палеолитической мастерской Сухотино-12 и Усть-Мензы-15 (нижний слой). Технология и типология каменной индустрии.

Верхний палеолит. Хронологические рамки. Основные достижения человека. Строительство жилищ. Их размеры и формы. Шитая одежда. Использование кости. Социальная структура: род и семья. Верования. Мастерская по добыче камня имени А. П. Окладникова на Титовской сопке. Участие древних забайкальцев в освоении северных территорий Сибири и Северной Америки.

Начальная пора верхнего палеолита. Толбагинская культура. Поселение Толбага. Планиграфия и жилища. Каменный и костяной инструментарий. Техника пластин. Организация охоты. Скульптура головы медведя. Корреляция с поселениями Арта-3, Подзвонкая, Каменка. Куналейская культура. Поселения Куналей и Усть-Менза-14. Техника отщепы. Соотношение Толбагинской и Куналейской культур.

Средняя пора верхнего палеолита. Поселение Санный мыс. Культовое палеолитическое жилище. Поселение Танга, Амоголон. Читкан, Мельничное, Усть-Менза-6 (Груздёвое) и др. Развитие техники обработки камня.

Поздняя пора верхнего палеолита. Техника производства микропластин. Вкладышевая техника. Бифасиальная техника изготовления наконечников и ножей. Культурные слои поселений Сухотино-4, Студёное-1 и 2, Усть-Менза-1, -2, -3, -4. Охотничья добыча. Жилища. Особенности индустрий. Произведения искусства и украшения. Соотношение Сухотинской и Студёновской культур.

Мезолит

Резкие изменения климата в конце плейстоцена. Вымирание мамонтовой фауны. Глобальное потепление. Наступление голоцена. Послеледниковый климат, ландшафты, фауна. Влияние изменений в природной среде на социальную и экономическую сферы.

Проблема выделения мезолита. Дискуссия о характере эпохи: мезолит или эпипалеолит?

География мезолитических памятников. Изобретение лука и стрел. Одомашнивание волка и появление собаки.

Лодки, сани и лыжи. Характер охоты. Возникновение рыболовства. Лодки-долблёнки. Новые возможности для собирательства. Образ жизни. Техника обработки камня и кости. Топоры и тесла. Вкладышевые и составные инструменты. Прогрессирующая миниатюризация орудий.

Периодизация мезолита: ранний, средний и поздний этапы.

Поселение Студёное-1 и его значение для выделения мезолита Забайкалья. Рыболовные крючки. Кости рыб. Мезолитические слои на поселении Усть-Менза-1. Вкладышевые наконечники стрел. Поселение Ошурково на Селенге. Гарпуны и активное рыболовство.

Погребение раннего мезолита на Усть-Мензе-2. Поздние мезолитические погребения в могильниках Жиндо, Токуй, Мельничное. Особенности обряда погребения. Антропологические реконструкции.

Неолит

Атлантический оптимум голоцена. Дальнейшее потепление и увлажнение климата. Развитие охоты, рыболовства, собирательства. Специализация в видах занятий в зависимости от ландшафтов. Посольское как поселение рыболовов на берегу Байкала. Условножённый лук как основное оружие охотников тайги и степей.

Вопрос о зарождении земледелия и скотоводства по памятникам Онона и Аргуни.

Основные технические достижения. Совершенствование отжимной ретуши и техники расщепления камня. Расцвет микропластинчатой техники. Применение шлифования, сверления, пиления и пикетажа при изготовлении орудий. Расширение минеральной базы. Использование нефрита.

Изобретение керамики. Способы изготовления и формы сосудов. Использование матричной формы. Техника выбивания стенок сосудов. Просушка в прокалённых ямах. Сосуды с округлым дном. Штамповый орнамент как этнический, эстетический и ритуальный символы. Зарождение ткачества. Появление тканой материи.

Этнокультурный характер и различия в соответствии с размещением памятников в бассейнах рек.

Исследование Шилкинской пещеры. Реконструкция облика человека по черепу. Погребальный каменный и костяной инвентарь.

Поселения Чиндант и Арын-Жалга на Ононе; Дворцы и Дарасун на Ингоде; Дурой на Аргуни, Студёное-1, Усть-Менза-1, Алтан на Чикое и Мензе; Усть-Юмурчен и Усть-Каренга на Витиме; Ундурга на Урюме; Усть-Тунгир на Олёкме; высокогорные памятники на озёрах Шебетуй, Буркальское, Горанково.

Погребальные памятники: Фофаново, Молодовск. Ножий, Дарасун, Токуй, Жиндо, Усть-Менза-5, Нижняя Джилинда и др. Обряд погребения. Представления о жизни в потустороннем мире. Ритуальный дострел. Использование в обряде охры. Индивидуальные и коллективные захоронения. Погребальный инвентарь. Вторичный обряд захоронения в Кандобаево.

Южные петроглифы. Техника нанесения. Использование охры. Шаман-Гора, Быркинские скалы, Утени. Сцены охоты на лесных бизонов и кабанов. Изображение шаманов. Ритуальные жертвенники под петроглифами.

Северные петроглифы: Бутиха, Муйшин, Сень, Ималык, Кегей, Имандан-Макит. Образы человека, северного оленя и лося. Культовые представления.

Бронзовый век

Энеолит как заря бронзового века. Проблемы выделения энеолита. Фофановский могильник на Селенге. Орудия из меди. Ариадизация климата.

Бронзовый век. Социально-экономическое развитие и этнокультурные различия. Неравномерность в развитии. Возникновение бронзовой металлургии. Месторождения меди и олова. Орудия горного дела: молоты, отбойники, кирки, песты. Состав древней бронзы по результатам спектрального анализа. Плавильные печи на Шакше, в Усть-Иле и на оз. Ножий. Литейные формы. Шакшинский клад. Археологические культуры, их взаимосвязь и соотношение.

Дворцовая культура. Могильники. Поселения. Дворцы. Алехандровка. Характер погребального обряда. Инвентарь. Уровень развития скотоводства. Занятия охотой.

Культура плиточных могил. Хронология. Масштабные могильники Анхабай и Бальзино. Неразграбленные погребения на Семёновской сопке. Территория распространения: степные районы Забайкалья и Монголии. Генезис культуры. Военно-политический союз степняков-кочевников. Внешний вид погребений, их конструкция. Обряд погребения. Фигурные погребения. Сэргэ – коновязи. Антропоморфные изваяния. Бронзовые изделия. Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве. Триподы. Украшения. Стелы с изображениями. Оленные камни. Иволгинский оленный камень. Скифо-сибирский «звериный стиль». Оружие, орудия и посуда из бронзы. Уникальные бронзовые меч и котёл. Золотые украшения. Кочевое скотоводство как основной вид хозяйства. Номады. Разведение лошадей и овец. Социальная структура в форме патриархата. Религиозные верования. Культурно-ритуальный комплекс на Ламинской Горе. Петроглифы: Бараун-Кондуй, Судунтуй, Кирочи, Копчил, Титовская сопка. Техника исполнения и образы. Мирозрение и мифология.

Культура керексуров. Погребально-культурные комплексы. Происхождение. Территория. Массовое распространение в бассейне р. Селенги. Керексуры на Чикое: Бильчир, Альбитуй, Байхор. Взаимоотношение культур плиточной и керексуров.

Дворцовая культура лесостепной зоны. Поселение и могильник Дворцы. Могильники на Ингоде и Шилке. Характер погребального обряда. Инвентарь. Имущественная дифференциация. Уровень развития скотоводства. Влияние культуры плиточных могил.

Бронзовый век Селенги и Байкала. Поселения Посольское, Нижняя Березовка. Специализация хозяйства на рыболовстве.

Бронзовый век таёжных районов. Хэнтэйская культура. Кристинкина пещера с погребением. Поселения на берегах Чикоя и Мензы. Поселение Черёмушки на Хилке. Поселение Громатуха на Ингоде. Орудия труда из камня и бронзы. Развитие керамического производства. Украшения. Охотничье хозяйство. Появление домашних овец, коз и свиней. Контакты со степняками. Богачинская пещера на Шилке.

Железный век и Средневековье

Появление железа. Основные технические достижения. Уровень развития социальных отношений. Кочевые империи. Вождизм. Этническая история. Китайский историк Сыма-Цянь о хуннах. Историк Л. Н. Гумилёв о древних народах Центральной Азии.

Раннее железо в таёжных районах. Поселение Доронинское-4 на Ингоде. Архаичные элементы культуры.

Хунны в Западном Забайкалье. Происхождение и социальная история. Имперский союз. Шаньюй Модэ. Конница. Вооружение. Иволгинское городище. Селище в Дурёнах. Ремёсла. Гончарное дело. Могильники в Ильмовой и Черемуховой падах близ Кяхты.

Погребения знати. Хуннский могильник в пади Кия на Шилке. Взаимоотношение с Китаем. Переселение хуннов в Европу. Войны с римлянами.

Сяньби на Аргуни. Происхождение. Могильники зоргольской и дуройской культур. Берестяные туеса с граффити. Изображение кочевых стойбищ, сцены перекочёвок и охоты. Кочевое скотоводство.

Кидани на Аргуни. Империя Ляо. Пограничный земляной вал («Вал Чингис-хана») Городки: Кактуйские, Среднеаргунский, Цанкырские, Куладжайский. Шаманизм. Войны с бохайцами в Приморье.

Тюрки. Тюркские каганаты. Уйгуры. Письменность. Эпиграфические памятники. Основные этапы политической истории. Хозяйство. Городища и погребения Западного Забайкалья. Проникновение тюрков в Восточное Забайкалье. Могильник токуз-татар в окрестностях Дарасуна. Этнос байырку. Дарасунская культура. Могильник Улугуй. Ивановский клад. Взаимодействие с ранними кыргызами. Погребение Лукия.

Бурхотуйская культура Восточного Забайкалья. Проблема происхождения. Племена шивэй. Могильники Бурхотуй и Соцал на Ононе. Характер погребений, погребальный инвентарь. Локальные варианты. Хозяйство.

Этнос мохэ на Шилке. Шилкинская система городищ: Чудейский Утёс, Витчиха, Усть-Чернинское. Пашенное земледелие, скотоводство, охота. Соотношение с культурой мохэ на Амуре.

Раннемонгольская культура. Этногенез монголов. Погребальный обряд и верования. Могильник Малая Кулинда. Кондуйский городок. Реконструкция Л. К. Минерта. Хирхиринское городище. «Чингизов камень». Могильник знати Окошки. Могильники Канга, Кайластуй, Ононск и др. Обряд погребения. Монгольские завоевания. Империя Чингисидов. Вопрос о месте рождения и захоронения Чингисхана. Местность Де-люн-Болдок. Чаша Чингисхана. Буддийские элементы в средневековых памятниках.

Ундугунская культура. Тунгусы. Могильник на оз. Ундугун. Илимка-2. География памятников. Характер погребений. Основные занятия и верования.

Новое время

Местное население Забайкалья. Тунгусы. Образ жизни. Охотничий уклад. Одежда. Погребальный обряд. Северные монгольские племена. Дауры в верховьях Амура. Скотоводство. Земледелие. Монгольские кочевья в степных районах Восточного Забайкалья. Шаманизм. Расселение хоринских родов по Ингоде и Агинским степям. Формирование бурятского этноса. Тополёвское погребение. Распространение буддизма. Алханайские святыни. Холяртинсий камень. Субурганы. Взаимоотношение тунгусов и монголов между собой. Хамнегане как субэтнос. Гунэйское погребение.

Первые походы русских на Витим, Олёкму и верховья Амура (1636–1652). Поход П. И. Бекетова (1652–1656). Иргенский острог. Вопрос о месте расположения Ингодинского зимовья. Шилкский острог. Поход А. Ф. Пашкова. Пашково плотбище. Нерчинский острог как административный центр Нерчинского воеводства (уезда, области) Русского государства. Взаимоотношение с тунгусами. Князь Гантимур. Протопоп Аввакум и его «Житие».

Албазинский городок. Быт русского населения. Орудия труда. Вооружение. Военные столкновения с Китаем. Оборона и гибель городка. Нерчинский договор с Китаем (1689). Изучение старинных пограничных знаков и крепостей. Акшинская и Селенгинская крепости.

Монастырская археология. Нерчинский Успенский и Чикойский Иоанно-Предтеченский монастыри. Кондуйская церковь. Архитектура. Хозяйство. Занятия. Обряд погребения. Иеромонах Гедеон.

Горнорудные разработки на Аргуни. Остатки штолен, шахт, печей. Выплавка серебра и свинца. Орудия добычи. Печи. Аргунский завод. Уровский завод.

Раскопки русского поселения у села Засопка. Жилища. Хозяйство. Ремёсла. Монеты.

Русское освоение Чикоя. Городища в Волково, на Студёном и Мельничном. Чикойская землянка. Старинные русские кладбища. Таёжные промыслы. Печи для гонки дёгтя, смолы, серы. Летние заимки у пастбищ и сенокосов.

Археологические исследования Читинского тюремного острога. План Читы декабриста П. А. Фаленберга. Акварели Н. А. Бестужева. Пребывание в остроге декабристов. Изучение территории тюремного двора и внешнего тына. Посуда, монеты, огниво. Лунинский христианский крест на Титовской сопке.

Декабристский некрополь на Петровском Заводе. Изучение склепа А. Г. Муравьёвой. Поиски утраченных могил детей декабристов, солдата-декабриста М. В. Шутова и подземного склепа генерал-лейтенанта С. Р. Лепарского. Реконструкции надгробий художником Н. М. Полянским. Поиски могилы декабриста П. В. Аврамова в Акше.

Курорт Ямаровка и стеклозавод. Изучение Ямаровского тракта и бараков его строителей. Австро-венгерские военнопленные Первой мировой войны. Поиски следов сражений и погребений революционной поры.

Рекомендуемая литература к курсу «Археология»

Авторефераты диссертаций

1953. Диков, Н. Н. Бронзовый век Забайкалья: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н. Н. Диков. – Ленинград, 1953. – 15 с.

1964. Хлобыстин, Л. П. Древние культуры побережья озера Байкал: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Л. П. Хлобыстин. – Ленинград, 1964. – 19 с.

1965. Давыдова, А. В. Иволгинское городище – памятник хунну в Забайкалье: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. В. Давыдова. – Ленинград, 1965. – 19 с.

1969. Кириллов, И. И. Каменный век Восточного Забайкалья: автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. И. Кириллов. – Новосибирск, 1969. – 19 с.

1970. Свинин, В. В. Археология озера Байкал: автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. В. Свинин. – Новосибирск, 1970. – 19 с.

1970. Хамзина, Е. А. Поздние кочевники Западного Забайкалья: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. А. Хамзина. – Новосибирск, 1970. – 19 с.

1975. Коновалов, П. Б. Погребальные памятники хунну: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / П. Б. Коновалов. – Новосибирск, 1975. – 19 с.

1977. Ковычев, Е. В. Восточное Забайкалье в I тысячелетии н. э. (по материалам могильников): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Е. В. Ковычев. – Новосибирск, 1977. – 19 с.

1979. Константинов, М. В. Палеолит Хилка и Чикоя (Юго-Западное Забайкалье): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / М. В. Константинов. – Новосибирск, 1979. – 19 с.

1981. Кириллов, И. И. Восточное Забайкалье в древности: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06 / И. И. Кириллов. – Новосибирск, 1981. – 38 с.

1981. Немеров, В. Ф. Восточное Забайкалье в первой половине II тыс. н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Ф. Ф. Немеров. – Новосибирск, 1981. – 19 с.

1982. Миняев, С. С. Бронзовые изделия сюнну. Типология, производство. Распространение: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / С. С. Минаев. – Ленинград, 1982. – 19 с.

1983. Тиваненко, А. В. Древние жертвенные места Восточной Сибири (по археологическим материалам Предбайкалья и Забайкалья): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / А. В. Тиваненко. – Новосибирск, 1983. – 21 с.

1985. Базарова, Л. Д. Палеогеографические реконструкции эпохи обитания первобытного человека в Юго-Западном Забайкалье (по материалам исследований археологических памятников): автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 11.00.04 / Л. Д. Базарова. – Новосибирск, 1985. – 16 с.

1986. Семина, Л. В. Эпоха неолита и палеометалла юго-западного Забайкалья: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Л. В. Семина. – Ленинград, 1986. – 16 с.

1986. Немеров, В. Ф. Восточное Забайкалье в первой половине II тыс. н. э. (по материалам погребений): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / В. Ф. Немеров. – Новосибирск, 1986. – 17 с.

1988. Данилов, С. В. Жертвоприношения животных в ритуалах древних племён Забайкалья как источник по истории религиозных верований скотоводческих народов: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / С. В. Данилов. – Кемерово, 1988. – 23 с.

1989. Цыбиктаров, А. Д. Культура плиточных могил Забайкалья и Монголии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / А. Д. Цыбиктаров. – Москва, 1989. – 25 с.

1992. Константинов, А. В. Палеолитические жилища Чикойско-Мензинской провинции Западного Забайкалья: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / А. В. Константинов. – Санкт-Петербург, 1992. – 19 с.

1992. Ветров, В. М. Каменный век Верхнего Витима: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / В. М. Ветров. – Новосибирск, 1992. – 17 с.

1993. Бураев, А. И. Антропология средневекового населения Прибайкалья и Забайкалья: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / А. И. Бураев. – Москва, 1993. – 21 с.
1994. Кириллов, О. И. Погребальные памятники эпохи палеометаллов верховьев Амура: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / О. И. Кириллов. – Новосибирск, 1994. – 19 с.
1994. Лбова, Л. В. Брянский палеолитический комплекс (Западное Забайкалье): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Л. В. Лбова. – Новосибирск, 1994. – 20 с.
1995. Константинов, М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06 / М. В. Константинов. – Санкт-Петербург, 1995. – 43 с.
1996. Кузнецов, О. В. Позднепалеолитические индустрии Западного Забайкалья: автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.06 / О. В. Кузнецов. – Санкт-Петербург, 1996. – 19 с.
1996. Ташак, В. И. Палеолит и мезолит юга Бурятии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / В. И. Ташак. – Новосибирск, 1996. – 20 с.
1997. Асеев, И. В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06 / И. В. Асеев. – Новосибирск, 1997. – 46 с.
1997. Артемьев, А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII вв. (историко-археологические исследования): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06 / А. Р. Артемьев. – Владивосток, 1997. – 59 с.
1998. Черенщиков, О. Ю. Нижний комплекс многослойного поселения Сухотино-4 и его место в верхнем палеолите Северной Азии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / О. Ю. Черенщиков. – Новосибирск, 1998. – 17 с.
1999. Крадин, Н. Н. Империя Хунну (структура общества и власти): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 / Н. Н. Крадин. – Санкт-Петербург, 1999. – 43 с.
2000. Коновалов, П. Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии: древность и средневековье: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 24.00.02, 07.00.07. – Улан-Удэ, 2000. – 40 с.
2003. Разгильдеева, И. И. Планиграфия и планиметрия жилищ Студеновского археологического комплекса: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / И. И. Разгильдеева. – Владивосток, 2003. – 27 с.
2003. Цыбиктаров, А. Д. Север Центральной Азии в эпоху бронзы и раннего железа (II – первая половина I тыс. до н. э.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06 / А. Д. Цыбиктаров. – Новосибирск, 2003. – 48 с.
2004. Васильев, С. Г. Археологическое изучение остеологических материалов на примере палеолитического поселения Толбага: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / С. Г. Васильев. – Владивосток, 2004. – 28 с.
2004. Константинов, А. В. Древние жилища Забайкалья (палеолит, мезолит): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06 / А. В. Константинов. – Санкт-Петербург. – 2004. – 41 с.
2005. Дашибалов, Б. Б. Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири: эпоха средневековья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.07. – Улан-Удэ, 2005. – 28 с.
2005. Селихов, Е. А. Историография исследований средневековых погребальных памятников Забайкалья: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Е. А. Селихов. – Улан-Удэ, 2005. – 28 с.
2005. Яремчук, О. А. Могильник Зоргол-I – памятник хунно-сяньбийской эпохи Степной Даурии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / О. А. Яремчук. – Чита, 2005. – 23 с.
2006. Жамбалова, Е. Д. Погребальные обряды населения Забайкалья в эпоху неолита – раннего бронзового века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Е. Д. Жамбалова. – Улан-Удэ, 2006. – 28 с.
2006. Симухин, А. И. Технологические традиции в производстве изделий из цветного металла в Забайкалье: II тыс. до н. э. – XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / А. И. Симухин. – Улан-Удэ, 2006. – 28 с.
2006. Цыбиктаров, В. А. Петроглифы Забайкалья: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / В. А. Цыбиктаров. – Новосибирск, 2006. – 28 с.

2008. Мороз, П. В. Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья (по материалам стоянок Усть-Мензинского района): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / П. В. Мороз. – Санкт-Петербург, 2008. – 22 с.

2015. Павленок, Г. Д. Технология обработки камня в Селенгинской культуре Западного Забайкалья (по материалам стоянки Усть-Кяхта-3): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Г. Д. Павленок. – Новосибирск, 2015. – 26 с.

2019. Ponomareva, I. A. Change and continuity in the prehistoric rock art of east Siberia / I. A. Ponomareva. – Текст: электронный // Place, Evolution and Rock Art Heritage Unit (PERAHU) Griffith Centre for Social and Cultural Research (GCSCR) School of Humanities, Social Sciences and Languages (SHSSL) Griffith University Submitted in fulfilment of the requirements of the degree of Doctor of Philosophy. – URL: <https://www.dropbox.com/sh/yaur4f4apla2hxx/AADfiENPSVmj6CllorPEkgnYa?dl=0> (дата обращения: 12.06.2019).

Библиографические указатели

1929. Михалкин, В. В. Опыт указателя литературы по археологии Забайкалья / В. В. Михалкин, П. П. Хороших // Материалы Читинского краеведческого музея им. А. К. Кузнецова. – Иркутск; Чита: Власть Труда, 1929. – Вып. 1. – С. 3–15.

1929. Печатные труды А. К. Кузнецова. Рукописи. Статьи об А. К. Кузнецове // Памяти Алексея Кирилловича Кузнецова. – Чита: Печатное дело, 1929. – С. 71–73.

1974. Аннотированная библиография научных трудов академика А. П. Окладникова (1968–1973) / сост. Р. С. Васильевский, Н. Г. Ворошилова. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – 92 с.

1988. Евгения Алексеевна Хамзина: библиография научных трудов и каталог музейной коллекции (к 70-летию со дня рождения) / сост. Л. В. Лбова, Е. В. Ташак. – Улан-Удэ, 1998. – 38 с.

2008. Михаил Васильевич Константинов: биобиблиографический указатель / сост. Т. Г. Васильева [и др.]. – Чита: ЗабГГПУ, 2008. – 113 с.

2009. Библиография доктора исторических наук, профессора И. И. Кириллова / сост. О. И. Кириллов // Древнее Забайкалье: культура и природа. – Чита: ЗабГГПУ, 2009. – С. 15–25.

2018. Александр Васильевич Константинов: биобиблиографический указатель / сост. М. С. Томских. – Чита: ЗабГУ, 2018. – 93 с.

Монографии

1951. Окладников, А. П. Эпоха первобытнообщинного строя на территории Бурят-Монголии / А. П. Окладников // История Бурят-Монгольской АССР. – Улан-Удэ: Бурят-Монг. гос. изд-во, 1951. – Т. 1. – С. 2–46.

1951. Окладников, А. П. Эпоха первобытнообщинного строя на территории Бурят-Монголии / А. П. Окладников // История Бурят-Монгольской АССР. – 2-е изд. – Улан-Удэ: Бурят-Монг. гос. изд-во, 1951. – Т. 1. – С. 2–46.

1958. Диков, Н. Н. Бронзовый век Забайкалья / Н. Н. Диков. – Улан-Удэ, 1958. – 123 с.

1965. Древнемонгольские города / С. В. Киселев, Л. А. Евтюхова, Л. Р. Кызласов [и др.]. – Москва: Наука, 1965. – 369 с.

1969. Окладников, А. П. Петроглифы Забайкалья / А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. – Ленинград, 1969. – Ч. 1. – 218 с.

1970. Окладников, А. П. Петроглифы Забайкалья / А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. – Ленинград, 1970. – Ч. 2. – 264 с.

1970. Хамзина, Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья (поздние кочевники) / Е. А. Хамзина. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. – 142 с.

1972. Хороших, П. П. Древняя культура Прибайкалья и Забайкалья / П. П. Хороших, Е. М. Залкинд // Очерки истории культуры Бурятии. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. – Т. 1. – С. 11–39.

1975. Гришин, Ю. С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья / Ю. С. Гришин. – Москва: Наука, 1975. – 133 с.
1976. Коновалов, П. Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники) / П. Б. Коновалов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 220 с.
1976. Окладников, А. П. Писаницы реки Олёкмы и Верхнего Приамурья / А. П. Окладников, А. И. Мазин. – Новосибирск: Наука, 1976. – 189 с.
1979. Ивашина, Л. Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии / Л. Г. Ивашина. – Новосибирск: Наука, 1979. – 155 с.
1980. Окладников, А. П. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы / А. П. Окладников, И. И. Кириллов. – Новосибирск: Наука, 1980. – 175 с.
1980. Окладников, А. П. Новые петроглифы Прибайкалья и Забайкалья / А. П. Окладников, В. И. Молодин, А. К. Конопацкий. – Новосибирск: Наука, 1980. – 40 с.
1981. Гришин, Ю. С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья / Ю. С. Гришин. – Москва: Наука, 1981. – 201 с.
1981. Кызласов, Л. Р. Средневековые памятники Западного Забайкалья (IX–X вв.) / Л. Р. Кызласов // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. – Москва: Наука, 1981. – С. 59–61.
1982. Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья / Д.-Д. Б. Базаров, М. В. Константинов, А. Б. Иметхенов [и др.]. – Новосибирск: Наука, 1982. – 161 с.
1982. Хамзина, Е. А. Археологические памятники Бурятии / Е. А. Хамзина. – Новосибирск: Наука, 1982. – 151 с.
1984. Асеев, И. В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений) / И. В. Асеев, И. И. Кириллов, Е. В. Ковычев. – Новосибирск: Наука, 1984. – 200 с.
1984. Ковычев, Е. В. История Забайкалья (I – сер. II тыс. н. э.) / Е. В. Ковычев. – Иркутск, 1984. – 81 с.
1985. Давыдова, А. В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье / А. В. Давыдова. – Ленинград: ЛГУ, 1985. – 111 с.
1986. Мазин, А. И. Таёжные писаницы Приамурья / А. И. Мазин. – Новосибирск: Наука, 1986. – 259 с.
1989. Тиваненко, А. В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы / А. В. Тиваненко. – Новосибирск, Наука, 1989. – 209 с.
1990. Тиваненко, А. В. Древнее наскальное искусство Бурятии: новые памятники / А. В. Тиваненко. – Новосибирск: Наука, 1990. – 208 с.
1991. Худяков, Ю. С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья / Ю. С. Худяков. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.
1992. Константинов, М. В. Исследователи древнего Забайкалья / М. В. Константинов. – Чита: ЧГПИ, 1992. – 52 с.
1992. Членова, Н. Л. Культура плиточных могил / Н. Л. Членова // Археология СССР. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – Москва, 1992.
1994. Тиваненко, А. В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху раннего средневековья / А. В. Тиваненко. – Новосибирск: Наука, 1994. – 150 с.
1994. Константинов, М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии / М. В. Константинов. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН; Чита: Чит. пед. ин-т, 1994. – 200 с.
1994. Мазин, А. И. Древние святилища Приамурья / А. И. Мазин. – Новосибирск: Наука, 1994. – 241 с.
1995. Давыдова, А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1. Иволгинское городище. Археологические памятники хунну / А. В. Давыдова. – Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 1995. – Вып. 1. – 92 с.
1996. Давыдова, А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2. Иволгинский могильник. Археологические памятники хунну / А. В. Давыдова. – Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 1996. – Вып. 2. – 176 с.
1997. Константинов, М. В. Оракулы веков: этюды об исследователях Сибири / М. В. Константинов. – Чита: ЗабГПУ, 1997. – 70 с.

1998. Миняев, С. С. Дырестуйский могильник / С. С. Миняев. – Санкт-Петербург: АзиатИКА, 1998. – 233 с.
1998. Цыбиктаров, А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья / А. Д. Цыбиктаров. – Улан-Удэ, 1998. – 288 с.
1998. Kirillov I., Derevanko A. The paleolithic of the Trans-Baikal area / I. Kirillov, A. Derevanko // The Paleolithic of Siberia: New Discoveries and Interpretations. – Urbana, 1998. – P. 137–150.
1999. Артемьев, А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. / А. Р. Артемьев; отв. ред. Н. В. Кочешков. – Владивосток: Приморский полиграф. комбинат, 1999. – 335 с.
1999. Коновалов, П. Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье) / П. Б. Коновалов. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1999. – 214 с.
1999. Лбова, Л. В. Древности Бурятии. Карта археологических памятников / Л. В. Лбова, Е. А. Хамзина. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1999. – 241 с.
2000. Бураев, А. И. Средневековое население Прибайкалья и Забайкалья по данным краниологии / А. И. Бураев. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2000. – 128 с.
2000. Гришин, Ю. С. Проблемы периодизации неолита и энеолита Прибайкалья и Забайкалья / Ю. С. Гришин. – Москва: Старый сад, 2000. – 128 с.
2000. Константинов, М. В. Древность и средневековье / М. В. Константинов, А. В. Константинов // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область: в 2 т. Т. 1. Общий очерк / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2000. – С. 133–147.
2000. Лбова, Л. В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья / Л. В. Лбова. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2000. – 240 с.
2000. Кириллов, И. И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье / И. И. Кириллов, Е. В. Ковычев, О. И. Кириллов. – Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 2000. – 176 с.
2001. Константинов, А. В. Древние жилища Забайкалья: палеолит, мезолит / А. В. Константинов. – Новосибирск: Наука, 2001. – 234 с.
2002. Константинов, М. В. Оракулы веков: этюды об исследователях Сибири / М. В. Константинов. – 2-е изд., испр. и доп. – Новосибирск: СО РАН, 2002. – 105 с.
2003. Асеев, И. В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла / И. В. Асеев. – Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 2003. – 208 с.
2003. Эйльбарт Н. В. Юлиан Доминикович Талько-Грынцевич – исследователь Забайкалья, 1850–1936 / Н. В. Эйльбарт; отв. ред. М. В. Константинов. – Москва: Наука, 2003. – 167 с.
2004. Орлов, Ю. С. История лесостепного Забайкалья (II в. до н. э. – X в. н. э.) / Ю. С. Орлов. – Чита: Формат, 2004. – 107 с.
2005. Дашибалов, Б. Б. На монголо-тюркском пограничье (этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века) / Б. Б. Дашибалов. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005. – 202 с.
2005. Ташак, В. И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты / В. И. Ташак. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005. – 130 с.
2006. Бураев, А. И. Антропология Прибайкалья и Забайкалья (древность и средневековье) / А. И. Бураев. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2006. – 210 с.
2006. Эйльбарт, Н. В. Портреты исследователей Забайкалья / Н. В. Эйльбарт. – Москва: Наука, 2006. – 244 с.
2008. Лбова, Л. В. Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья: формирование архетипов первобытной культуры / Л. В. Лбова, Е. Д. Жамбалтарова, В. П. Конев. – Новосибирск, 2008. – 248 с.
2011. Цыбиктаров, В. А. Петроглифы Забайкалья / В. А. Цыбиктаров; отв. ред. В. И. Молодин. – Улан-Удэ: БГУ, 2011. – 276 с.
2014. Мороз, П. В. Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья / П. В. Мороз. – Чита: ЗабГУ, 2014. – 182 с.

2016. Константинов, М. В. Таёжный Чикой на рубеже камня и бронзы / М. В. Константинов, Л. В. Екимова, С. Б. Верещагин; отв. ред. В. Я. Шумкин. – Чита: ЗабГУ, 2016. – 247 с.

2016. Ташак, В. И. Восточный комплекс палеолитического поселения Подзвонкая в Западном Забайкалье / В. И. Ташак. – Иркутск: Изд-во Ин-та географии им. Сочавы СО РАН, 2016. – 185 с.

2018. Разгильдеева, И. И. Планиграфический анализ жилищно-хозяйственных комплексов верхнего палеолита Забайкалья / И. И. Разгильдеева. – Чита: ЗабГУ, 2018. – 208 с.

Научно-популярные издания

1922. Половинкин, А. А. Что было на Чертовом бугре? (из истории первобытной культуры, с рисунками автора) / А. А. Половинкин. – Чита: Тип. объединённого союза кооперативов, 1922. – 16 с.

1966. Рижский, М. И. Из глубины веков: рассказы археолога о древнем Забайкалье / М. И. Рижский. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966. – 170 с.

1998. Константинов, М. В. Время и древности / М. В. Константинов. – Чита: ЗабГПУ, 1998. – 112 с.

1998. Константинов, М. В. «Нам надо преодолеть времен и мира дали...» / М. В. Константинов, К. О. Шлямов. – Чита: ЗабГПУ, 1998. – 63 с.

2005. Константинов, М. В. Времен и мира дали / М. В. Константинов, К. О. Шлямов. – 2-е изд., испр. и доп. – Новосибирск, 2005. – 82 с.

2006. Константинов, М. В. Обретение / М. В. Константинов. – Новосибирск: СО РАН, 2006. – 114 с.

2008. Константинов, М. В. Провинциальная археология / М. В. Константинов. – Чита: ЗабГГПУ, 2008. – 296 с.

2010. Константинов, М. В. И мысль ловлю на кончике пера. Вольные сочинения на свободные темы / М. В. Константинов. – Чита: ЗабГГПУ, 2010. – 100 с.

2011. Кириллов, И. И. Сквозь мглу тысячелетий и веков: рассказы археолога о забайкальских древностях / И. И. Кириллов. – Чита: ЗабГГПУ, 2011. – 140 с.

2013. Черенщиков, О. Ю. Камень на ладони / О. Ю. Черенщиков. – Чита: Экспресс-изд-во, 2013. – 236 с.

Путеводители, буклеты

1986. Памятники археологии Читинской области (западные районы): буклет / сост. М. В. Константинов [и др.]. – Чита, 1986.

1999. Палеоэкология человека Байкальской Азии (путеводитель к полевым экскурсиям Международного симпозиума «Геохимия ландшафтов, палеоэкология человека и этногенез»). – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1999. – 116 с.

2003. Под покровительством большого шамана. Археологическое путешествие по Забайкалью: путеводитель полевой экскурсии международного симпозиума «Древние культуры Азии и Америки» (г. Чита, 26 августа – 1 сентября 2003 г.) / М. В. Константинов [и др.]. – Чита: Экспресс-тип., 2003. – 53 с.

2016. Сухотинский георхеологический комплекс: научный путеводитель по палеолитическим памятникам Сухотинского георхеологического комплекса / Е. А. Филатов. – Чита: ЗабГУ, 2016. – 44 с.

Сборники

1929. Материалы Читинского краеведческого музея им. А. К. Кузнецова. Археология. – Иркутск; Чита: Власть труда, 1929. – Вып. 1. – 25 с.

1929. Памяти Алексея Кирилловича Кузнецова. – Чита: Печатное дело, 1929. – 75 с.

1959. Археологический сборник. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. – Вып. 1. – 131 с.
1971. 50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и интервентов: материалы науч. конф. / ред. А. П. Окладников [и др.]. – Чита, 1972. – 545 с.
1976. Окладников, А. П. История и культура Бурятии / А. П. Окладников. – Улан-Удэ: БурГИЗ, 1976. – 458 с.
1981. Новое в археологии Забайкалья / отв. ред. П. Б. Коновалов. – Новосибирск: Наука, 1981. – 79 с.
1983. По следам древних культур Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1983. – 150 с.
1985. Древнее Забайкалье и его культурные связи / отв. ред. П. Б. Коновалов. – Новосибирск: Наука, 1985. – 171 с.
1986. Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири: материалы Всесоюз. конф. (г. Улан-Удэ, 2–8 июня 1986 г.) / отв. ред. И. Н. Резанов [и др.]. – Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1986. – Ч. 1. – 118 с.; Ч. 2. – 101 с.
1987. Природная среда и древний человек в позднем антропогене / отв. ред. И. Н. Резанов. – Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1987. – 181 с.
1988. Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье / отв. ред. П. Б. Коновалов. – Улан-Удэ: БФ СО РАН СССР, 1988. – 156 с.
1988. Проблемы археологии Северной Азии (к 80-летию академика А. П. Окладникова): материалы XXXVIII Регион. археол. студ. конф. / отв. ред. И. И. Кириллов. – Чита: Обл. тип., 1988. – 183 с.
1989. Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века / отв. ред. Т. М. Михайлов. – Новосибирск: Наука, 1989. – 185 с.
1992. Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии / отв. ред. П. Б. Коновалов. – Новосибирск: Наука, 1992. – 161 с.
1992. Пётр Алексеевич Кропоткин: гуманист, учёный, революционер. – Чита: ЧГПИ, 1992. – 143 с.
1993. Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья / отв. ред. М. В. Константинов, Л. В. Лбова. – Новосибирск: Наука: Сиб. изд. фирма, 1993. – 138 с.
1994. География и экология Забайкалья / отв. ред. М. В. Константинов. – Чита, 1994. – Вып. 128. – 186 с.
1995. Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии / отв. ред. П. Б. Коновалов. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. – 130 с.
1995. Культурные традиции народов Сибири и Америки: преемственность и экология (горизонты комплексного изучения): материалы междунар. симпозиума (г. Чита, 30 июня – 6 июля 1994 г.). – Чита: ЧГПИ им. Н. Г. Чернышевского, 1995. – 150 с.
1996. Новые палеолитические памятники Забайкалья (к Всемирному археологическому интерконгрессу). – Чита: ЧГПИ им. Н. Г. Чернышевского, 1996. – 105 с.
1996. 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен: материалы междунар. конф. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996. – Ч. 1. – 204 с.; Ч. 2. – 133 с.
1996. Забайкалье: судьба провинции (к 100-летию областного краеведческого музея) / под ред. Н. Н. Закаблуковской [и др.]. – Чита, 1996. – 109 с.
1997. Народы Забайкалья: возрождение и развитие. – Чита: ЧГПИ им. Н. Г. Чернышевского, 1997. – 160 с.
1998. Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока: материалы XXXVIII Регион. археол.-этнограф. студ. конф., посвящённой 90-летию академика А. П. Окладникова. – Улан-Удэ, 1998. – 182 с.
1999. Геохимия ландшафтов, палеоэкология человека и этногенез: материалы международного симпозиума. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1999. – 580 с.
1999. Молодая археология и этнология Сибири: материалы XXXIX Регион. археол.-этнограф. студ. конф. – Чита: ЗабГПУ, 1999. – Ч. 1. – 156 с., Ч. 2. – 156 с.
1999. «...На пользу и развитие русской науки» / ред.-сост. М. В. Константинов, А. В. Константинов. – Чита: ЗабГПУ, 1999. – 160 с.

2000. Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: материалы междунар. конф. Т. 1. Археология. Этнология. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2000. – 367 с.
2000. Каменный век Южной Сибири и Монголии: теоретические проблемы и новые открытия / отв. ред. В. И. Ташак. – Улан-Удэ: БНЦ РАН, 2000. – 114 с.
2001. Бурятия: проблемы региональной истории и исторического образования. – Улан-Удэ: БГУ, 2001. – Ч. 1. – 168 с.
2001. Природные ресурсы Забайкалья и проблемы природопользования: материалы науч. конф. – Чита: ЧИПР СО РАН, 2001. – 531 с.
2001. Забайкалье: судьба провинции / отв. ред. Н. Н. Закаблукская. – Чита: Поиск, 2001. – 136 с.
2001. «Мы близимся к началу своему...»: история и культура Забайкалья: материалы науч. конф., посвящённой 150-летию Забайкальской области и города Читы. – Чита: ЗабГПУ, 2001. – 102 с.
2001. Бурятия: проблемы региональной истории и исторического образования. – Улан-Удэ: БГУ, 2001. – Ч. 1. – 168 с.
2002. Центральная Азия и Прибайкалье в древности / под ред. М. В. Константинова, А. Д. Цыбиктарова. – Улан-Удэ: БГУ, 2002. – 204 с.
2003. Культурно-исторические формы поведения человека / под ред. З. В. Мошкиной, Н. Н. Закаблукской. – Чита: Поиск, 2003. – 288 с.
2003. Человек. Среда. Время: материалы научных семинаров полевого лагеря «Студёное» / под ред. М. В. Константинова. – Чита: ЗабГПУ, 2003. – 197 с.
2004. Центральная Азия и Прибайкалье в древности / под ред. А. Д. Цыбиктарова. – Улан-Удэ: БГУ, 2004. – Вып. 2. – 208 с.
2005. «...На пользу и развитие русской науки» / ред.-сост. М. В. Константинов, А. В. Константинов. – Новосибирск: СО РАН, 2005. – 130 с.
2005. Палеолитические культуры Забайкалья и Монголии (новые памятники, методы, гипотезы) / отв. ред. Л. В. Лбова. – Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 2005. – 152 с.
2006. Записки Нерчинского краеведческого музея / гл. ред. А. Ю. Литвинцев. – Нерчинск: Нерчинская звезда, 2006. – Вып. 2. – 100 с.
2006. Молодая наука Забайкалья: аспирантский сборник. – Чита: ЗабГГПУ, 2006. – Ч. 1. – 240 с.
2007. Учёные записки «Кузнецовские чтения» / отв. ред. Н. Н. Закаблукская. – Чита: Поиск, 2007. – Вып. 1. – 184 с.
2009. Древнее Забайкалье: культура и природа / под ред. А. В. Константинова [и др.]. – Чита: ЗабГГПУ, 2009. – 143 с.
2010. Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы Междунар. науч. конф. (г. Улан-Удэ, 20–24 сентября 2010 г.) / под ред. А. Д. Цыбиктарова [и др.]. – Улан-Удэ: БГУ, 2010. – 358 с.
2013. Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы IV Междунар. науч. конф.: в 2 ч. (г. Чита, 13–19 сентября 2013 г.) / отв. ред. А. В. Константинов, М. В. Константинов. – Чита: ЗабГУ, 2013. – Ч. 1. – 374 с.; Ч. 2. – 328 с.
2016. Чита: история, наследие, перспективы: материалы городской науч.-практ. конф. (г. Чита, 18–19 мая 2016 г.) / ред. Н. Н. Константинова, И. Г. Куренная. – Чита: ЗабГУ, 2016. – 226 с.
2016. Сибирская археология и этнография: вклад молодых исследователей: материалы LVI Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных / отв. ред. А. В. Константинов, И. И. Разгильдеева. – Чита: ЗабГУ, 2016. – 317 с.
2017. Кириллов Игорь Иванович. Избранные труды / сост. О. А. Яремчук [и др.]. – Чита: ЗабГУ, 2017. – 225 с.
2018. Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы IX Междунар. науч. конф. (г. Улан-Удэ, 10–14 сентября 2018 г.): в 2 т. / отв. ред. Б. В. Базаров. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2018. – Т. 1. – 242 с.; Т. 2. – 232 с.

2019. Записки Забайкальского отделения Русского географического общества / отв. ред. А. В. Константинов. – Чита: ЗабГУ, 2019. – Вып. 136. – 247 с.

Учебные пособия. Методические рекомендации

1979. Кириллов, И. И. Восточное Забайкалье в древности и средневековье: учеб. пособие / И. И. Кириллов. – Иркутск: Иркут. ун-т, 1979. – 95 с.

1973. Кириллов, И. И. Очерки древней истории Забайкалья: учеб. пособие / И. И. Кириллов, М. И. Рижский. – Чита: Стат. Чит. обл., 1973. – 136 с.

1984. Ковычев, Е. В. История Забайкалья. I – сер. II тыс. н. э.: учеб. пособие / Е. В. Ковычев. – Иркутск: Чит. обл. тип., 1984. – 81 с.

1987. Как изучать археологические памятники: метод. рекомендации / сост. В. В. Черепанов. – Нерчинск, 1987.

1988. Методические рекомендации. В помощь руководителю кружка «Юный археолог» / сост. В. В. Черепанов. – Чита, 1988. – 25 с.

1993. Черенщиков, О. Ю. Очерки древней истории Шилки: пособие для учителей / О. Ю. Черенщиков; науч. ред. И. И. Кириллов. – Сретенск, 1993. – 34 с.

1999. Цыбиктаров, А. Д. Бурятия в древности. История (с древнейших времён до XVII века) / А. Д. Цыбиктаров. – Улан-Удэ: БГУ, 1999. – Вып. 3. – 266 с.

2000. Портнягина, И. Ю. Страницы древней истории Забайкалья: учеб. книга / И. Ю. Портнягина. – Чита: Поиск, 2000. – 128 с.

2001. Константинов, А. В. Забайкалье в панораме тысячелетий / А. В. Константинов, Н. Н. Константинова // География Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа: учеб. пособие. – Чита: Поиск, 2001. – С. 8–28.

2001. История Восточного Забайкалья. Читинская область: учеб. пособие / отв. ред. И. И. Кириллов. – Иркутск: ИГЭА, 2001. – 283 с.

2002. Константинов, А. В. Забайкалье в древности и средневековье / А. В. Константинов // История Забайкалья: с древнейших времён до 1917 года / А. В. Константинов, Н. Н. Константинова. – Чита: ЦНОП: ЗабГПУ, 2002. – С. 6–43.

2012. Археология Забайкалья: история, теория и методы исследования: учеб. пособие / М. В. Константинов [и др.]. – Чита: ЗабГГПУ, 2012. – 191 с.

2018. Портнягина-Купина, И. Ю. Забайкаловедение: история Забайкальского края с древнейших времён до начала XVI века / И. Ю. Портнягина-Купина. – Москва: Русское слово, 2018. – 112 с.

Энциклопедические издания

2000. Константинов, М. В. Древность и средневековье / М. В. Константинов, А. В. Константинов // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область: в 2 т. Т. 1. Общий очерк / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2000. – С. 133–147.

2011. Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2011. – 368 с.

Рефераты

Реферат на тему «Археология родного района»

Реферат обязателен для студентов второго курса, изучающих археологию Забайкалья. Район исследования определяется самими студентами. Чаще всего студенты выбирают тот район, где заканчивалась школа или же тот район, где предполагается работа учителем. Базовой книгой для написания реферата является «Малая энциклопедия Забайкалья: Археология» (Новосибирск: Наука, 2011. – 368 с.).

В начале работы рекомендуется познакомиться со статьёй о районе (Читинский, Шилкинский, Хилокский и т. д.) по «Энциклопедии Забайкалья: Читинская область», изданной в 4 т. (Новосибирск: Наука, 2000–2006). Эти статьи представлены на сайте «Энциклопедия Забайкалья». Расширенные статьи о районах опубликованы в «Малой энциклопедии Забайкалья. Власть и общество» в двух частях (Новосибирск: Наука, 2012–2013).

Дальнейший алгоритм действий с использованием «МЭЗ. Археология» следующий:

- цветная карта «Археологические памятники» (вклейка);
- изучение и конспектирование алфавитных статей, посвящённых памятникам района исследования с указанием вида памятника, географической позиции, хронологии, места в периодизации, определения характера и значения, принадлежности к археологической культуре или этносу, вклада исследователей. При изучении статей следует обращать внимание на рисунки и фотографии;
- «Тематический словник понятий» (с. 362–365) – с определением статей по всем указанным в нём разделам: «Термины и обобщающие понятия», «Этносы», «Археологические культуры» и т. д.;
- уточнение и расширение круга статей происходит с использованием *курсивов* во всех прочитанных статьях.

Конспект каждой статьи завершается построчной ссылкой на эту статью (например, Константинов М. В., 2011, С. 291–292). Полное библиографическое представление статьи вносится в *Список литературы* в конце реферата.

В том случае если район представлен единичными памятниками, рекомендуется привлечь памятники пограничных районов.

Реферат завершается обобщающим освещением истории района (с ориентировкой на знания старшеклассников). Для полноты освещения изучается раздел «Историческое наследие в археологических открытиях и эпохах» (МЭЗ. Археология, с. 12–40).

В заключение даётся Список литературы. Например:

Е. В. Ковычев. Иргенский острог. – МЭЗ. Археология. Новосибирск: Наука, 2011. – С. 142–143.

Список литературы должен соответствовать построчным ссылкам.

Итак, в реферате должны быть следующие разделы:

- общая характеристика района;
- характеристика памятников, культур, этносов, исследователей и т. д.;

– обобщённая характеристика истории района на основе археологических исследований от древности до последнего столетия;

– список литературы.

При написании реферата можно использовать дополнительную литературу.

Реферат должен иметь титульный лист с указанием автора, курса, темы.

Реферат должен быть рукописным и сопровождаться выверенным научным аппаратом.

Объём реферата – 30–40 с.

Порядок отчётности:

– реферат представляется руководителю для первоначальной проверки;

– доклад по реферату заслушивается на семинаре;

– реферат с дополнениями и исправлениями сдаётся руководителю для его оценки.

Темы творческих рефератов

1. Русские послы в Китай о народах Забайкалья.

2. Археологические исследования в деятельности академических экспедиций XVIII в.

3. Декабристы и археология.

4. Вклад горных инженеров в изучение забайкальских древностей.

5. Археологическое наследие А. К. Кузнецова.

6. Кяхтинские краеведы и археология.

7. Археология и научная деятельность П. А. Кропоткина и И. С. Полякова.

8. Археологические экспозиции забайкальских музеев (школьных, районных, окружных, краевых).

9. Археологические памятники Титовской сопки.

10. Вклад А. П. Окладникова в изучение забайкальских древностей.

11. Человек ледниковой эпохи на территории Забайкалья.

12. Достижения человека эпохи палеолита.

13. Забайкальские палеолитические охотники и собиратели.

14. Забайкалье в эпоху мезолита.

15. Археологические памятники неолитической эпохи.

16. Петроглифы Забайкалья.

17. Оленные камни и каменные изваяния.

18. Культуры и этносы Забайкалья в эпоху раннего средневековья.

19. Сяньби и кидани.

20. Древнемонгольские города в Забайкалье.

21. Тунгусская археология.

22. Русская археология Забайкалья.

23. Иргенский острог: история и археология.

24. Нерчинский острог: история и археология.

25. Археологические исследования памятников эпохи декабристов.

Заключение

Согласно современным представлениям, археология изучает историю человечества, начиная с глубокой древности до последних ста лет. Так, на год издания этого пособия ближняя граница полномочий археологов определяется 1920 г. Исследования археологов базируются прежде всего на изучении памятников материальной культуры, но при этом максимально привлекаются письменные источники, этнографические и другие данные.

Такой научный подход в полной мере применяется в археологии Забайкалья. Новейшими исследованиями доказывается, что человек в Забайкалье мог появиться в конце нижнего палеолита, примерно, 200–300 тыс. л. н. Выявлен характер всех последующих археологических эпох, таких как средний и верхний палеолит, мезолит, неолит, бронзовый и железный века. За последнюю четверть века получены археологические данные по истории русского, бурятского и тунгусского населения нового времени.

Изучение археологии Забайкалья позволяет глубже понять археологическую науку в целом, лучше подготовиться и стать более полезным при прохождении полевой практики.

Для определённой части студентов знакомство с археологией края определяет дальнейшую творческую судьбу. Они становятся профессиональными исследователями или квалифицированными краеведами и находят своё место в научных, педагогических и культурных учреждениях.

Изучение археологии даёт возможность осознать масштабность и разнообразие этнокультурного богатства как России в целом, так и Забайкальского края.

В пособии отражена смена исторических эпох – камня, металла, средневековья, нового времени и соответствующих им археологических культур, этносов. Дополняют текст персоналии исследователей и выдержки из научных публикаций. Завершает пособие программа учебного курса, список тем рефератов, а также список рекомендуемой литературы к курсу «Археология» и библиографический список. Рекомендуемая литература содержит списки защищённых по археологии Забайкалья диссертаций, монографий, сборников, путеводителей, статей. Обширный библиографический список предназначен для углублённого изучения материала, подготовки рефератов, курсовых, выпускных квалификационных работ, магистерских диссертаций. Надеемся, что и вы внесёте свой посильный вклад в изучение древней истории края, в просветительскую деятельность, в сохранение историко-культурного наследия края.

Библиографический список

1. 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен: материалы междунар. конф. / отв. ред. С. В. Данилов. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996. – Ч. 1. – 204 с.; Ч. 2. – 133 с.
2. Абрамова, З. А. Поздний палеолит Азиатской части СССР / З. А. Абрамова // Палеолит СССР. Серия «Археология СССР» / под ред. Б. А. Рыбакова. – Москва: Наука, 1984. – Т. 5. – С. 302–346.
3. Абрамова, З. А. Палеолит Северной Азии / З. А. Абрамова // Палеолит Кавказа и Северной Азии. – Ленинград: Наука, 1989. – Т. 3. – С. 145–242.
4. Алексеев, В. П. Антропология Азиатской части СССР / В. П. Алексеев, И. И. Гохман. – Москва: Наука, 1984. – 208 с.
5. Алексей Павлович Окладников: материалы к библиографии учёных СССР. Серия «История». – Москва, 1981. – Вып. 13. – 184 с.
6. Алкин, С. В. «Вал Чингисхана» / С. В. Алкин // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / под ред. Р. Ф. Гениатулина. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 86–87.
7. Алкин, С. В. Шилкинская система городищ / С. В. Алкин // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / под ред. Р. Ф. Гениатулина. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 349.
8. Антропологические исследования неолитических памятников Забайкалья (падь Токуй, Жиндо, Усть-Менза-2) / С. В. Васильев, С. В. Веселовская, Р. М. Галеев [и др.] // Сибирские исторические исследования. – 2018. – № 3. – С. 107–138.
9. Артемьев, А. Р. Иргенский острог / А. Р. Артемьев // Освоение Северной Пацифики. – Владивосток: ДВО РАН, 1996. – С. 212–228.
10. Артемьев, А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. (Историко-археологические исследования) / А. Р. Артемьев. – Владивосток: Приморский полиграф. комбинат, 1999. – 335 с.
11. Артемьев, А. Р. Новые исследования города монгольского хана Есунгу в Забайкалье XIII–XIV вв. / А. Р. Артемьев // Древняя и средневековая история Восточной Азии (к 1300-летию образования государства Бохай): материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. А. Р. Артемьев. – Владивосток: ДВО РАН, 2001. – С. 253–265.
12. Артемьев, А. Р. Новые исследования древнемонгольских городов Восточного Забайкалья / А. Р. Артемьев // Вестник Дальневосточного отделения РАН. – 2005. – № 2.
13. Археологические исследования в Сретенском районе в 2007–2008 гг. / С. В. Алкин, С. Г. Васильев, В. В. Нестеренко [и др.] // Сретенский район: история и современность / гл. ред. О. Ю. Черенщиков. – Чита: Экспресс-изд-во, 2010. – Вып. 2. – С. 31–36.
14. Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии: сборник научных трудов / отв. ред. П. Б. Коновалов. – Новосибирск: Наука, 1992. – 161 с.
15. Асеев, И. В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений) / И. В. Асеев, И. И. Кириллов, Е. В. Ковычев. – Новосибирск: Наука, 1984. – 200 с.
16. Асеев, И. В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла / И. В. Асеев. – Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 2003. – 208 с.
17. Бичурин, Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Н. Я. Бичурин (Иакинф). – Москва; Ленинград, 1950. – Т. 1. – 382 с.; Т. 2. – 334 с.; 1953. – Т. 3. – 328 с.
18. Болтунов, А. Г. Памятники русской археологии на территории Читинской области / А. Г. Болтунов // Проблемы археологии Северной Азии: материалы XXVIII Реги-

- он. археол. студ. конф. (г. Чита, 28–30 марта 1988 г.). – Чита: Чит. обл. тип., 1988. – С. 128–130.
19. Бувит, Й. Российско-американо-японские археологические исследования / Й. Бувит, М. Изухо, М. В. Константинов // Малая энциклопедия Забайкалья. Международные связи. – Новосибирск: Наука, 2012. – С. 536–537.
20. Букштынович, А. Г. Изучение и охрана памятников, связанных с жизнью и деятельностью декабристов / А. Г. Букштынович, А. Т. Сокольский // Декабристы и Сибирь. – Новосибирск: Наука, 1977. – С. 238–248.
21. Василевич, Г. М. Эвенки: историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.) / Г. М. Василевич. – Ленинград: Наука, 1969. – 303 с.
22. Верещагин, С. Б. Основные итоги изучения участка поселения Старая Чита (ул. Селенгинская 20) / С. Б. Верещагин // Материалы научно-практической конференции, посвящённой 190-летию восстания декабристов и 30-летию музея декабристов. – Чита: Чит. тип., 2018. – С. 112–117.
23. Ветров, В. М. Древнейшая керамика на Витиме. Некоторые вопросы датирования и периодизации в каменном веке Восточной Азии / В. М. Ветров // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф. – Улан-Удэ: БГУ, 2010. – С. 37–44.
24. Владимирцов, Б. Я. Чингис-хан / Б. Я. Владимирцов. – Улан-Удэ, 1995. – 109 с.
25. Воробьев, М. В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времён до IX в. включительно) / М. В. Воробьев. – Владивосток: Дальнаука, 1994. – 410 с.
26. Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья / Д.-Д. Б. Базаров, М. В. Константинов, А. Б. Иметхенов [и др.]. – Новосибирск: Наука, 1982. – 161 с.
27. Герасимов, М. М. Раскопки Фофановского могильника в 1959 году / М. М. Герасимов, Е. Н. Черных // Первобытная археология Сибири. – Ленинград, 1975. – С. 23–48.
28. Гохман, И. И. Антропологические материалы из плиточных могил Забайкалья / И. И. Гохман // Музей археологии и этнографии. – 1958. – Т. 18. – С. 428–443.
29. Гришин, Ю. С. Древние памятники среднего течения р. Онона / Ю. С. Гришин // Монгольский археологический сборник. – Москва: АН СССР, 1962. – С. 75–110.
30. Гришин, Ю. С. О плиточных могилах Восточного Забайкалья / Ю. С. Гришин // Советская археология. – 1968. – № 1. – С. 179–183.
31. Гришин, Ю. С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья / Ю. С. Гришин. – Москва: Наука, 1975. – 133 с.
32. Гришин, Ю. С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья / Ю. С. Гришин. – Москва: Наука, 1981. – 201 с.
33. Гришин, Ю. С. Проблемы периодизации неолита и энеолита Прибайкалья и Забайкалья / Ю. С. Гришин. – Москва: Старый сад, 2000. – 128 с.
34. Громов, В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит) / В. И. Громов. – Москва: АН СССР, 1948. – Вып. 64. – 521 с.
35. Гумилев, Л. Н. Хунну. Срединная Азия в древние времена / Л. Н. Гумилев. – Москва: Изд-во Вост. лит., 1960. – 292 с.
36. Гумилев, Л. Н. Древние тюрки / Л. Н. Гумилев. – Москва: Изд-во Вост. лит., 1967. – 504 с.
37. Гумилев, Л. Н. Хунну. Степная трилогия / Л. Н. Гумилев. – Санкт-Петербург: Тайм-Аут – Компасс, 1993. – 220 с.
38. Гумилев, Л. Н. Поиски вымышленного царства. Легенда о «государстве» пресвитера Иоанна / Л. Н. Гумилев. – Москва: Танаис: Ди-Дик, 1994. – 480 с.
39. Давыдова, А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1. Иволгинское городище. Археологические памятники хунну / А. В. Давыдова. – Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 1995. – Вып. 1. – 92 с.
40. Давыдова, А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2. Иволгинский могильник. Археологические памятники хунну / А. В. Давыдова. – Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 1996. – Вып. 2. – 176 с.

41. Дашибалов, Б. Б. На монголо-тюркском пограничье (этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века) / Б. Б. Дашибалов. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005. – 202 с.
42. Деревянко, А. П. В поисках оленя Золотые Рога / А. П. Деревянко. – Москва: Советская Россия, 1985. – 216 с.
43. Деревянко, Е. И. Племена Приамурья. I тыс. до н. э. (очерки этнической истории и культуры) / Е. И. Деревянко. – Новосибирск: Наука, 1981. – 333 с.
44. Диков, Н. Н. Бронзовый век Забайкалья / Н. Н. Диков. – Улан-Удэ, 1958. – 123 с.
45. Древнее Забайкалье и его культурные связи / отв. ред. П. Б. Коновалов. – Новосибирск: Наука, 1985. – 171 с.
46. Древнее Забайкалье: культура и природа: сб. ст. / редкол. А. В. Константинов [и др.]. – Чита: ЗабГГПУ, 2009. – 143 с.
47. Древнемонгольские города / С. В. Киселев, Л. А. Евтюхова, Л. Р. Кызласов [и др.]. – Москва: Наука, 1965. – 369 с.
48. Дроботушенко, Е. В. Чикойский Иоанно-Предтеченский монастырь / Е. В. Дроботушенко, А. В. Филимонов // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Г. Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2001. – С. 335–337.
49. Евтюхова, Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии / Л. А. Евтюхова // Материалы и исследования по археологии СССР. – Москва: АН СССР, 1952. – Т. 24. – С. 72–120.
50. Забайкалье в геополитике России: материалы междунар. симпозиума «Древние культуры Азии и Америки» (Чита, 26 августа – 1 сентября 2003 г.). – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2003. – 107 с.
51. Завалишин Д. И. Воспоминания / Д. И. Завалишин. – Москва: Захаров, 2003. – 608 с.
52. Записки Нерчинского краеведческого музея / гл. ред. А. Ю. Литвинцев. – Нерчинск: Тип. газеты «Нерчинская звезда», 2006. – Вып. 2. – 99 с.
53. Ивашина, Л. Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии / Л. Г. Ивашина. – Новосибирск: Наука, 1979. – 155 с.
54. История Сибири с древнейших времён до наших дней: в 5 т. Т. 1. Древняя Сибирь. – Ленинград: Наука, 1968. – 454 с.
55. Каменный век Южной Сибири и Монголии: теоретические проблемы и новые открытия: сб. ст. / отв. ред. В. И. Ташак. – Улан-Удэ: БНЦ РАН, 2000. – 114 с.
56. Карасев, В. В. Кайнозой Забайкалья / В. В. Карасев. – Чита: Экспресс-изд-во, 2002. – 128 с.
57. Кирилов, Н. В. Несколько указаний на археологические остатки в Верхнеудинском округе / Н. В. Кирилов // Известия Восточно-Сибирского отделения Императорского русского географического общества. – 1897. – Т. 28, № 2. – С. 136–143.
58. Кириллов И. И. Восточное Забайкалье в древности и средневековье: учеб. пособие. – Иркутск: Иркут. ун-т, 1979. – 95 с.
59. Кириллов, И. И. Сяньбийские граффити на бересте из могильника Зоргол-1 / И. И. Кириллов, Е. В. Ковычев, А. Ю. Литвинцев // Древняя и средневековая история Восточной Азии (к 1300-летию образования государства Бохай): материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. А. Р. Артемьев [и др.]. – Владивосток: ДВО РАН, 2001. – С. 266–272.
60. Кириллов, И. И. Киданьские древности Приаргунья / И. И. Кириллов, Е. В. Ковычев // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии / отв. ред. Н. Н. Крадин. – Владивосток: ДВО РАН, 2002. – С. 245–252.
61. Кириллов, И. И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье / И. И. Кириллов, Е. В. Ковычев, О. И. Кириллов. – Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 2000. – 176 с.
62. Кириллов, И. И. Очерки древней истории Забайкалья: учеб. пособие / И. И. Кириллов, М. И. Рижский. – Чита: Статуправл. Чит. обл., 1973. – 136 с.
63. Кириллов, О. И. Исследование памятников первого тысячелетия до н. э. в долине р. Нерчи / О. И. Кириллов, А. Ю. Литвинцев // Записки Нерчинского краеведческо-

го музея / гл. ред. А. Ю. Литвинцев. – Нерчинск: Тип. газеты «Нерчинская звезда», 2006. – Вып. 2. – С. 8–35.

64. Киселев, С. В. Древние города Забайкалья / С. В. Киселев // Советская археология. – 1958. – № 4. – С. 107–119.

65. Ковычев, Е. В. История Забайкалья. I – сер. II тыс. н. э.: учеб. пособие / Е. В. Ковычев. – Иркутск: Чит. обл. тип., 1984. – 81 с.

66. Ковычев, Е. В. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в кон. I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. / Е. В. Ковычев // Известия лаборатории древних технологий. – 2006. – Вып. 4. – С. 242–258.

67. Ковычев, Е. В. Старорусское поселение Засопошное: археологическая оценка периферии Читинского плотбища (Читинска) / Е. В. Ковычев // Чита: история, наследие, перспективы: материалы городской науч.-практ. конф. (г. Чита, 18–19 мая 2016 г.). – Чита: ЗабГУ, 2016. – С. 10–17.

68. Ковычев, Е. В. Шивэйское городище Проезжая 1 на реке Шилке / Е. В. Ковычев, А. В. Харинский, Н. Н. Крадин // Известия лаборатории древних технологий. – 2018. – Т. 14, № 4. – С. 78–102.

69. Кольцов, Л. В. Мезолит Юга Сибири и Дальнего Востока / Л. В. Кольцов, Г. И. Медведев // Мезолит СССР. – Москва: Наука, 1989. – С. 174–186.

70. Коновалов, П. Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники) / П. Б. Коновалов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 220 с.

71. Коновалов, П. Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье) / П. Б. Коновалов. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1999. – 214 с.

72. Константинов, А. В. Древние жилища Забайкалья: палеолит, мезолит / А. В. Константинов. – Новосибирск: Наука, 2001. – 234 с.

73. Константинов, А. В. «Чингисов камень» / А. В. Константинов // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Г. Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 337–338.

74. Константинов, А. В. Археологические работы на территории церкви Успения Пресвятой Богородицы в селе Калинино Забайкальского края / А. В. Константинов // Гуманитарный вектор. – 2017. – Т. 12, № 4. – С. 128–135.

75. Константинов, А. В. Забайкалье в панораме тысячелетий / А. В. Константинов, Н. Н. Константинова // География Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа: учеб. пособие / В. З. Багова [и др.]. – Чита: Поиск, 2001. – С. 8–28.

76. Константинов, А. В. Забайкалье в древности и средневековье / А. В. Константинов // История Забайкалья (с древнейших времён до 1917 года) / А. В. Константинов, Н. Н. Константинова. – Чита: ЦНОП: ЗабГПУ, 2002. – С. 6–43.

77. Константинов, А. В. Археогеофизические исследования на территории Нерчинского острога / А. В. Константинов, В. В. Оленченко // Записки Забайкальского отделения Русского географического общества / отв. ред. А. В. Константинов. – Чита: ЗабГУ, 2019. – Вып. 136. – С. 49–57.

78. Константинов, А. В. Новая таёжная писаница Забайкалья: на перекрестках времени и пространства / А. В. Константинова, И. А. Пономарева // Гуманитарный вектор. – 2019. – Т. 14, № 6. – С. 15–27.

79. Константинов, М. В. Палеолитические памятники в долине р. Хилок (разведка 1971 г.) / М. В. Константинов // Археология Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 40–48.

80. Константинов, М. В. Исследователи древнего Забайкалья / М. В. Константинов. – Чита: ЧГПИ, 1992. – 52 с.

81. Константинов, М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии / М. В. Константинов. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН; Чита: Чит. пед. ин-т, 1994. – 200 с.

82. Константинов, М. В. Оракулы веков: этюды об исследователях Сибири / М. В. Константинов. – Чита: ЗабГПУ, 1997. – 70 с.

83. Константинов, М. В. Время и древности / М. В. Константинов. – Чита: ЗабГПУ, 1998. – 111 с.

84. Константинов, М. В. Оракулы веков: этюды об исследователях Сибири / М. В. Константинов. – 2-е изд., испр. и доп. – Новосибирск: СО РАН, 2002. – 105 с.
85. Константинов, М. В. Обретение / М. В. Константинов. – Новосибирск: СО РАН, 2006. – 114 с.
86. Константинов, М. В. Провинциальная археология / М. В. Константинов. – Чита: ЗабГГПУ, 2008. – 296 с.
87. Константинов, М. В. Олений камень как гуманистический символ древних этносов / М. В. Константинов // Известия Иркутского государственного университета. – 2015. – № 15. – С. 18–24.
88. Константинов, М. В. Возраст древнейшей керамики Забайкалья: реальный и абсурдный / М. В. Константинов // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики: материалы междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 24–27 мая 2016 г.). – Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2016. – С. 183–186.
89. Константинов, М. В. Оленные камни / М. В. Константинов, Д. М. Дашилхаматов // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2011. – С. 233–235.
90. Константинов, М. В. Красочное стадо бизонов в гроте Шаман-Горы / М. В. Константинов, Л. В. Екимова, С. Б. Верещагин // Труды II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. – Москва: ИА РАН, 2008. – Т. 3. – С. 45–49.
91. Константинов, М. В. Мустьерские памятники Забайкальского края / М. В. Константинов, В. К. Колосов // Мустье Забайкалья, загадочные доги и другие древности Тихоокеанских стран. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. – С. 27–37.
92. Константинов, М. В. Древности реки Чикой (на северных границах Монголии) / М. В. Константинов, В. Ф. Немеров // Археология и этнография Монголии. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 181–197.
93. Константинов, М. В. Времен и мира дали / М. В. Константинов, К. О. Шлямов. – 2-е изд., испр. и доп. – Новосибирск, 2005. – 82 с.
94. Константинов, М. В. Таёжный Чикой на рубеже камня и бронзы / М. В. Константинов, Л. В. Екимова, С. Б. Верещагин. – Чита: ЗабГУ, 2016. – 247 с.
95. Константинова, Т. А. История горнозаводского образования в Забайкалье (XVIII – начало XX в.) / Т. А. Константинова. – Новосибирск: Наука, 2010. – 168 с.
96. Коробкова, Г. Ф. Егоркина пещера (неолитический комплекс) / Г. Ф. Коробкова, Л. В. Семина // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. – Новосибирск: Наука: Сиб. изд. фирма, 1993. – С. 88–98.
97. Кочмар, Н. Н. Писаницы Якутии / Н. Н. Кочмар. – Новосибирск: ИАЭТ, 1994. – 263 с.
98. Крадин, Н. Н. Кочевые общества / Н. Н. Крадин. – Владивосток: Дальнаука, 1996. – 164 с.
99. Крадин, Н. Н. Империя Хунну / Н. Н. Крадин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Логос, 2002. – 312 с.
100. Крадин, Н. Н. Империя Чингис-хана / Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. – Москва: Вост. лит., 2006. – 557 с.
101. Крадин, Н. П. Забайкальские фортеции / Н. П. Крадин // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток: ДВО РАН, 2002. – С. 305–323.
102. Крадин, Н. П. Архитектурные памятники Кондуя / Н. П. Крадин // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток: ДВО РАН, 2002. – С. 233–244.
103. Кропоткин, П. А. Исследования о ледниковом периоде / П. А. Кропоткин // Записки Императорского русского географического общества по общей географии. – Санкт-Петербург: Тип. Стасюлевича, 1876. – Т. 7. – 839 с.
104. Кузнецов, А. К. Развалины Кондуйского городка и его окрестности / А. К. Кузнецов // Записки Забайкальского отделения Государственного географического общества. – Владивосток: Книжное дело, 1925. – Вып. 16. – 63 с.

105. Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии: сб. ст. / отв. ред. П. Б. Коновалов. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. – 130 с.
106. Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья: сб. ст. / отв. ред. М. В. Константинов, Л. В. Лбова. – Новосибирск: Наука: Сиб. изд. фирма, 1993. – 138 с.
107. Кызласов, Л. Р. Средневековые памятники Западного Забайкалья (IX–X вв.) / Л. Р. Кызласов // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. – Москва: Наука, 1981. – С. 59–61.
108. Ларичев, В. Е. Палеолит Северной, Центральной, и Восточной Азии / В. Е. Ларичев. – Новосибирск, 1969. – Ч. 1. – 390 с.; 1972. – Ч. 2. – 415 с.
109. Ларичев, В. Е. Озерный неолит и ранняя бронза Восточного Забайкалья: стоянки в районе озёр Иргень и Кенон / В. Е. Ларичев // Сибирский археологический сборник: материалы по истории Сибири. Вып. 2. Древняя Сибирь. – Новосибирск, 1966. – С. 94–128.
110. Лбова, Л. В. Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья: формирование архетипов первобытной культуры / Л. В. Лбова, Е. Д. Жамбалтарова, В. П. Конев. – Новосибирск: ИАЭТ, 2008. – 247 с.
111. Лебедев, Г. С. История отечественной археологии (1700–1917 гг.) / Г. С. Лебедев. – Санкт-Петербург: СПбУ, 1992. – 464 с.
112. Мазин, А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX в.) / А. И. Мазин. – Новосибирск: Наука, 1984. – 200 с.
113. Мазин, А. И. Палеолитические наскальные рисунки в Восточном Забайкалье / А. И. Мазин // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск, 1985. – С. 17–24.
114. Мазин, А. И. Таёжные писаницы Приамурья / А. И. Мазин. – Новосибирск: Наука, 1986. – 259 с.
115. Мазин, А. И. Древние святилища Приамурья / А. И. Мазин. – Новосибирск: Наука, 1994. – 241 с.
116. Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2011. – 368 с.
117. Мамкин, А. М. Новелла о курганах-керексурах на территории восточной провинции Байкальской Азии / А. М. Мамкин, В. Е. Белоусов // Гуманитарный вектор. – 2019. – Т. 14, № 6. – С. 28–46.
118. Мамонова, Н. Н. Новые находки неолитических черепов в Забайкалье / Н. Н. Мамонова // Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры. – Улан-Удэ, 1957. – № 23. – С. 118–135.
119. Мамонова, Н. Н. Кочевники Забайкалья в IX–XIII вв. по данным палеоантропологии / Н. Н. Мамонова // Труды Института этнографии. – Москва, 1961. – Т. 71, вып. 3. – С. 207–241.
120. Материалы Читинского краеведческого музея им. А. К. Кузнецова. Археология. – Иркутск; Чита, 1929. – Вып. 1. – 25 с.
121. Миллер, Г. Ф. История Сибири: в 2 т. / Г. Ф. Миллер. – Москва: Вост. лит.: РАН, 1999. – Т. 1. – 630 с.; Т. 2. – 795 с.
122. Минерт, Л. К. Монгольское градостроительство XIII–XIV вв. / Л. К. Минерт // Центральная Азия и соседние территории в средние века. – Новосибирск, 1990. – С. 89–105.
123. Михалкин, И. И. Алексей Кириллович Кузнецов как археолог / И. И. Михалкин // Памяти Алексея Кирилловича Кузнецова. – Чита: Печатное дело, 1929. – С. 57–65.
124. Могильников, В. А. Хунну Забайкалья / В. А. Могильников // Археология СССР. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – Москва: Наука, 1992. – С. 254–273.
125. Молодая археология и этнология Сибири: материалы XXXIX Регион. археол.-этнограф. студ. конф. (г. Чита, 14–16 апреля 1999 г.). – Чита: ЗабГПУ, 1999. – Ч. 1. – 156 с.; Ч. 2. – 156 с.

126. Монгольский могильник середины XIII – начала XV вв. Окошки 1 в Юго-Восточном Забайкалье: конструктивные и антропологические аспекты / А. В. Харинский, М. П. Рыкун, Е. В. Ковычев, Н. Н. Крадин // *Stratum. Генуэзская Газария и Золотая Орда.* – 2019. – Т. 2. – С. 69–106.
127. «...На пользу и развитие русской науки»: сб. ст. / ред.-сост. М. В. Константинов, А. В. Константинов. – Чита: ЗабГПУ, 1999. – 160 с.
128. «...На пользу и развитие русской науки»: сб. ст. / ред.-сост. М. В. Константинов, А. В. Константинов. – 2-е изд. доп. и перераб. – Новосибирск: СО РАН, 2005. – 130 с.
129. Новое в археологии Забайкалья: сб. ст. / отв. ред. П. Б. Коновалов. – Новосибирск: Наука, 1981. – 79 с.
130. Новые палеолитические памятники Забайкалья (к Всемирному археологическому интерконгрессу, 1996): сб. ст. / отв. ред. М. В. Константинов. – Чита: Чит. пед. ин-т, 1996. – 105 с.
131. Озерский, А. Д. Очерк геологии, минералогических богатств и горного промысла Забайкалья / А. Д. Озерский. – Санкт-Петербург, 1867. – 90 с.
132. Окладников, А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.) / А. П. Окладников. – Ленинград: Соцэкгиз, 1937. – 431 с.
133. Окладников, А. П. Олений камень с р. Иволги / А. П. Окладников // *Советская археология.* – 1954. – Т. 19. – С. 207–220.
134. Окладников, А. П. Эпоха первобытнообщинного строя на территории Бурят-Монголии / А. П. Окладников // *История Бурят-Монгольской АССР.* – Улан-Удэ, 1951. – Т. 1. – С. 29–48.
135. Окладников, А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: историко-археологическое исследование / А. П. Окладников // *Материалы и исследования по археологии СССР.* – Москва; Ленинград: АН СССР, 1950.
136. Окладников, А. П. Бурхотуйская культура железного века в Юго-Западном Забайкалье / А. П. Окладников // *Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института.* – Улан-Удэ, 1960. – Вып. 3. – С. 16–29.
137. Окладников, А. П. Шилкинская пещера – памятник древней культуры верхневьев Амура / А. П. Окладников // *Труды Дальневосточной археологической экспедиции. Т. 1. Древние культуры Дальнего Востока* – Москва; Ленинград: АН СССР, 1960. – С. 5–71.
138. Окладников, А. П. Олень Золотые рога: рассказы об охоте за наскальными рисунками / А. П. Окладников. – Ленинград; Москва: Искусство, 1964. – 135 с.
139. Окладников, А. П. Древнее Забайкалье (культурно-исторический очерк) / А. П. Окладников // *Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 2. Забайкалье.* – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 6–20.
140. Окладников, А. П. История и культура Бурятии: сб. ст. / А. П. Окладников. – Улан-Удэ: БурГИЗ, 1976. – 458 с.
141. Окладников, А. П. Петроглифы Забайкалья / А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. – Ленинград: Наука, 1969. – Ч. 1. – 219 с.; 1970. – Ч. 2. – 264 с.
142. Окладников, А. П. Археологические исследования в бассейне Амура в 1954 г. / А. П. Окладников, В. Е. Ларичев // *Традиционные культуры Восточной Азии.* – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. ун-та, 1999. – Вып. 2. – С. 4–29.
143. Окладников, А. П. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы / А. П. Окладников, И. И. Кириллов. – Новосибирск: Наука, 1980. – 175 с.
144. Окладников, А. П. Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья / А. П. Окладников, А. И. Мазин. – Новосибирск: Наука, 1976. – 189 с.
145. Орлов, Ю. С. История лесостепного Забайкалья (II в. до н. э. – X в. н. э.) / Ю. С. Орлов. – Чита: Формат, 2004. – 107 с.
146. Окладников, А. П. Ранняя история Забайкалья в свете новых исследований: итоги и проблемы / А. П. Окладников // *50 лет освобождения от белогвардейцев и иностранных интервентов: материалы науч. конф. (г. Чита, 24–25 июня 1971 г.).* – Чита, 1972. – С. 21–30.

147. Павлуцкий, А. И. Краткое описание так называемых чудских древностей, имеющих вблизи Кличкинского серебро-свинцового рудника, с указанием нахождения их в других местах Нерчинского горного округа / А. И. Павлуцкий // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. – Иркутск, 1867.
148. Палеолитические культуры Забайкалья и Монголии (новые памятники, методы, гипотезы) / отв. ред. Л. В. Лбова. – Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 2005. – 152 с.
149. Памятники археологии Читинской области (западные районы): буклет / сост. М. В. Константинов [и др.]. – Чита, 1986.
150. Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье: сб. ст. / отв. ред. П. Б. Коновалов. – Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1988. – 156 с.
151. Пограничные сооружения киданей в Забайкалье / А. В. Луньков, А. В. Харинский, Н. Н. Крадин, Е. В. Ковычев // Известия лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2009. – Вып. 7. – С. 155–172.
152. Погребальный ритуал населения Юго-Восточного Забайкалья во II тыс. н. э.: по материалам могильника Окошки / А. В. Харинский, Е. В. Ковычев, Н. Н. Крадин [и др.] // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф. (г. Улан-Удэ, 20–24 сентября 2010 г.). – Улан-Удэ: БГУ, 2010. – С. 247–250.
153. Под покровительством Большого Шамана: археологическое путешествие по Забайкалью: путеводитель по полевой экскурсии международного симпозиума «Древние культуры Азии и Америки» (г. Чита, 26 августа – 1 сентября 2003 г.) / М. В. Константинов, А. В. Константинов, С. Г. Васильев [и др.]. – Чита: Экспресс-тип., 2003. – 53 с.
154. Половинкин, А. А. Что было на Чертовом бугре? (из истории первобытной культуры, с рисунками автора) / А. А. Половинкин. – Чита, 1922. – 16 с.
155. Пономарева, И. А. Исследование памятников наскального искусства в Забайкальском крае в 2017 г. / И. А. Пономарева // Гуманитарный вектор. – 2018. – Т. 13, № 6. – С. 82–93.
156. Попов, А. В. Очерк палеоэтнологических исследований и достижений за 75 лет (1851–1926 гг.) / А. В. Попов // Известия Восточно-Сибирского отделения Государственного русского географического общества. – 1927. – Т. 50. – С. 43–59.
157. По следам древних культур Забайкалья: сб. ст. / отв. ред. П. Б. Коновалов. – Новосибирск: Наука, 1983. – 150 с.
158. Природная среда и древний человек в позднем антропогене: материалы конф. / отв. ред. И. Н. Резанов. – Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1987. – 181 с.
159. Проблемы археологии Северной Азии (к 80-летию академика А. П. Окладникова): материалы XXVIII Регион. археол. студ. конф. (г. Чита, 28–30 марта 1988 г.). – Чита: Обл. тип., 1988. – 183 с.
160. Разгильдеева, И. И. Планиграфический анализ жилищно-хозяйственных комплексов верхнего палеолита Забайкалья / И. И. Разгильдеева. – Чита: ЗабГУ, 2018. – 208 с.
161. Раскопки Хирхирина городского городища в Юго-Восточном Забайкалье / Н. Н. Крадин, С. Е. Бакшеева, Е. В. Ковычев [и др.] // Stratum. Генуэзская Газария и Золотая Орда. – 2019. – Т. 2. – С. 107–130.
162. Рижский, М. И. Из глубины веков: рассказы археолога о древнем Забайкалье / М. И. Рижский. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966. – 170 с.
163. Румянцев, Г. Н. Прибайкалье в эпоху древних и средневековых государств Центральной Азии / Г. Н. Румянцев // История Бурят-Монгольской АССР. – Улан-Удэ, 1951. – Т. 1. – 574 с.
164. Семина, Л. В. Кристинкина пещера – памятник раннего металла Южного Забайкалья / Л. В. Семина // По следам древних культур Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 61–70.
165. Сокровенное сказание монголов / пер. С. А. Козина. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1990. – 465 с.

166. Ступников, Р. Н. Плиточные могилы у ст. Оловянной Читинской области / Р. Н. Ступников // Древняя Сибирь. Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974. – С. 104–109.
167. Уваров, А. С. Археология России. Каменный период / А. С. Уваров. – Москва: Синодальная тип., 1881. – Т. 1. – 440 с.
168. Филатов, Е. А. Сухотинский геoarхеологический комплекс: научный путеводитель по палеолитическим памятникам Сухотинского геoarхеологического комплекса / Е. А. Филатов. – Чита: ЗабГУ, 2016. – 44 с.
169. Формозов, А. А. Страницы истории русской археологии / А. А. Формозов. – Москва: Наука, 1986. – 240 с.
170. Формозов, А. А. Русское общество и охрана памятников культуры / А. А. Формозов. – Москва: Сов. Россия, 1990. – 112 с.
171. Формозов, А. А. К датировке Восточно-Сибирских писаниц / А. А. Формозов // Пётр Алексеевич Кропоткин: гуманист, учёный, революционер: материалы Всерос. науч. конф. – Чита: ЧГПИ, 1992. – С. 50–51.
172. Хабаков, А. В. Очерки по истории геолого-разведочных знаний в России (материалы для истории геологии). – Москва: Изд-во Моск. о-ва испытателей природы, 1950. – Ч. 1. – 212 с.
173. Хамзина, Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья (поздние кочевники) / Е. А. Хамзина. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. – 142 с.
174. Хлобыстин, Л. П. Бронзовый век Восточной Сибири / Л. П. Хлобыстин // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – Москва: Наука, 1987. – С. 327–342.
175. Хлобыстин, Л. П. Неолит Забайкалья / Л. П. Хлобыстин, М. В. Константинов // Неолит Северной Евразии. – Москва: Наука, 1996. – С. 306–309.
176. Центральная Азия и Прибайкалье в древности: сб. ст. / под ред. М. В. Константинова, А. Д. Цыбиктарова. – Улан-Удэ: БГУ; Чита, 2002. – Вып. 1. – 204 с.
177. Центральная Азия и Прибайкалье в древности: сб. ст. / под ред. А. Д. Цыбиктарова. – Улан-Удэ: БГУ, 2004. – Вып. 2. – 208 с.
178. Цыбиктаров, А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья / А. Д. Цыбиктаров. – Улан-Удэ: БГУ, 1998. – 288 с.
179. Цыбиктаров, А. Д. Бурятия в древности. История (с древнейших времён до XVII века) / А. Д. Цыбиктаров. – Улан-Удэ: БГУ, 1999. – Вып. 3. – 266 с.
180. Цыбиктаров, А. Д. Этнокультурные процессы в Юго-Западном Забайкалье в эпоху поздней бронзы и раннего железа / А. Д. Цыбиктаров // Известия лаборатории древних технологий. – 2018. – Т. 14, № 4. – С. 42–63.
181. Цыбиктаров, В. А. Петроглифы Забайкалья / В. А. Цыбиктаров; отв. ред. В. И. Молодин. – Улан-Удэ: БГУ, 2011. – 276 с.
182. Человек. Среда. Время: материалы научных семинаров полевого лагеря «Студёное» / под ред. М. В. Константинова. – Чита: ЗабГПУ, 2003. – 197 с.
183. Членова, Н. Л. Культура плиточных могил / Н. Л. Членова // Археология СССР. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – Москва: Наука, 1992. – С. 247–253.
184. Эйльбарт, Н. В. Юлиан Доминикович Талько-Грынцевич – исследователь Забайкалья, 1850–1936 / Н. В. Эйльбарт; отв. ред. М. В. Константинов. – Москва: Наука, 2003. – 167 с.
185. Эйльбарт, Н. В. Портреты исследователей Забайкалья: вторая половина XIX – начало XX века / Н. В. Эйльбарт. – Москва: Наука, 2006. – 224 с.
186. Яремчук, О. А. Могильник Зоргол-I – памятник хунно-сяньбийской эпохи Степной Даурии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / О. А. Яремчук. – Чита, 2005. – 23 с.

Приложение

Академик А. П. Окладников о ранней истории Забайкалья

Прошлое Забайкалья, обширного и богатого края нашей страны, расположенного на Дальнем Востоке, издавна представляет интерес для поколений историков и историков культуры своим своеобразием и насыщенностью историческими событиями. Здесь разворачивались важнейшие события, отражение которых нередко сказывалось далеко за пределами Забайкалья. Изучить глубоко и досконально историю этого замечательного края, судьбы делавших эту историю многочисленных поколений, означает понять и осознать её как непрерывное и целостное единство как единый исторический процесс, в котором исторически взаимосвязано и слито каждое конкретное звено.

Однако, выполнить такую работу нелегко. Нужен, во-первых, огромный и строго проверенный документальный материал, где дорог каждый фрагмент, каждый осколок былого, как бы ни мал, неизвестен по объёму он не был. Кто знает, что такое изнурительный и всепоглощающий труд историка, тот поймёт, сколько усилий требует, нередко, установление одного, единственного факта, но факта ранее неизвестного, факта принципиально нового, и как радость учёным такие находки.

Чита, 1972 г.

Археологические объекты на карте Забайкальского края

1. Кегей
2. Ималык-1, -2
3. Сень
4. Чарские Пески
5. Витим
6. Усть-Тунгир-1
7. Нижняя Джилинда
8. Усть-Каренга
9. Усть-Янтала
10. Муйшин
11. Усть-Юмурчен
12. Ироньская пещера
13. Титовская Сопка, Сухотино, Сухотинский Камень, Каменное Ущелье, Засопошное, Старая Чита, Сухой Ручей
14. Смоленские Скалы
15. Александровка
16. Верхний Нарым
17. Лукия
18. Дворцы
19. Ивановский клад
20. Ивано-Арахлейский
21. Шакшинский клад
22. Ундугун
23. Иргенские, Иргенский острог
24. Арта
25. Доронинск, Громатуха
26. Танга
27. Шаман-Гора
28. Гыршелунский Камень, Мастеров Ключ, Мастерова Гора, Русло Гыршелунки
29. Толбага
30. Зугмары
31. Халярта
32. Декабристский некрополь
33. Черёмушки
34. Кандобаево, Кукунская Гора
35. Унго
36. Малета
37. Усть-Обор
38. Бильчир, Чикойский Иоанно-Предтеченский монастырь
39. Альбитуйский керексур, Студёное, Мельничное-1, -2, Студёновское городище, Церковка, Мельничное городище, Змеиная Горка
40. Жиндо, Караульная Гора, Читкан
41. Гутайский Грот
42. Приисковое
43. Усть-Менза, Станки, Волково, Волковское городище, Тарановка
44. Этытэй, Шергольджин
45. Чикойское
46. Кристинкина пещера
47. Токуй
48. Батухан
49. Солонцовое-1, -2
50. Егоркина пещера
51. Усть-Шонуй
52. Усть-Буркал, Буркальский Бык
53. Алтай, Нижняя Еловка-1, -2
54. Косая Шивера-1, -2
55. Горанково
56. Исток Буркала
57. Шебетуй
58. Усть-Аца-1, -2
59. Фомичёво
60. Скакунья
61. Коврижка
62. Шивычи-1, Шивычи Дальние
63. Мангутская пещера
64. Акшинская крепость
65. Таптанайский
66. Храм Вороты
67. Бальзинский
68. Дарасун
69. Усть-Аргалей
70. Барун-Челутай
71. Ножий-1, -2, -3
72. Амогolon
73. Гунзэйское
74. Бурхотуй, Арын-Жалга, Анхабай, Будулан
75. Икарал
76. Чиндант
77. Улугуй, Адун-Чолон
78. Хээтэй
79. Большая Кулинда, Малая Кулинда, Оловянная, Семёновка, Соцел, Тополёвское
80. Кирочи
81. Ишихан
82. Илимка-1, -2, Кия
83. Бутиха
84. Копчил, Бараун-Кондуй-1, -2, -3, Кондуй, Кондуйский городок, Кондуйская церковь
85. Маргуцек
86. Хирхириновское городище, Алестуй, Окошки
87. Шихалин-Нур
88. Бугутурский городок
89. «Вал Чингисхана»
90. Куладжайский городок
91. Среднеаргунские городки, Цанкырские городки
92. Канга
93. Дурой
94. Кактуйские городки
95. Бырка, Казачий, Калашникова, Малый Улистай, Могойтуй
96. Зоргол
97. Доно
98. Аргунский острог, Онохойские Столбы
99. Чалбон, Соловьяха
100. Уровский, Усть-Уровская, Мукарки-1, Уровский завод
101. Нерчинский острог
102. Кангил-1, -2, Ламинская Гора
103. Сретенский острог, Молодовск
104. Богачинская пещера
105. Шилкинская пещера
106. Кара
107. Чудейский Утёс, Усть-Чёрнинское, Витчиха
108. Джалинда
109. Голый Мыс, Хоктонга
110. Аксёново-Зиловское
111. Талакан
112. Ундурга
113. Усть-Дыроватка, Средне-Шайкино
114. Богузия-1
115. Казарма 6969 км, Усть-Шуруга
116. Усть-Солонцовая Чичатка
117. Большая Чичатка
118. Сестрёнки-1
119. Усть-Джапиджак
120. Утени

▲ *Поселения, стоянки, местонахождения, городища*

◆ *Погребения, могильники*

● *Петроглифы, жертвенники*

⤵ *Пещеры*

■ *Историко - археологические памятники*

— *“Вал Чингисхана”*

М. И. Рижский и А. П. Окладников со студентами (слева направо)
на Титовской Сопке (1950-е гг.)

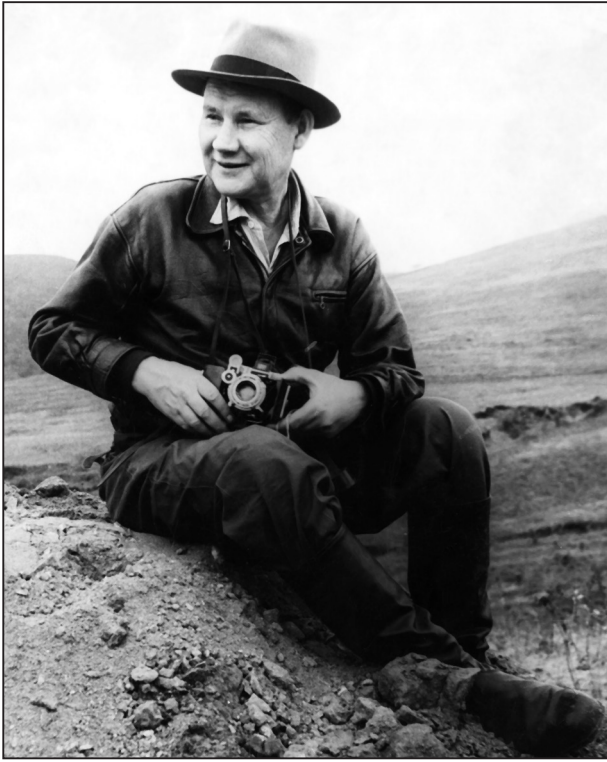
Читинский отряд Дальневосточной археологической экспедиции. Слева направо
сидят А. Е. Конюкова, Р. С. Васильевский, И. И. Кириллов, А. П. Окладников,
И. В. Асеев. В 3-м ряду 1-й слева И. Е. Соколовский. Чиндانت. 1968 г.

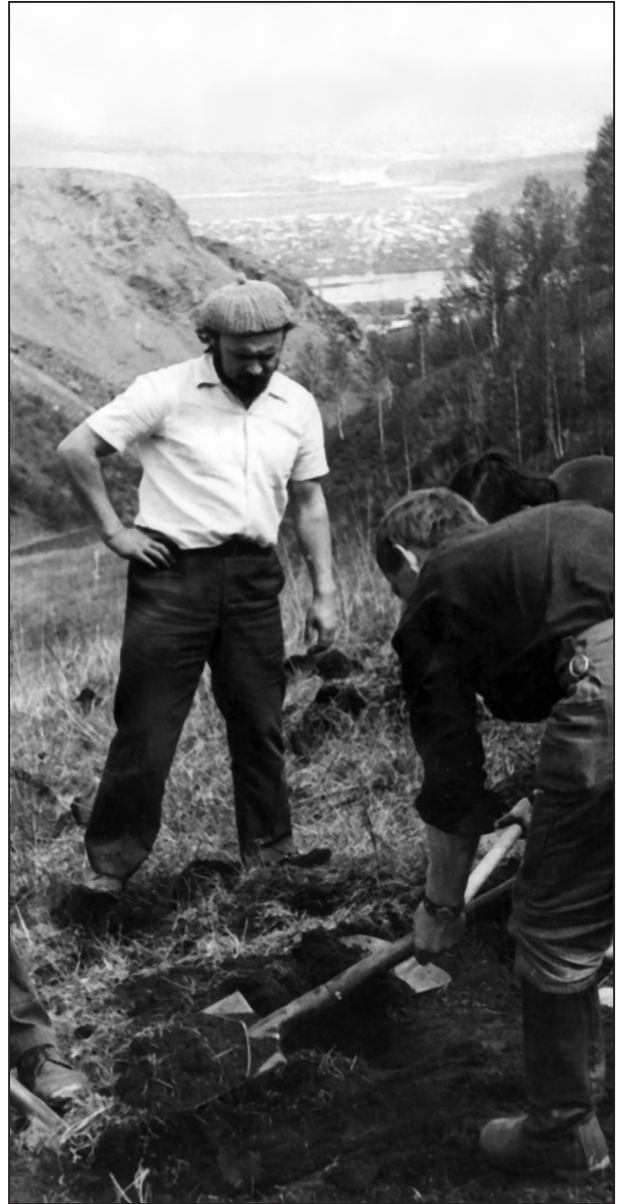
Разведка по Ингоде. 1966 г. (И. И. Кириллов, М. К. Савватеев,
М. В. Константинов, И. В. Асеев)

Участники экспедиции по Мензе. 1981 г.

А. П. Окладников на Санном Мысе. 1968 г.

И. И. Кириллов на Титовской Сопке.
1972 г.

Е. В. Ковычев и И. И. Кириллов на раскопках на оз. Ножий. 1974 г.

Л. В. Семина (Екимова) за обработкой керамики. Студёное. 1976 г.

Раскопки поселения Приисковое. 1993 г.

Поселение Толбага. 1986 г.

«Толбагинский медведь»

Студёное. Общий вид. 1996 г.

Изучение поселения Студёное-2. 1996 г.

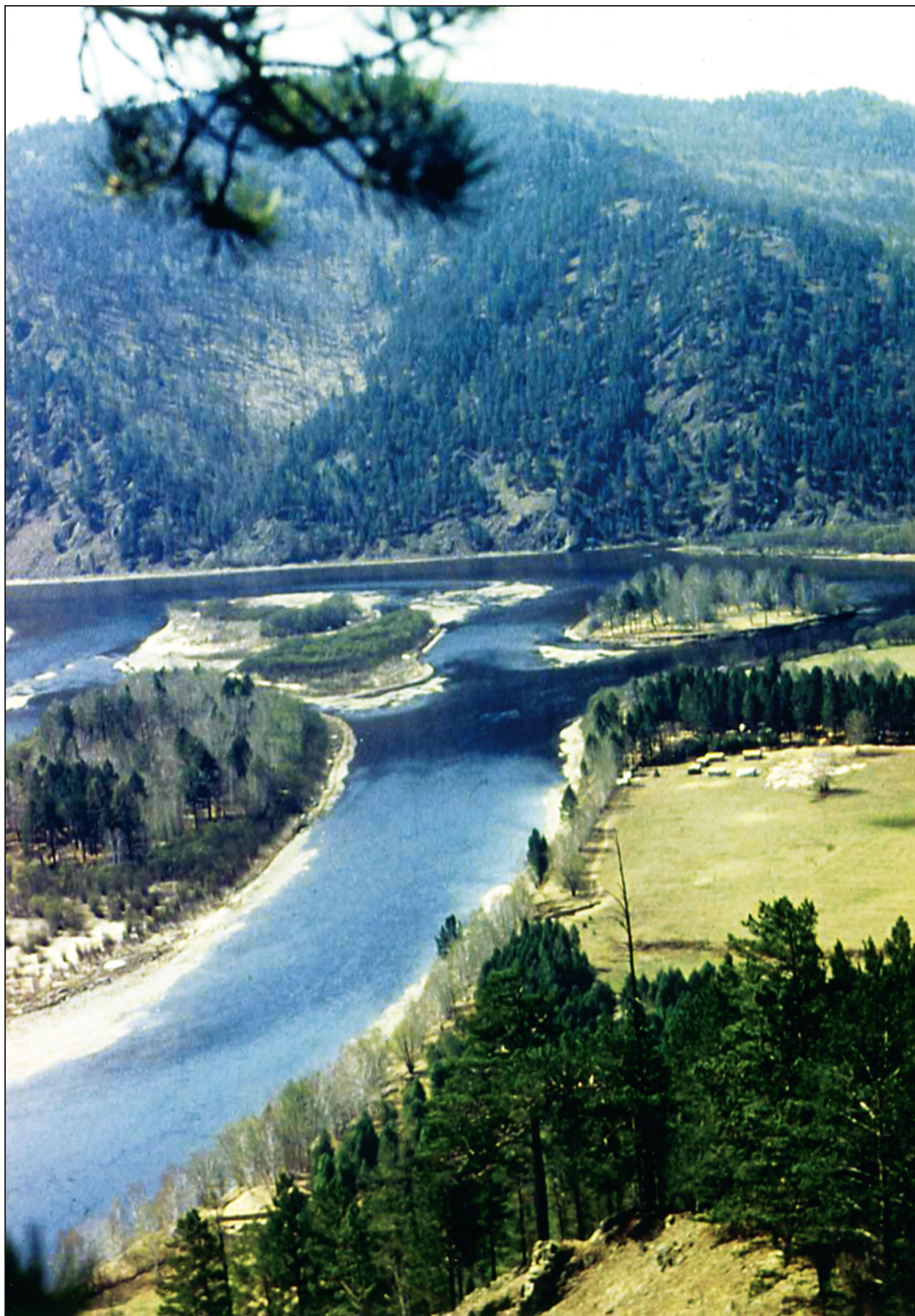
Студёное-2. Изучение многоочажного палеолитического жилища горизонта 4/5. 1999 г.

«Жезл начальника». Студёное-2

Изучение многоочажного палеолитического жилища на поселении Косая Шивера-2.
2016 г.

Усть-Менза. Общий вид урочища. 1986 г.

Изучение поселения Усть-Менза-1. 2007 г.

Изучение поселения Усть-Менза-2. 2017 г.

Изучение поселения Усть-Менза-3. 1982 г.

Мезолитическое погребение.
Мельничное

Человек из пади Мельничная
(р. Чикой). Антропологическая
реконструкция Е. В. Веселовской

Погребение № 2 в пади Токуй (р. Менза)

Человек из пади Токуй (погребение
№ 1). Антропологическая
реконструкция Р. М. Галева

Человек из местности Жиндо
(погребение № 2, скелет 2).
Антропологическая реконструкция
Р. М. Галеева

Человек из местности Жиндо
(погребение № 6). Антропологическая
реконструкция А. В. Рассказовой

Шилкинская пещера

а

б

в

г

Инвентарь неолитических погребений и поселений (из фондов ЗККМ): а – микронуклеусы; б – гарпун; в – вкладышевый нож; г – нефритовый топор

Поселение Арын-Жалга на фоне г. Большой Батор. 1982 г.

Ножий-3. Неолитическое погребение

Наскальные рисунки. Шаман-Гора (р. Арей). 2013 г.

Наскальные рисунки. Имандан-Макит (верховья Нерчи). 2017 г.

Инвентарь эпохи ранней бронзы из могильника Дурой

Плиточные могилы на оз. Улин. 2012 г.

Нагрудное украшение
из плиточного погребения.
г. Семеновка. ст. Оловянная

Антропологическая реконструкция облика
человека культуры плиточных могил.
Автор Н. Н. Мамонова

Плиточные могилы в долине р. Ага у с. Улан-Сарта

Бронзовый меч и шлем (из фондов ЗККМ)

Трипод

Иволгинский олений камень. Иркутск

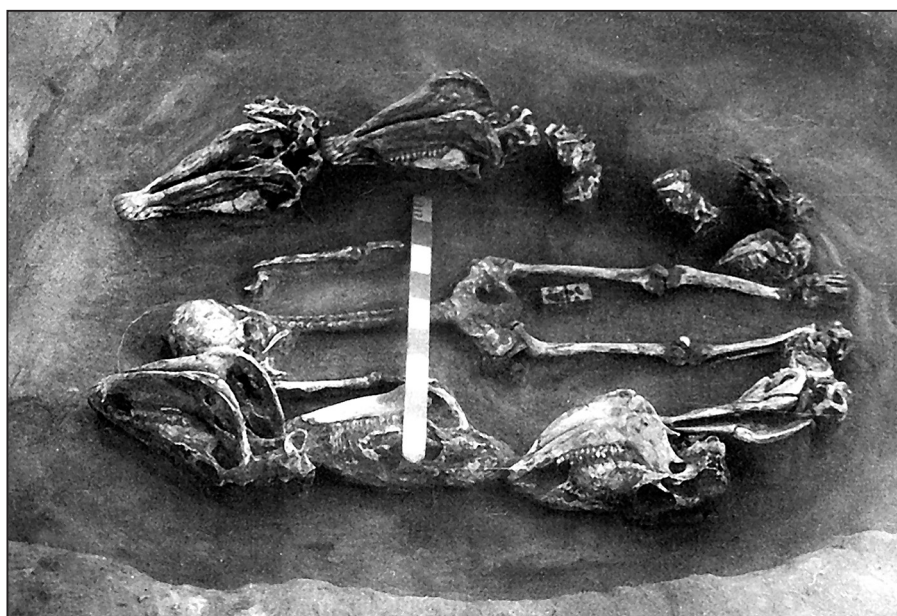
Альбитуйский керексур. Долина Чикоя

Альбитуйский керексур. Вид с сопки

Раскопки поселения Дворцы. И. Е. Соколовский. 1974 г. Холст, масло. Музей археологии Забайкалья ЗабГУ

Захоронение Дворцовской культуры

Пластины наборного пояса с изображениями орлов

Предметы из погребений дворцовой культуры

Сосуд из погребения дворцовой культуры.
Александровка

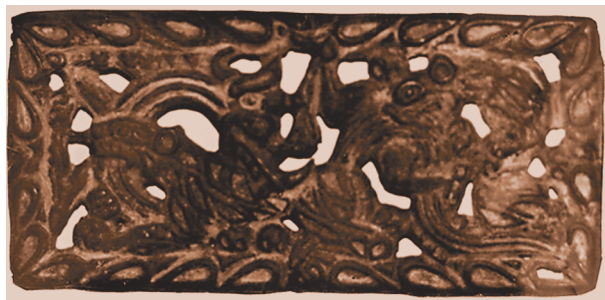
Княжеское захоронение. Ильмовая падь

Внешний вид хунского погребения. Долина р. Кия

Керамические сосуды из погребений хунну

Бронзовые пластины хунну

Бляшка (золото) из окрестностей с. Кункур. Культура хунну

Глиняные сосуды и берестяные туески из погребений сяньби. Зоргол

Вещи из погребения бурхотуйской культуры

Гривна (золото) из окрестностей оз. Сорбой. Бурхотуйская культура

Киданьский сосуд из погребения у с. Дурой

«Чингисов камень»

Раскопки кургана на г. Окошки. 1959 г.

Раскопки Кондуйского городка. 1957 г.

Студенты Читинского пединститута на раскопках Кондуйского городка.
В центре – руководитель экспедиции С. В. Киселев. 1957 г.

Раскопки Хирхиринского городища. Начало 2000-х гг.

Каменный дракон

Черепица Кондуйского дворца

Церковь в с. Кондуй и гранитные фрагменты Кондуйского дворца

Бронзовые зеркала раннемонгольского времени (из фондов ЗКМ)

Местность, где располагался Иргенский острог

Предметы, найденные при раскопках Аргунского острога

Предметы с русского поселения Засопошное

Изучение некрополя Успенской церкви. с. Калинино (Монастырское). 2016 г.

Изучение декабристского некрополя.
г. Петровск-Забайкальский. 1983 г.

Эполеты генерала С. Р. Лепарского. Декабристский некрополь. г. Петровск-Забайкальский

Учебное издание

Константинов Александр Васильевич
Константинов Михаил Васильевич

Археология Забайкалья

Редактор А. А. Рыжкова
Вёрстка С. Я. Непомнящих

Подписано в печать 18.06.2020.
Форм. бум. 60×84/8. Бумага ксерографическая.
Печать цифровая. Гарнитура Schoolbook.
Уч.-изд. л. 15,7. Усл. печ. л. 20,9.
Тираж 100 экз. (1-й з-д 1–33 экз.). Заказ № 20100.

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30

